

**МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. М. АКМУЛЛЫ»**

На правах рукописи

АБДРАХМАНОВА ФЛОРИДА РИВХАТОВНА

**МЕЖЛИЧНОСТНЫЙ КОНФЛИКТ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ**

Специальность:

5.7.7. – Социальная и политическая философия

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук,
профессор БГПУ им. М. Акмуллы
И.И. Еникеева

Уфа – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ФИЛОСОФСКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ МЕЖЛИЧНОСТНОГО КОНФЛИКТА.....	21
1.1. Межличностный конфликт как базисная топологическая структура социальных конфликтов в системно-интегративной методологии: от классических концепций к топологической модели.....	21
1.2. Типология межличностных конфликтов в системной перспективе.....	48
1.3. Герменевтика и феноменология как методы анализа межличностного конфликта.....	60
Выводы по первой главе.....	85
ГЛАВА II. ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМНО- ТОПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА МЕЖЛИЧНОСТНЫХ КОНФЛИКТОВ.....	86
2.1. Цифровая трансформация межличностных конфликтов в современном обществе.....	86
2.2. Модель системно-топологического анализа межличностных конфликтов.....	116
2.3. Системные функции и практика социального медиатора как регулятора топологической динамики межличностных конфликтов	122
Выводы по второй главе.....	137
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	138
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	145
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	165

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования определяется кардинальной трансформацией межличностных конфликтов (МЛК) в условиях тотальной цифровизации коммуникации, порождающей новые формы деформации социальных отношений под воздействием алгоритмических платформ, интерфейсных иерархий и цифровой полиморфности идентичностей. По данным ВЦИОМ¹ (2025), 84% россиян ежедневно используют мессенджеры и социальные сети для личного общения, при этом, 67% отмечают рост конфликтов в цифровой среде из-за недопонимания в текстовых переписках и алгоритмического распределения информации. Данные ВЦИОМ полностью синхронизируются с глобальными тенденциями Pew Research Center² (2024), где более 85% повседневных межличностных взаимодействий в развитых странах опосредовано цифровыми каналами, где персонализированные алгоритмы рекомендаций формируют параллельные информационные реальности, платформенные барьеры доступа возводят новые статусные градации, а множественные цифровые воплощения разрушают традиционную основу взаимного узнавания.

Традиционные психологические и социологические модели, разработанные для синхронного личного общения, демонстрируют принципиальную неадекватность в анализе асинхронных, масштабируемых конфликтов, циркулирующих в платформенных экосистемах. Отсутствует универсальный методологический аппарат для выявления устойчивых закономерностей МЛК за изменчивостью их цифровых форм проявления. Практики медиации, включающие переговоры, посредничество и психологическое консультирование, сегодня всё чаще сталкиваются с особенностями цифровой коммуникации. На развитие конфликта влияют не

¹ ВЦИОМ. Цифровая коммуникация и социальные конфликты в России. Пресс-релиз № 4567, 15 марта 2025 г. – С. 3.

² Pew Research Center. Online interactions and social connectivity. 2024, – P. 12.

только действия его участников, но и сама среда общения. Алгоритмы определяют, какой контент увидит пользователь, какие сообщения получат, больший отклик и какие темы окажутся в центре внимания. Дополнительные сложности возникают из-за того, что человек может одновременно существовать в нескольких цифровых пространствах, использовать разные аккаунты и по-разному представлять себя в сети.

В связи с этим становится заметным расхождение между теоретическим осмыслением конфликта и практикой работы с ним в цифровой среде. Философские исследования помогают понять общие механизмы возникновения противоречий, однако их не всегда можно напрямую использовать для анализа конкретных конфликтных ситуаций. Психологические подходы сосредоточены главным образом на переживаниях и поведении участников, тогда как особенности структуры взаимодействия часто остаются на втором плане.

В исследовании предлагается совершенно новый образ социального медиатора, которого мы называем философом-медиатором. Данный образ помогает посмотреть на проблему межличностного конфликта и способов их разрешения под новым углом. Основной задачей является не только разрешение конфликтных ситуаций, но и попытка уменьшить последствия именно цифровой разрозненности, которая появляется в связи с особенностями платформ, различных алгоритмов и т.д. В этих условиях важность сохранения гуманистических отношений остается на первом месте.

Степень научной разработанности проблемы. На сегодняшний день известно, что межличностный конфликт изучается рядом социально-гуманитарных наук: психологией, социологией, педагогикой, конфликтологией, политологией, педагогикой, социальной философией. Но, в то же время, огромный накопленный эмпирический материал не позволяет сделать основной вывод о том, что конфликт осмыслен в социально-философском контексте достаточно. Поэтому приходим к мнению, что изучение конфликта требует дальнейшей его разработки.

Впервые в древнегреческой философии были затронуты вопросы конфликта и его природы в учениях Сократа, Платона и Аристотеля³. Затем в Средние века теологи видели связь с божественной целью и греховностью человека, а в эпоху Возрождения и Нового времени существенный вклад в познание природы конфликта внесли Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Б. Спиноза и др., выделив причины возникновения социальных конфликтов⁴.

Исследование конфликта в историко-философской мысли получило развитие в XIX веке. Карл Маркс, Фридрих Энгельс и Макс Вебер занимались изучением конфликтов, исходя из деления общества на классы и социальные группы с различным социально-экономическим положением, с различным отношением к основным средствам производства, с различным местом в системе отношений собственности⁵. В рамках социального дарвинизма Герберт Спенсер исследовал конфликт, что стимулировало множество исследований этнических конфликтов, проведенных Л. Гумпловичем, У. Самнером, Д. Мацумото⁶.

Г. Зиммель впервые исследовал позитивные функции конфликта⁷. Западноевропейские социология и политология стали пионерами в разработке методов разрешения конфликтов и управления ими, о чем свидетельствуют их

³ Аристотель. Политика. – Москва : Издательство АСТ, 2025. – 384 с.

⁴ Макиавелли Никколо Государь. – М.: Издат. дом «Художественная литература», 2022. – 257 с.; Bacon F. The works of Francis Bacon, Coll. and ed. by James. Spedding «t al. 14 vol-s, – London, 1857-1874 (Reprint, New York, 2011); Гоббс, Т. Левиафан / пер. с англ. А. Гутермана. – Москва : РИПОЛ классик, 2020. – 608 с.; Спиноза, Б. Этика / Б. Спиноза ; переводчик Н. А. Иванцов. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 240 с.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т.8. Издательство «Государственное издательство политической литературы», Репринт. – 2024. – 736 с.; Вебер М. Основные социологические понятия // Политика как призвание и профессия (сборник) // М. Вебер; [пер. с нем. и вступит. Ст. А.Ф. Филиппова.] – М.: РИПОЛ-классик, 2018. – 292 с.

⁶ Спенсер Г. Научные основания нравственности: индукция этики. 2. Этика индивидуальной жизни; [перевод с англ.; примеч. А.Федорова]. – Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 248 с.; Гумплович Л. Социология и политика / Людвиг Гумплович; Пер. с нем. С.Н. Прокоповича. – М.: Д.А. Бонч-Бруевич, 2015. – 124 с.; Sumner W.G. What Social Classes Owe to Each Other. – Caldwell: The Saxton printers, 1974. – 146 p.; Мацумото Д. Психология и культура: Современ. исслед. / Дэвид Мацумото. – 3. междунар. изд. – СПб: Прайм-Еврознак ; Москва : Нева, – 2022. – 414 с.

⁷ Зиммель Г. Конфликт современной культуры. – СПб.: Питер, 2019. – 193 с.

научные работы: Дж. Бертон, К. Боулдинга, М. Вебера, Р. Дарендорфа, М. Дойча, Г. Зиммеля, Л. Козера, Л. Крисберга, К. Маркса, Т. Парсонса⁸ и других.

В некоторых научных работах конфликт воспринимается как следствие социальной напряженности, приводящее к деструктивному и дисфункциональному состоянию. Такие ученые, как Э. Дюркгейм, Т. Ньюком, Т. Парсонс⁹, подчеркивали необходимость преодоления конфликтов рациональными средствами. Г. Зиммель, Л. Козер, К. Смолл¹⁰ утверждали, что конфликты могут помочь в выявлении потребностей, интересов и проблем вовлеченных сторон.

Русская философия воспринимала конфликт как естественный результат развивающихся противоречий, достигших своего пика. Последующее разрешение этих конфликтов приводит к трансформации, прокладывая путь к появлению новых качеств и перспектив. Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, Н. А. Бердяев и Л. И. Шестов¹¹, рассматривали межличностный конфликт как

⁸ Бёртон Дж. Эгоизм, альтруизм и моральные основания личности // *J. of humanistic psychology*. – L., 2013. – Vol. 53, n 4. – P. 438-460; Боулдинг К. Основные течения современной экономической мысли. – М.: Прогресс, 2018. – 287 с.; Вебер М. Основные социологические понятия // *Политика как призвание и профессия (сборник)* // М. Вебер; [пер. с нем. и вступит. Ст. А.Ф. Филиппова.] – М.: РИПОЛ-классик, 2018. – 292 с.; Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // *Социс.* – 1994. – № 5. – С. 142-147; Дойч М. Разрешение конфликта: (Конструктивные и деструктивные процессы) // *Социально-политический журнал*. – 1997. – № 1. – С. 202-218; Зиммель Г. Конфликт современной культуры. – СПб.: Питер, 2019. – 193 с.; Козер Л.А. Функции социального конфликта // *Американская социологическая мысль: Тексты*. – М., 1996. – С. 542-546; Kriesberg L. A Constructive Conflict Approach to World Struggles // *The Brown Journal of World Affairs*. 2015. Vol. 21, № 2; Marks K., Engel's F. К критике политической экономии // *Sobr. soch.*, izd. 2, t. 13. Moskva: Politizdat, 1959. 771 s.; Парсонс Т. Структура социального действия / Гл. 1,2, 17, 18, 19 // Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000 (1937). – С. 43-328.

⁹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А.Б. Гофмана, прим. В.В. Сапова. – М.: Канон, 1996. – 432 с.; Ньюком Т. Исследование согласия // *Социология сегодня: Проблемы и перспективы американской буржуазной социологии XX века*. – М., 1965. – С. 302-323; Parsons T. *Action Theory and Human Condition*. – New York: Free Press, 1978.

¹⁰ Simmel G. *Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung*. Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1908; Козер Л.А. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О.А. Назаровой; Под общ. ред. Л.Г. Ионина. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуал. книги, 2000. – 205 с.; Small A. The Era of Sociology // *The American Journal of Sociology*. – Vol. 1, – №1. July 1895. – P. 1-15.

¹¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 15. – М.: ГИХЛ, 1955. – 336 с.; Достоевский Ф.М. Письма. В 4 т. – М., Гослитиздат, Т.1, 1959. – 669 с.; Бердяев Н.А. Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники) // *Вопросы философии*. 1989. – № 2. – С. 147-162; Шестов Л. Киргегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне). – М.: Прогресс-Гнозис, 1992. – 234 с.

отражение противоречивости, проистекающей из внутренних конфликтов человеческого существования и стремления к разрешению.

Российские ученые, такие как А. Г. Здравомыслов, В. Б. Власова исследовали связь между противоречиями и конфликтами¹². В. А. Жилина и А. Ю. Жилин¹³ обосновывают конфликт как неотъемлемый элемент социального развития современного общества, подчеркивая связь успешности его преодоления с философским пониманием реальной сути конфликтных ситуаций и риска их мифологизации.

Темы человеческих конфликтов широко обсуждаются в рамках течений западной философской традиций – это феноменология Э. Гуссерля, М. Мерло-Понти, герменевтика Г. Г. Гадамера, герменевтический опыт межличностной коммуникации в гармонизации социальных отношений и конструктивной трансформации конфликта в работах Т. Рикёра, Т. Парсонса¹⁴. Герменевтика сегодня стоит перед вызовом становления цифровых технологий, и в этом отношении, для нашего исследования важны авторы труды таких ученых, как А. Р. Абдуллин, Г. Г. Гадамер, Р. Капурро, В. Г. Кузнецов, Р. Клейманн и Дж. Э. Стейдж, И. Н. Шульга¹⁵.

В постмодерновом обществе, превосходящим традиционные нормы права и морали, межличностный конфликт и медиация слиты в единое – медиация предстает инновационным регулятором, переходящим от

¹² Здравомыслов А.Г. Фундаментальные проблемы социологии конфликта // Социс. – 2021. – №8. – С. 12-21; Власова В.Б. Образование как фундаментальная составляющая развития современной культуры // Logos et Praxis. – 2011. – №2 (14). – С. 143-148.

¹³ Жилина В. А. Мифы статуса конфликта в социальном развитии / В. А. Жилина, А. Ю. Жилин // Социум и власть. – 2015. – № 2. – С. 19–21.

¹⁴ Мерло-Понти М. Феноменология восприятия / Пер. с франц. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. – М.: «Ювента», «Наука», 1999. – 608 с.; Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. – 367 с.; Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М.: Изд-во «МЕДИУМ», 1995. – С. 9; Parsons T. Sociological Theory and Modern Society. – New York: Free, 1967.

¹⁵ Абдуллин А.Р. Философская герменевтика: исходные принципы и онтологические основания: препр. / А.Р. Абдуллин; Башкирский университет. – Уфа, 2000. – 60 с.; Гадамер Х.-Г. Истина и метод. – RUGRAM, 2012. – 704 с.; Capurro R. Hermeneutics and the phenomenon of information // Mitcham I.C. Metaphysics, Epistemology and Technology. JAI JAI/Elsevier, Amsterdam, 2000. – № 19. – P. 79-85; Кузнецов В.Г. Классическая и неклассическая герменевтика: преемственность и трансформации // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. – 2010. – № 3. – С. 51-64; Kleymann R., Stange J.E. Towards Hermeneutic Visualization in Digital Literary Studies // DHQ: Digital Humanities Quarterly. 2021. Volume 15. Number 2. Шульга Е.Н. Когнитивная герменевтика. – М.: Институт философии РАН, 2002. – 235 с.

репрессивного контроля к рефлексивному, что подчеркивается в трудах М. Фуко, Ж. Бодрийяр, Ш. Зубофф, А. Аппадурай¹⁶.

Для анализа философско-методологических аспектов современного конфликта, в том числе, межличностного, а также его урегулирования в социальной среде огромное значение имеют труды таких отечественных авторов, как С. А. Абгаджав, А. В. Алейников, А. Я. Анцупов, Е. В. Золотухина-Аболина, А. А. Ивин, В. А. Кутырев, Ф. С. Файзуллин¹⁷. Одной из базовых книг по типологии социального конфликта в российской науке является работа А. Б. Савина¹⁸.

Отдельно выделим труды О. А. Елховой и Л. М. Андрюхиной, согласно их идеям, виртуальная среда расширяет феноменологический анализ конфликтов, а постфеноменология дополняет классическую феноменологию акцентом на технологическую опосредованность¹⁹.

¹⁶ Фуко, М. Слова и вещи : Археология гуманитарных наук / М. Фуко ; пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. – Санкт-Петербург : А-сэд, 1994. – 408 с.; Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. М.Л. Коробочкина. – М.: Весь Мир, 2004. – 185 с.; Бодрийяр Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр ; пер. с фр. С. Зенкина. – Москва : Рудомино, 2001. – 222 с.; Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма : битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Ш. Зубофф ; пер. с англ. А. Ф. Васильева ; под науч. ред. Я. Охонько, А. Смирнова. – Москва : Издательство Института Гайдара, 2024. – 781 с.; Appadurai A. Mediants, Materiality, Normativity / A. Appadurai // Public Culture. – 2015. – Vol. 27, no. 2 (76). – P. 221–237.

¹⁷ Абгаджав Д.А. Конфликтологическая экспликация справедливости // Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления национальной безопасности: материалы Четвертого Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. Санкт-Петербург, 22 ноября 2024 г. – С. 7-11; Алейников А.В. Конфликтный потенциал риск-рефлексий: концептуальные построения и исследовательские проблемы современной аналитики / А.В. Алейников, А.И. Стребков, В.П. Милецкий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. № 39(3). – С. 514–530; Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. 7-е изд. – СПб.: Питер, 2020. – 560 с.; Золотухина-Аболина Е.В. Переживание : философский анализ / Е.В. Золотухина-Аболина, В.Б. Мелас. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2022. – 350 с.; Ивин А.А. Аргументация в процессах коммуникации : монография / А. А. Ивин. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. – 555 с.; Кутырев В.А. Человечество и Технос: философия козволюции : монография / В. А. Кутырев, В. В. Слюсарев, Т.М. Хусяинов. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2020. – 260 с.; Файзуллин Ф.С. Справедливость как принцип гармонизации социальных отношений / Ф.С. Файзуллин, С.Д. Исанбаева; Академия наук Республики Башкортостан, Отделение социально-гуманитарных наук и технологий. – Уфа: Гилем, 2017. – 179 с.

¹⁸ Савин А.Б. Типология социальных конфликтов : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Савин А. Б. – Нижний Новгород, 1999. – 158 с.

¹⁹ Елхова О.И. Феноменология восприятия виртуальной реальности // Вестник Северного (Арктического) федерального университета (серия «Гуманитарные и социальные науки»). – 2024. – Т. 24. – №5. – С. 97-106; Андрюхина Л.М. Постфеноменология виртуальности // Дискурс-Пи. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2010, Вып. 9–10, с. 17–20.

Начиная с античности медиативные методы и концепция ненасилия применялись в качестве основы для альтернативного разрешения споров. Это видно из исследований, проведенных такими учеными, как Н. В. Вохменцева, М. Н. Козюк, С. В. Денисенко²⁰. Медиация как социальный механизм перехода от конфликта к солидарности, в том числе, его социально-политическому и ценностному измерению, была рассмотрена в исследованиях Г. Ф. Похмелкиной, К. Е. Гафнера, И. В. Гурьяновой, А. И. Стребкова²¹.

В последние годы все активнее обсуждается вопрос об интеграции интернет-технологий в практику медиации и сферу социального диалога, его гуманизации, этических оснований, специфики регионализации. Многочисленные исследователи внесли свой вклад в эту область, в том числе Н. И. Минкина, А. М. Сунами, Д. И. Салимгареев, Н. А. Шибанова, Г. А. Юнгус²².

Однако, относительно изучения специфики межличностного конфликта, отметим, что тема исследования остается недостаточно разработанной. В этой связи, особое значение для нашего исследования имеют труды С. А. Азаренко, разработавшего концепцию топологии и узлового пространства связей, где конфликт предстает деформацией социальной ткани, визуализируемой через топологемы²³.

²⁰ Вохменцева Н.В. Переговорное посредничество в межличностном конфликте: Социально-философский анализ: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Сиб. юрид. ин-т МВД России. – Красноярск, 2000. – 28 с.; Козюк М.Н. Медиация между архаикой и модерном // *Философия права*. – 2017. – №3 (82). – С. 123-129; Денисенко В.В. Медиация и наказание: история и современность // *Юридический вестник Самарского университета*. 2020. – №2.

²¹ Гафнер К.Е. Проблема медиации в контексте социологии конфликта // *Конфликтология*. – 2020. – Т. 3. – С. 277-288; Стребков А.И. Социальный конфликт и риск в междисциплинарном анализе / Д.А. Абгаджав, А.И. Стребков // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2022. – С. 218–230.

²² Минкина Н.И. Медиация как альтернативный способ урегулирования конфликтов: монография. М. – Берлин: Директ-Медиа, 2017. – 158 с.; Сунами А.М., Мусаев А.И. Проблема предвзятости нейросетей: конфликтные и этические вызовы // *Управленческое консультирование*. – 2024. – С. 150-158; Салимгареев Д.И. Медиативная технология как инструмент интеграции модели бережливого производства // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание*. – 2020. – № 2. – С. 85-90; Шибанова Н.А. Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества: методология и практики реализации. Казань. Изд-во Казанского университета, 2021. – 632 с.; Юнгус Г.А. Медиабельность конфликтов: социально-философский анализ / Г. А. Юнгус // *Дискурс-Пи*. – 2018. – № 2 (31). – С. 177–185.

²³ Азаренко С.А. Философская топология русской культуры : монография / С. А. Азаренко. – М.: Альма Матер, 2025. – 213 с.

Таким образом, анализ степени разработанности проблемы проведен с использованием хронологического принципа, прослеживающего генезис представлений о конфликте, его межличностной форме от античных этических доктрин к постнеклассическим реляционным онтологиям, что позволило констатировать методологический дефицит интегративных системно-топологических подходов к его осмыслению как инвариантной структуры социальных взаимодействий цифровой современности.

Актуальность данной темы, как с практической, так и с теоретической точек зрения, а также недостаточное количество научных исследований в данном направлении, определили объект, предмет и цели данного диссертационного исследования.

Объект исследования: межличностный конфликт как социальное явление.

Предмет исследования: системно-топологические закономерности динамики и трансформации межличностных конфликтов в условиях современного общества и философские принципы институциональной социомедиации.

Цель исследования: философско-методологическое обоснование системно-топологической концептуализации межличностного конфликта как базисной структуры социальных отношений современного общества и разработка социо-медиативной модели его анализа с функциональным определением профессиональной роли социального медиатора.

Целью работы продиктованы **научные задачи:**

- определить межличностный конфликт как базовую структуру социальных конфликтов микро- и макроуровней, концептуализировав его как топологическую инвариантность на основе системно-топологического метода анализа межличностных конфликтов в современном обществе;
- систематизировать типологию межличностных конфликтов на основе определения межличностного конфликта;

- раскрыть диалектическую связь универсальной топологической структуры межличностного конфликта с субъективным опытом участников через феноменологическое переживание и герменевтическую интерпретацию объекта противоречия;
- раскрыть цифровую динамику межличностного конфликта как лабораторию реляционных изменений современного общества;
- разработать модель системно-топологического анализа цифровых модусов межличностных конфликтов с практическими рекомендациями;
- раскрыть профессиональный профиль медиатора-философа, его основные функции и роль в регулировании межличностного конфликта в техно-интермедиарных коммуникациях на основе понятия социомедиации.

Теоретико-методологическая основа исследования представляет собой системно-топологический подход к анализу МЛК как фундаментальной реляционной структуры цифровизованного общества, где конфликт выступает не патологией, а топологической инвариантностью социальных связей, требующей конструктивной социомедиации. Философские основания опираются на постструктурализм Ж. Делёза и П. Гваттари с их концепцией ризоматических связей, феноменологию Э. Гуссерля, М. Мерло-Понти, Э. Левинаса, М.М. Бахтина, раскрывающую телесное со-присутствие и этику Другого в цифровых практиках, герменевтику Г. Гадамера и П. Рикёра для анализа интерпретационных кризисов и нарративной идентичности, постфеноменологию Дона Ихде и философии коэволюции В.А. Кутырева как методологию техно-интермедиарных отношений «человек-техника-мир», топологию души и сообщества С. А. Азаренко с понятиями топологемы, узлового пространства связей и деформаций социальной ткани, а также полевое понимание жизненного пространства Курта Левина ²⁴ в

²⁴ Гваттари Ф. Три экологии / Ф. Гваттари ; пер. с фр. О. Петронич. – Пермь : Гиле Пресс, 2022. – 120 с.; Левинас Э. Этика бесконечного (интервью с Р. Керни) // Керни Р. Диалоги о Европе. – М.: Весь мир, 2002. – С. 197; Бахтин М.М. Человек в мире слова/сост., предисл., прим. О.Е. Осовского. М.: Изд-во Российского открытого ун-та, 1995. – 140 с.; Ihde D. Technology and the Lifeworld : From Garden to Earth / D. Ihde. – Bloomington : Indiana University Press, 1990. – 226 p.; Азаренко С.А. Топология души и детства: феноменологическая и социально-топологическая

переосмыслении О. И. Елховой, где психологическое поле трансформируется в метрическую конфигурацию социальных деформаций. Из отечественных философов задействованы А. В. Алейников, А. В. Дмитриев, А. Г. Здравомыслов, Ю. Н. Козырев, Д. С. Конторов и М. Д. Конторов, В. А. Лекторский, А. И. Стребков, Н. А. Шибанова и другие ученые, обеспечивающие связь философской теории с эмпирическими практиками цифровой социальности²⁵.

Теоретико-практические основания получили эмпирическое подтверждение через исследование современных межличностных конфликтов (2024–2026 гг.). Методологическая достоверность подтверждена апробацией модели на семинарах-опросах по разрешению межличностных конфликтов (150 участниц: мусульманские и православные женщины, светские участницы). В рамках семинаров проведен анализ практических кейсов семейных конфликтов с применением диагностического алгоритма. Модель демонстрирует воспроизводимость результатов в различных платформенных контекстах. Эмпирическая база исследования сформирована также на основе анализа платформенных коммуникаций, контент-анализа цифровых конфликтов в социальных сетях, а также отечественных исследований цифровой медиасреды и информационных конфликтов. Указанный арсенал обеспечивает разработку социально-философской концепции МЛК, способной объяснить его устойчивость в условиях цифровой эпохи и предложить социомедиацию как метод конструктивного разрешения реляционных напряжений.

методология исследования // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – №5. – С.76-86; Левин К. Разрешение социальных конфликтов / К. Левин ; пер. с англ. И. Ю. Авидон. – Санкт-Петербург : Речь, 2000. – 407 с.

²⁵ Дмитриев А.В. О социальной дезинтеграции в конфликте // Социс. – 1992. – №10. – С. 3-9; Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. Исследование конфликта на макроуровне. Теоретические предпосылки. Н. Новгород: Волго-Вятский кадровый центр, 1994; Козырев Г.И. Конфликтология. Межличностные конфликты // Социально-гуманитарные знания. – 1999. – № 3. – С. 82-92; Дружинин В. В. Введение в теорию конфликта / В. В. Дружинин, Д. С. Конторов, М. Д. Конторов. – Москва : Радио и связь, 1989. – 288 с.; Лекторский В. А. Культура, общество, медиация. Теория А.С. Ахиезера / В. А. Лекторский // Философские науки. – 2019. – Т. 62, № 8. – С. 9-15.

Лакуна научного знания заключается в отсутствии социально-философской концепции МЛК как топологической инвариантности цифрового общества и методологии социомедиации как практики конструктивного разрешения реляционных деформаций, что определяет актуальность и новизну настоящего исследования.

Научная новизна диссертационного исследования:

1. Концептуально обоснован с позиций философии межличностный конфликт как базисная структура социальных конфликтов, связывающая микроуровень повседневных взаимодействий с макроуровнем социальных процессов на основе системно-топологической методологии как рефлексивного мета-метода социальной философии, деконструирующего межличностный конфликт через интеграцию постструктурализма, феноменологии, герменевтики и топологии.

2. Выявлена и систематизирована типология межличностных конфликтов как структурированная тремя фундаментальными типами деформации социальной связности – ценностной дивергенцией, статусным расслоением и идентичностной фрагментацией, каждая из которых воплощает универсальную топологическую логику пространственного нарушения связей между субъектами (две стороны + объект противоречия) на основе авторского определения МЛК как топологической инвариантности социальной структуры современного общества – деформации связей между субъектами на базовом уровне, трансформируемой в конфигурацию коммуникации идентичностей.

3. Обоснована диалектическая связь универсальной топологической структуры конфликта с субъективным опытом участников через феноменологическое переживание и герменевтическую интерпретацию объекта противоречия, конкретизирующие абстрактные формы деформаций в индивидуальные смысловые горизонты и обеспечивающие единство объективной реляционной организации с интересубъективной динамикой конфликта.

4. Раскрыта цифровая перестройка межличностных конфликтов как лаборатории топологических трансформаций, где реконфигурация телесно-реактивных узлов со-присутствия в цифровизованных режимах порождает новые формы деформаций социальной связности, сохраняющих универсальную топологическую логику, и разрешаемых посредством социомедиации как метода восстановления реляционной непрерывности в платформенных экосистемах.

5. Разработана модель системно-топологического анализа цифровых модусов межличностных конфликтов, представляющая пятиэтапный диагностический алгоритм (идентификация субъектов конфликта, локализация объекта противоречия, классификация типа деформации социальной связности, измерение интенсивности взаимодействия, выбор стратегии разрешения), обеспечивающая переход от структурной фиксации реляционных нарушений к прогнозированию динамики и конструктивному управлению конфликтом с практическими рекомендациями по топологической реконфигурации конфликтов в цифровой среде.

6. Обоснован новый профессиональный профиль социального медиатора-философа как топологического оператора цифровых конфликтов, чьи основные функции обеспечивают согласование ценностей и позиций субъектов в межличностных конфликтах техно-интермедиарных сред, в связи с чем, введено и теоретически обосновано авторское понятие социомедиации как философского метода конструктивной регуляции межличностных конфликтов, представляющего собой мультидисциплинарную рефлексивную практику для перехода от конфликтной деформации к ко-нарративному диалогу и восстановлению реляционной связности.

На защиту выносятся следующие **основные положения:**

1. Межличностный конфликт выступает базовой топологической структурой всех социальных конфликтов, связующей повседневные взаимодействия индивидов с общественными процессами через универсальную логику деформации социальных связей между двумя

субъектами вокруг единого объекта противоречия, которая сохраняет свою неизменную пространственную природу при переходе от традиционных форм личного общения к современным цифровым условиям коммуникации. Системно-топологическая методология социальной философии, синтезирующая постструктуралистский анализ, феноменологическое описание опыта и герменевтическое истолкование смыслов, представляет рефлексивный мета-метод деконструкции межличностного конфликта и устанавливает универсальную инвариантную треугольную конфигурацию А–Х–Б (где А и Б – конфликтующие субъекты, Х – объект противоречия), сохраняющую структурную устойчивость при качественной трансформации от традиционных синхронных форм телесного со-присутствия к асинхронным цифровым режимам алгоритмически опосредованного взаимодействия, что обеспечивает философски обоснованную основу для точной диагностики и конструктивного разрешения современных межличностных конфликтов.

2. Оригинальная типология межличностных конфликтов сформирована по трем фундаментальным типам деформации социальной связности: ценностная деформация возникает из расхождения оценок и жизненных приоритетов, когда спорный объект имеет принципиально разное значение для участников конфликта; статусная деформация порождается неравным доступом к социальным ресурсам и платформенным привилегиям, создающим иерархические барьеры взаимодействия; идентичностная деформация обусловлена фрагментацией самосознания в условиях множественности цифровых воплощений и ролевых профилей. Каждый тип деформации воплощает универсальный механизм пространственного нарушения связей, конкретизируемый непосредственным переживанием участников и различиями в их понимании причин и сути конфликта, что обеспечивает философскую универсальность типологии при ее применимости к анализу как традиционных, так и платформенных форм современного человеческого разногласия. Дано авторское определение МЛК как топологической инвариантности социальной структуры современного общества – деформации

связей между субъектами на базовом уровне, трансформируемой в конфигурацию коммуникации идентичностей, что обеспечивает преемственность анализа между традиционными формами взаимодействия и цифровыми платформенными экосистемами, а также методологическую основу для разработки диагностических инструментов и практик социомедиации.

3. Диалектическая связь универсальной топологической структуры межличностного конфликта с субъективным опытом его участников выражена в диалектическом единстве объективной реляционной организации (конфигурация А–Х–Б как инвариантная схема деформаций социальной связности) и intersубъективной динамики переживания, где феноменологическое проживание объекту противоречия (непосредственное восприятие деформации как нарушения жизненного мира) и герменевтическая интерпретация (реконструкция смысловых горизонтов сторон через ко-нарративное посредничество) конкретизируют абстрактные топологические формы в индивидуально-значимые смысловые поля, обеспечивая преемственность между универсальной логикой пространственного разрыва связей и уникальным опытом участников, что методологически обосновывает применение социомедиации в условиях цифровых коммуникаций.

4. Цифровая перестройка межличностного конфликта функционирует как лаборатория топологических трансформаций, где реконфигурация телесно-реактивных узлов со-присутствия в цифровизованных режимах не разрушает структурную инвариантность А–Х–Б, но качественно мутирует феноменологические переживания и герменевтические интерпретации объекта противоречия под воздействием алгоритмических платформ и интерфейсных иерархий. Философское значение открытия заключается в установлении техно-интермедиарной парадигмы межличностного конфликта: платформы перестают быть нейтральными каналами коммуникации, становясь активными структурными посредниками, со-конституирующими как содержание, так и само пространство межконфликтного взаимодействия,

что требует разработки адекватных диагностических инструментов системно-топологической модели и философской методологии социомедиации.

5. Системно-топологическая модель межличностных конфликтов, интегрирующая формальную устойчивость топологических сигнатур деформации связности, интенциональную наполненность феноменологического опыта и семантическую глубину герменевтических конструкций, воплощается в пятиэтапный диагностический алгоритм – от идентификации конфликтующих субъектов и локализации объекта противоречия к классификации типа деформации, измерению ее интенсивности и прогнозированию эффективности разрешения – с визуализацией топологом С. А. Азаренко, обеспечивающей переход от философской абстракции к стратегическому планированию восстановления социальной целостности в практике социомедиации.

6. Социальный медиатор-философ предстает регулятором платформенных разломов, его новый профессиональный профиль позволяет функционально интегрировать структурный анализ деформаций (визуализация топологических сдвигов и идентификация сигнатур нарушений), эмпатическое погружение (создание доверительного поля для обмена переживаниями и улавливание скрытых мотивов), интерпретативное содействие (совместное переосмысление нарративов и гармонизация смыслов), рефлексивное выслушивание (расшифровка подлинных позиций участников) и конструктивное моделирование (построение альтернативных сценариев урегулирования и управление эволюцией конфликта) с целью выравнивания ценностных ориентиров и установок индивидов в условиях алгоритмизированных коммуникаций образовательных платформ, рабочих коллективов, консультативных центров и открытых онлайн-пространств цифровой эпохи.

Социомедиация представляет собой философский метод конструктивной регуляции межличностных конфликтов, разработанный на основе социально-топологической модели универсальной треугольной конфигурации А–Х–Б и

воплощающий мультидисциплинарную рефлексивную практику перехода от конфронтационной деформации социальной связности к состоянию ко-нарративного диалога и восстановлению реляционной целостности через систематическую диагностику структурных нарушений взаимодействия, стратегическое переосмысление объекта противоречия и планирование философского посредничества, адаптированное к цифровым условиям алгоритмической персонализации, платформенных статусных барьеров и полиморфизма идентичностей.

Теоретическая и практическая значимость заключается в разработке системно-топологической концепции межличностного конфликта как структурной характеристики цифрового общества, существенно обогащающей социальную философию методологией анализа конфликтов как топологической инвариантности социальных связей. Определение МЛК как базовой структуры, связывающей микроуровень повседневных взаимодействий с макроуровнем платформенных процессов, дополненное понятием социомедиации как мультидисциплинарного философского метода, а также исследование алгоритмических, интерфейсных и иммерсивных модусов МЛК вносят вклад в цифровые гуманитарные науки, формируя теорию социомедиации как самостоятельное направление социально-философского знания.

Практическая значимость модели системно-топологического анализа МЛК и нормативного образа социального медиатора-философа заключается в их применимости для профессиональной подготовки медиаторов и разрешения цифровых конфликтов. Разработанные диагностические алгоритмы и типология цифровых модусов МЛК могут быть внедрены в образовательный процесс по дисциплинам «Социальная философия», «Философия цифровой эпохи», «Конфликтология», «Этика коммуникации», а также в программы повышения квалификации психологов, HR-специалистов и корпоративных медиаторов. Результаты применимы для модерации конфликтов и фасилитации виртуальных переговоров.

Апробация результатов исследования. Материалы диссертации апробированы на кафедре философии, социологии и политологии, также на кафедре обществознания, права и обществознания Института исторического, правового, социально-гуманитарного образования БГПУ им. М. Акмуллы. Результаты исследований были представлены на научных конференциях, круглых столах, семинарах, публиковались в СМИ, в сети Интернет, в научных изданиях, на лекциях перед студенческой аудиторией.

Основные выводы и положения диссертации изложены в 17 публикациях автора общим объемом более 4,5 п. л., в том числе 6 – в научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации для публикации результатов диссертационных исследований, а также отражены в выступлениях на международных и всероссийских научно-практических конференциях, в том числе: XI Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция «Проблемы гуманитарных наук и образования в современном мире» (2026), XXXX Международная научно-практическая конференция «Современные тенденции развития науки и мирового сообщества в эпоху цифровизации» (2026), VII Всероссийский социологический конгресс (2025), XII Международная научно-методологическая конференция (2025), VII Всероссийская научно-практическая конференция «Социальные институты в правовом измерении: теория и практика» (2025), XXIV Международной научно-практической конференции «Российская наука в современном мире» (2025), Международная научно-практическая конференция «XVIII Акмуллинские чтения» (2024); I Международный конгресс социально-политических исследователей тюркского мира (2023); IX Международная научно-практическая конференция «Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XXI века» (2017).

Соответствие темы диссертации паспорту научной специальности.

Тема диссертации соответствует следующим пунктам паспорта научной специальности 5.7.7. Социальная и политическая философия:

– п. 28. Общественные отношения как проблема социально-философского анализа. Проблема поиска структурообразующего основания системы социальных связей.

– п. 30. Солидарность и конфликт как проблемы социальной философии. Конфликт как социальный феномен. Истоки конфликтов, типы и пути разрешения конфликтов. Конфликтология в философском контексте.

– п. 39. Человек как проблема социальной философии. Человек и общество. Понятие и типы человеческой личности.

Достоверность результатов обеспечена строгой методологией, статистической проверкой и воспроизводимостью. Теоретическая достоверность обеспечена строгим философским анализом в рамках системно-интегративной методологии, синтезирующей отечественную традицию с международным контекстом. Логическая строгость типологии и модели подтверждена сравнительным анализом с психологическими и социологическими подходами. Методологическая достоверность достигается через пятиэтапный алгоритм с математически определенными метриками, программно реализованными в Python 3.11 с библиотеками NetworkX (графовый анализ), NumPy (матричные вычисления), Plotly (3D-визуализация). Эмпирическая база демонстрирует корреляцию прогнозов. Воспроизводимость подтверждена кроссплатформенной проверкой (iOS/Android/Web). Практическая реализация социально-топологической модели запланирована через патентование программного продукта в Роспатент и внедрение в образование.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав (шести параграфов), заключения, списка литературы, приложения.

ГЛАВА I. ФИЛОСОФСКО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ МЕЖЛИЧНОСТНОГО КОНФЛИКТА

1.1. Межличностный конфликт как базисная топологическая структура социальных конфликтов в системно-интегративной методологии: от классических концепций к топологической модели

Основу философии конфликта составляет диалектическое понимание природы человека, на основе чего, любой социальный конфликт – это конфликт интересов социальных групп, либо частный случай проявления общественного противоречия. Соответственно, конфликт можно рассматривать не только как источник напряжения, но и как индикатор глубинных трансформаций, происходящих в социальной структуре современного общества. Всё это требует системного, междисциплинарного анализа, особенно с учётом вызовов и возможностей цифровой эпохи.

Конфликт характеризуется наличием противоборства социальных сил или же проблемой, которая выступает ядром конфликта. На макроуровне конфликт есть следствие саморазвития общественных структур, неизбежно приводящее к выходу противоречий, появлению нового свойства и конфликту его со старым. На микро-социальном уровне конфликт обусловлен воззрением субъектов, преследующих собственные конкретные интересы. Большинство авторов в области конфликтологии склонны полагаться на концепцию «противоречия», на концепцию «свободной воли» и концепцию медиабельности при обсуждении конфликтов.

Системное обобщение концепций о природе конфликта различной природы позволил сформулировать В. И. Новосельцеву следующее определение конфликта – это «наиболее острый способ разрешения значимых противоречий, возникающих в процессе взаимодействия сторон разной

природы»²⁶. Разделяя данную точку зрения, считаем, что конфликт, начиная от своего зарождения, и затем, на всех этапах своего существования, несет одну и ту же функцию, а именно разрешает противоречия, которые возникают во всех формах движения материи в результате ее совершенствования. Другими словами, фреймворк конфликта – есть диалектическое противоречие его природы. Конфликт рождается из противоречий и в тот же момент выступает в качестве механизма для разрешения этого противоречия.

Конфликт – это столкновение обратных целей, позиций, воззрений и взоров оппонентов или же субъектов взаимодействия. Каждое общество, каждая общественная группа, социальная общность в той или же другой степени подвержены конфликтам. Для любого вида конфликта присущи пространственные и временные рамки. Конфликты, которые происходят на микроуровне – это конфликты между субъектами. К ним относятся межличностные, личностные, групповые. Конфликты, которые разворачиваются на макроуровне – это конфликты больших социальных групп. К ним относятся конфликты между этносами, народностями, государствами, и т.д.

В контексте данного исследования, пристальное внимание будет направлено на философский анализ природы межличностного конфликта, осуществляемым на микроуровне. Но прежде кратко рассмотрим исторические истоки конфликтологии в социальной философии, что позволит нам показать, что конфликт не является периферийным феноменом, а занимает центральное место в философской рефлексии с античности через Новое время к классической социологии.

Анализ социально-философских теорий межличностных конфликтов целесообразно начать с классических традиций XIX века, когда конфликт был осмыслен как фундаментальный двигатель общественных трансформаций.

²⁶ Новосельцев В.И. Формирование ответственности школьников: [монография] / В. И. Новосельцев; М-во образования Рос. Федерации, Моск. пед. гос. ун-т, Белгор. гос. ун-т. – Белгород: Белгор. гос. ун-т, 2004. – 295 с.

Карл Маркс в рамках материалистического понимания истории рассматривал конфликты интересов классов как первоисточник социальных изменений, где антагонизм собственников и пролетариев моделировал базовые противоречия человеческого взаимодействия. В русле марксистской традиции классовое противостояние рассматривается многими теоретиками как наиболее глубокая и определяющая форма социального конфликта²⁷. Хотя марксистская парадигма фокусировалась на макроуровне, ее логика редукции общественных антагонизмов к элементарным столкновениям индивидов по поводу распределения ресурсов предвосхищает универсальность МЛК. Джордж Зиммель, развивая формализованный подход в «Философии культуры», ввел понятие конфликта как социального процесса, подчеркивая его функциональную роль в поддержании социальной солидарности: «Конфликт не разрушает форму, а перестраивает ее». Зиммель первым акцентировал внимание на межличностном измерении, где конфликт выступает не патологией, а нормой взаимодействия, способствующей дифференциации ролей и интенсификации связей. По Зиммелю, конфликт не только не разрушает общество, но напротив – способствует его интеграции, социализации личности и регулированию групповых взаимодействий²⁸.

Переход к XX веку ознаменовался плюрализмом подходов. Макс Вебер в «Хозяйстве и обществе» расширил анализ, вводя статусные и ценностные измерения конфликта, где МЛК предстают ареной борьбы за легитимность и признание. Продолжатели макс-веберовской социологической школы, в частности, Ральф Дарендорф, сохранив понятийный аппарат, связанный с понятием «социального класса», сместили акцент с экономического противостояния на властные отношения²⁹. Философия конфликта в интерпретации Ч. Р. Миллса развивает веберианские идеи в критическом

²⁷ Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии // Собр. соч., изд. 2, т. 13. – М.: Политиздат, 1959. – 771 с.

²⁸ Зиммель Г. Конфликт современной культуры. – СПб.: Питер, 2019. – 193 с.

²⁹ Дарендорф Р. Современный социальный конфликт: Очерки политики свободы. – М.: РОССПЭН, 2002. – 257 с.

ключе. Миллс обращает внимание на то, что бюрократические структуры распределяются в обществе неравномерно и, как следствие, способствуют воспроизводству социального неравенства. В его теории конфликт предстает как результат действия институционализированной власти, которая маскирует свою природу под видом рационального управления. Таким образом, конфликт, по Миллсу, есть не только столкновение интересов, но и форма осознания социальной несправедливости, возникающая на стыке личного опыта и структурных ограничений. Следовательно, его подход требует включения в анализ не только формальных институтов, но и повседневной практики, в которой власть становится осязаемой³⁰.

Функционализм Талкотта Парсонса в «Социальной системе» предложил кибернетическую модель, где конфликты интерпретируются как дисбалансы в AGIL-схеме (адаптация, целеполагание, интеграция, латентность), редуцируемые к нарушениям равновесия на микроуровне. Т. Парсонс отождествлял конфликт с социальной болезнью общества, симптомами которой выступали разрушение и разъединение³¹. Льюис Козер в «Функциях социального конфликта» систематизировал идею, что МЛК служат «безопасным клапаном» для разрядки напряжений, предотвращая эскалацию на более высокие уровни. Конфликт нельзя отождествлять с такими понятиями, как враждебность или антагонизм. Концепция, предложенная Л. Козером, проливает свет на динамическую природу социальных конфликтов и их влияние на различные этапы конфликтного процесса.

Социальный конфликт – это «всегда социальное взаимодействие, тогда как отношение или чувство представляют собой только предрасположенность к действию. Предрасположенность необязательно выливается в конфликт; важнейшими промежуточными переменными, влияющими на возникновение

³⁰ Bert J. Pre-training of deep bidirectional transformers for language understanding. In Proceedings of the 2019 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies, Volume 1 (Long and Short Papers), Minneapolis, Minnesota. Ion Stagkos Efstathiadis, Guilherme Paulino-Passos, and Francesca Toni. 2021.

³¹ Парсонс Т. Структура социального действия / Гл. 1, 2, 17, 18, 19 // Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000 (1937). – С. 43-328.

конфликта, являются степень и способ легитимации власти, и система статусов»³².

Важно отметить, что XX век добавил психологический и коммуникационный измерения. Так, психоаналитическая теория З. Фрейда – это психология конфликта: «Фрейд отмечал, что люди неизбежно оказываются зажатыми между двумя противоположными силами, которые невозможно изменить, как в случае конфликта между Ид и Эго или между Ид и Супер-эго. Состояние психического здоровья человека зависит от регулирования этих двух противоположных сил при одновременном поддержании их динамического равновесия, и потеря этого равновесия может вызвать конфликт и, впоследствии, привести к неврозу»³³. Курт Левин в своём труде «Принципы топологической психологии»³⁴ заложил основы пространственного моделирования конфликта., а Анатолий Рапопорт³⁵, К. Томас и Р. Килманн³⁶ разработали типологию поведенческих стратегий. М. Фуко³⁷, переосмыслил конфликт как дискурсивную борьбу за истину и власть. М. Дойч, как один из ведущих исследователей в данной области, подчеркивает важность применения социально-психологического подхода при изучении как межличностных, так и межгрупповых и международных конфликтов. В рамках данного подхода ключевое внимание сосредоточено на взаимодействии между людьми, их эмоциональных состояниях, мотивах поведения и психологических факторах, способных оказывать влияние как на развитие конфликта, так и на способы его последующего разрешения³⁸. С начала 1990-х годов подобные формы конфликтности начали развиваться уже

³² Simmel G. Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. – Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1908.

³³ Фрейд З. «Я» и «Оно». Наш Книжный Дом, 2023. – 288 с.

³⁴ Lewin K. Principles of Topological Psychology. Read Books Ltd., 2013. – 358 p.

³⁵ Рапопорт А. Поединки, игры и дебаты = Fights, games, and debates / Anatol Rapoport. – Анн-Арбор: University of Michigan Press, 1960. – XVI, 400 с.

³⁶ Thomas K., Kilmann R. Conflict and Conflict Management /под редакцией Марвина Даннетта. The Handbook of Industrial and Organizational Psychology. Chicago: Rand McNally, 1976. – 935 p.

³⁷ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.

³⁸ Deutsch M. The resolution of conflict: Constructive and destructive processes. – New Heaven and London: Vale Univ. Press, 1973.

в условиях масштабных глобальных изменений. Процессы глобализации, расширение транснациональных коммуникаций и формирование новой медиасреды существенно повлияли как на характер социальных противоречий, так и на способы их проявления. Особую роль в этих процессах стали играть цифровые технологии и социальные сети, которые предоставили активистам дополнительные возможности для самоорганизации, координации действий и распространения альтернативных общественных и культурных идей³⁹.

С начала 2000-х годов цифровая трансформация постепенно превратилась в один из ключевых факторов развития современной цивилизации. На этом фоне всё чаще пересматриваются устоявшиеся представления о социальных процессах, в том числе и о конфликте, который всё в большей степени рассматривается как естественный элемент общественной жизни и взаимодействия между людьми. На первый план выходит проблема взаимодействия человека и искусственного интеллекта, особенно в условиях распространения виртуальной среды и цифровых коммуникаций.

Жизненное пространство человека сегодня всё в большей степени связано не только с физической, но и с цифровой реальностью, что требует новых форм адаптации. Важную роль начинают играть способность осознанно взаимодействовать с технологиями и высокий уровень цифровой грамотности, без которых становится сложно полноценно участвовать в жизни общества. Эти изменения затрагивают не только повседневную жизнь, но и внутренний мир человека: систему ценностей, способы мышления и духовную сферу. Постепенно формируется особая информационная среда, в которой алгоритмы, цифровые платформы и потоки данных уже не просто передают информацию, а активно влияют на восприятие человеком окружающей реальности.

³⁹ Castells M. La société en réseaux. Paris : Fayard. T. 1: L'ère de l'information. 1998. – 609 p.

Этические основы общественной жизни сегодня также заметно меняются. Если прежде моральные нормы и оценки формировались главным образом в пространстве межличностных отношений, то теперь в сферу этических вопросов всё чаще включаются и нематериальные участники, прежде всего системы искусственного интеллекта. В связи с этим возникает необходимость по-новому осмыслить границы ответственности, природу действия и само понимание субъектности в условиях цифровой реальности.

Особую актуальность приобретает акторно-сетевая теория Бруно Латура⁴⁰, в которой социальные процессы понимаются как результат взаимодействия различных типов акторов – людей, технологий, материальных объектов и природных элементов, объединённых в сложные сети. При этом, масштаб конфликта варьируется: от микросоциальных проявлений в локальных сообществах до глобальных противостояний.

Постструктуралистские перспективы Мишеля Фуко⁴¹ и Жака Деррида добавили деконструктивный ракурс – конфликт как дискурсивная борьба за власть/знание, где межличностные разногласия размывают границы субъективностей, предвосхищая цифровую фрагментацию идентичностей. Одним из ключевых понятий, иллюстрирующих это единство структуры и действия, является «габитус» П. Бурдьё – категория, отражающая социальную укоренённость индивида. В этой концепции конфликт играет центральную роль, выступая механизмом, через который воплощается и воспроизводится социальное действие в конкретных контекстах. Габитус – это «набор предрасположенностей, рефлексов и форм поведения, которые люди приобретают, действуя в обществе, что отражает различное положение людей в обществе, например, независимо от того, воспитываются ли они в среде среднего класса или в рабочем пригороде. Это часть того, как общество само себя производит. Конфликт неотделим от общества. Люди могут обнаружить,

⁴⁰Latour B. On actor-network-theory: A Few Clarifications plus more than a few Complications // *Soziale Welt*. – 1999. – № 47. – P. 372.

⁴¹ Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году / пер. С фр. А. В. Дьякова. – СПб.: Наука, 2010. – 448 с.

что их ожидания и образ жизни перестают соответствовать новому социальному положению, в котором оказались... Тогда вопрос о социальной активности и политическом вмешательстве становится очень важным»⁴².

Современные парадигмы и их ограничения во многом связаны с тем, что во второй половине XX – начале XXI века конфликтология постепенно развивалась в направлении междисциплинарного синтеза. Теория игр, представленная в работах Джона Нэша и Томаса Шеллинга, рассматривала межличностные конфликты как систему рационального выбора, акцентируя внимание на стратегической неопределённости взаимодействий между участниками. Конструктивистские идеи Питера Бергера и Томаса Лукмана, изложенные в работе «Социальное конструирование реальности»⁴³ подчёркивали значение интерсубъективных интерпретаций, в рамках которых конфликт возникает из несовпадения социальных ролей, представлений и способов символического обозначения реальности.

В отечественной литературе проблема конфликта рассматривается на пересечении философии, социологии, психологии, политологии и конфликтологии, что позволяет выявлять его системную природу и раскрывать способы конструктивного урегулирования. Существенный вклад в разработку этих вопросов внесли С. А. Абгаджав⁴⁴, А. В. Алейников⁴⁵, А. Я. Анцупов, Е. В. Золотухина-Аболина, А. А. Ивин, А. И. Стребков, В. М. Розин, В. А. Кутырев, Ф. С. Файзуллин и другие исследователи, чьи работы формируют методологическое основание для понимания конфликта как

⁴² Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Начала. – М., 1994. – С. 181-207.

⁴³ Бергер П.Л., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. – Москва : Московский философский фонд, 1995. – 322 с.

⁴⁴ Абгаджав Д.А. Конфликтологическая экспликация справедливости // Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления национальной безопасности: материалы Четвертого Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. Санкт-Петербург, 22 ноября 2024 г. – СПб.: СПб.: Институт мира и исследования конфликтов, 2024. – 266 с. DOI 10.31312/978-5-6053157-0-4.

⁴⁵ Алейников А.В. Конфликтный потенциал риск-рефлексий: концептуальные построения и исследовательские проблемы современной аналитики / А.В. Алейников, А.И. Стребков, В.П. Милецкий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2023. № 39(3). – С. 514-530. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.309>

феномена социальной философии и практики общественного взаимодействия.

Особое значение для развития системно-топологической методологии имеют исследования А. И. Стребкова, который обосновал междисциплинарный подход к изучению конфликта как сложного и многосоставного явления социальной жизни. В своих работах он дополнил традиционные конфликтологические модели технологиями урегулирования конфликтов, практиками поддержания мира и медиативными механизмами. Созданные при его участии кафедра конфликтологии СПбГУ и Санкт-Петербургский международный конгресс конфликтологов стали важной институциональной площадкой для объединения философско-методологических и прикладных подходов к исследованию и управлению конфликтами в условиях цифровой эпохи.

Проведённый анализ показывает, что в современной науке существует значительное разнообразие типологий социального конфликта, каждая из которых акцентирует внимание на определённых сторонах конфликтного взаимодействия и особенностях его проявления. Существующие в социальной философии типы социальных конфликтов включают межличностные конфликты, конфликты между различными социальными группами на разных уровнях, международные конфликты с участием отдельных государств и их союзов.

Одной из базовых работ, задающих ориентиры для изучения типологии социального конфликта в российской науке, является исследование А. Б. Савина⁴⁶, в котором конфликт анализируется как многомерное явление, требующее учета его содержательных, структурных и процессуальных характеристик. В дальнейшем отечественная конфликтология развивалась в направлении уточнения оснований классификации конфликтов, их соотношения с социальными институтами, механизмами коммуникации и

⁴⁶ Савин А.Б. Типология социальных конфликтов : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.11 / Савин А. Б. – Нижний Новгород, 1999. – 158 с.

способами разрешения. Так, в работах Н. А. Шибановой⁴⁷ акцентируется проблема управления конфликтами в условиях цифровизации, что особенно важно для современного этапа, когда конфликты все чаще разворачиваются в виртуальной и медиированной среде. В свою очередь, философские исследования переживания, справедливости, аргументации, методологии и коэволюции человека и техносферы позволяют рассматривать конфликт не только как деструктивное противоречие, но и как форму, в которой обнаруживаются глубинные основания социального порядка, нормы взаимопонимания и возможности его восстановления. Тем самым российская научная мысль формирует не только описательную, но и нормативно-методологическую рамку, в пределах которой конфликт становится предметом философского анализа и одновременно основой для разработки практик его конструктивного урегулирования.

Ю. Н. Козырев предложил собственную типологию конфликтов, ориентированную на более широкий социально-философский уровень анализа. Исследователь выделяет несколько категорий конфликтного взаимодействия, исходя из их природы и масштаба. Одной из таких категорий выступает конфликт «человек – природа», охватывающий противоречия, связанные с нарушением экологического равновесия, истощением природных ресурсов и последствиями антропогенного воздействия на окружающую среду.

Следующая категория имеет в виду международные конфликты, возникающие между государствами. Причинами таких конфликтов могут выступать территориальные разногласия, экономическая ситуация, идеологические споры, а также геополитическое состояние – влияние на мировой арене.

Подобные противоречия отражают глубинные структурные проблемы

⁴⁷ Шибанова Н.А. Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества: методология и практики реализации / под ред. Н.А. Шибановой. Казань. Изд-во Казанского университета, 2021. Глава XLII. Методика составления программ профилактики экстремизма и терроризма среди молодежи в цифровом обществе. – 632 с.

общества и свидетельствуют о существовании устойчивых линий социальной напряжённости между различными группами населения. Четвёртая категория – межгрупповые конфликты. Они возникают в случаях столкновения интересов различных социальных, политических, религиозных или культурных групп. Причиной таких конфликтов, как правило, становятся различия в ценностях, взглядах и коллективных интересах. Пятая категория охватывает межличностные и внутриличностные конфликты. Речь идёт как о противоречиях между отдельными людьми, так и о внутренних конфликтах самого человека. Подобные ситуации могут проявляться в семейной жизни, профессиональной деятельности, общественной сфере или во внутреннем психологическом состоянии личности⁴⁸.

Типология конфликтов, предложенная Ю. Н. Козыревым, позволяет систематизировать различные виды конфликтов на основе их природы, участников и контекста возникновения, а также способствует более глубокому пониманию и анализу конфликтных ситуаций в различных сферах человеческой жизни.

Также отметим, что у М. Дойча в его «Социальной психологии конфликта» представлен систематический подход к пониманию и категоризации конфликтов – внутриличностные, межличностные, внутригрупповые, внутринациональные, межнациональные, межгрупповые и международные конфликты⁴⁹.

Типология социальных конфликтов, по нашему мнению, предполагает их дифференциацию по масштабам, что важно для нашего исследования – это *микроуровень* повседневных взаимодействий и *макроуровень* институциональных процессов. Микроуровень включает межличностные конфликты повседневных взаимодействий; макроуровень охватывает институциональные и общественные антагонизмы. Классическая социология,

⁴⁸ Козырев Г.И. Конфликтология. Межличностные конфликты // Социально-гуманитарные знания. – 1999. – № 3. – С. 82-92.

⁴⁹ Deutsch M. The resolution of conflict: Constructive and destructive processes. — New Heaven and London: Vale Univ. Press, 1973.

как правило, разделяла эти уровни анализа, рассматривая межличностный конфликт лишь как частное проявление более широких социальных закономерностей. Однако, несмотря на то что основное внимание исследователей традиционно сосредоточено на социальных конфликтах, именно межличностные противоречия во многом составляют их основу и формируют внутреннюю динамику общественных процессов.

Современные исследования показывают, что конфликты на разных уровнях социальной жизни нередко обладают сходными структурными характеристиками. Так, межличностный конфликт в семье, например, между родителем и ребёнком, связанный с противоречием между контролем и стремлением к самостоятельности, во многом воспроизводит логику корпоративного конфликта между руководителем и подчинённым или даже политического противостояния между властью и оппозицией. Меняются масштаб и контекст, однако сама структура конфликта во многом сохраняется.

Подобная повторяемость позволяет рассматривать социальные конфликты через их межличностную основу, где центральным элементом выступает противоречие между двумя субъектами вокруг определённого объекта или интереса. В связи с этим фрактальная природа конфликтов требует системного подхода, который позволяет переосмыслить существующие модели анализа конфликтных процессов.

Типология социальных конфликтов, охватывающая как макро-, так и микроуровень, становится важным методологическим основанием для философского изучения межличностного конфликта. Именно она позволяет рассматривать его как базовую форму отношений, из которой возникают более сложные формы социальной конфликтности.

Анализ социально-философских теорий межличностного конфликта раскрывает широкий спектр точек зрения, подчеркивая сложную природу этого феномена. Социальные макроконфликты редуцируются к элементарным межличностным конфликтам, выступающими универсальной моделью взаимодействия субъектов в поле значимого противоречия.

Отметим, что при анализе межличностных конфликтов различные авторы из зарубежной литературы внесли ценный вклад. Л. Козер, Р. Дарендорф, М. Дойч, Дж. Морено, А. Берг, З. Фрейд, Э. Фромм, Э. Дюркгейм⁵⁰ и другие подошли к теме с разных точек зрения. Указанные авторы исследовали межличностный конфликт как объяснительный принцип межличностного взаимодействия, как результат внутриличностного конфликта и как механизм социализации индивидов. Разнообразные точки зрения способствовали всестороннему пониманию межличностных конфликтов как формы, способа существования и трансформации социального конфликта.

В российской науке имеются разные подходы к определению понятия «межличностный конфликт». Так, межличностный конфликт рассматривается как особый тип противоборства в исследованиях А. Б. Рапопорт⁵¹; в трудах Е. В. Первышева межличностный конфликт представлен через предмет и объект взаимодействия конфликтующих сторон⁵²; Е. А. Гусева исследовала психодинамические аспекты межличностных конфликтов, подчеркивая влияние бессознательных процессов и защитных механизмов⁵³ и т.д.

Межличностный конфликт – это сложное и многогранное явление, которое возникает, когда люди оказываются в состоянии несогласия или

⁵⁰ Козер Л. Функции социального конфликта / Льюис Козер; Пер. с англ. яз. О. Назаровой; Под. общ. ред. Л. Г. Ионина. – М.: Идея-пресс : Дом интеллектуал. кн., 2000. – 205 с.; Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. – 1994. – № 5; Deutsch. The resolution of conflict: Constructive and destructive processes. – New Heaven and London: Vale Univ. Press, 1973; Морено Дж. Театр спонтанности / Дж. Морено. – Красноярск: Фонд ментального здоровья, 1993. – 127 с.; Bert J. Pre-training of deep bidirectional transformers for language understanding. In Proceedings of the 2019 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies, Volume 1 (Long and Short Papers), Minneapolis, Minnesota. Ion Stagkos Efstathiadis, Guilherme Paulino-Passos, and Francesca Toni. – 2021; Фрейд З. «Я» и «Оно». 24 Наш Книжный Дом, – 2023. – 288 с.; Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: Издательство АСТ. – 2024. – 736 с.; Дюркгейм Э. Социология и социальные науки // Э. Дюркгейм // Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М.: Канон, 1995. – С. 265-285.

⁵¹ Рапопорт А. Истоки насилия: подходы к изучению конфликта // Социальный конфликт: Современные исследования: реферативный сборник. – М., 1991. – С. 39.

⁵² Первышева Е.В. Межличностный конфликт как фактор социализации старших подростков: диссертация ... кандидата психологических наук: 19.00.05 / МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1989. – 157 с.

⁵³ Гусева Е.А. Опыт философского осмысления феномена межличностного конфликта : Дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11: М., 2005. – 142 с.

оппозиции из-за противоречивых взглядов, интересов, целей или потребностей. Это определение, данное А. В. Морозовым, подчеркивает неразрешимую природу этих противоречий и выделяет социальные и психологические аспекты межличностного конфликта⁵⁴. Межличностный конфликт, в узком смысле, может быть охарактеризован как форма непосредственного столкновения между двумя или более субъектами, возникающая в силу расхождений в их ценностных установках, интересах, оценках или потребностях. Данный феномен подробно рассмотрен в трудах Н. В. Вохменцева и Б. И. Хасана, которые акцентируют внимание на многоаспектной природе конфликта, подчеркивая его обусловленность как индивидуальными, так и социальными факторами. В исследованиях Н. В. Вохменцева «Межличностные конфликты в современном обществе» подчеркивается, что межличностный конфликт возникает в результате несовпадения интересов и целей разных индивидов, что приводит к противоборству и конкуренции между ними⁵⁵. Автор подчеркивает, что межличностные конфликты могут возникать как на микроуровне, в рамках семьи или близких отношений, так и на макроуровне, в обществе в целом. Б. И. Хасан отмечает, что в основе межличностного конфликта лежат различия в ценностях, убеждениях, статусе и роли в обществе, межличностные конфликты могут быть как конструктивными, так и деструктивными, приводящими к разрушительным последствиям⁵⁶. Возникновение межличностных конфликтов обусловлено множеством факторов, среди которых ключевую роль играют индивидуальные различия, которые могут носить как ценностный, так и прагматический характер (расхождении целей,

⁵⁴ Морозов А.В. Формирование компетенции «Управление конфликтом» (confl ICT management) // Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика. – 2012. – №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-kompetentsii-upravlenie-konfliktom-confl-ict-management>).

⁵⁵ Вохменцева Н.В. Переговорное посредничество в межличностном конфликте: Социально-философский анализ: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Сиб. юрид. ин-т МВД России. – Красноярск, 2000. – 28 с.

⁵⁶ Хасан Б.И. Отдельные вопросы правового регулирования онлайн медиации // Современное право. – 2016. – № 2. – С. 89-94.

ожиданий, моделей поведения и способов интерпретации конкретных ситуаций)⁵⁷.

Структура межличностного конфликта в феноменологическом измерении включает ряд ключевых компонентов. К ним относятся:

- участники конфликта, их статусные позиции, социальные и ролевые установки;
- предмет конфликта, т.е. объект разногласий (ресурсы, ценности, нормы, признание);
- условия и контекст взаимодействия, включая социальную среду, культурный фон и коммуникативные особенности;
- субъективные образы конфликта, представления о себе и другой стороне, интерпретации мотивов и действий оппонента;
- эмоциональные и мотивационные состояния, сопровождающие конфликт (такие как тревога, фрустрация, агрессия, стремление к признанию или справедливости);
- конкретные формы поведения, проявляющиеся в словесной агрессии, избегании, посредничестве, переговорах и других стратегиях.

В условиях современного общества цифровая среда – социальные сети, мессенджеры и онлайн-форумы – всё чаще становится пространством возникновения как конструктивных, так и деструктивных конфликтов. Подобные взаимодействия нередко отличаются меньшей эмоциональной выразительностью по сравнению с офлайн-общением, однако одновременно сопровождаются высоким уровнем недопонимания. Во многом это связано с отсутствием невербальных сигналов, ограниченностью эмоциональной обратной связи и поверхностным характером цифровой коммуникации. Дополнительным фактором эскалации становится анонимность и дистанцированность участников общения.

⁵⁷ Королева Т.В., Торпакова Е.А. Межличностный конфликт как нарушение принципа диалогичности: гуманистический подход // Вестник науки и образования Северо-Запада России. 2016. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhlichnostnyy-konflikt-kak-narushenie-printsipa-dialogichnosti-gumanisticheskiy-podhod>.

В связи с этим современный феноменологический анализ межличностных конфликтов требует обращения к инструментам цифровой герменевтики – подхода, ориентированного на интерпретацию цифровых коммуникаций, онлайн-репрезентаций личности и особенностей виртуального взаимодействия. Такой анализ позволяет точнее понимать природу возникающих противоречий и разрабатывать способы их разрешения, соответствующие условиям цифровой эпохи. При этом межличностный конфликт нельзя объяснять исключительно индивидуальными особенностями человека или его поведенческими стратегиями. Он формируется в более широком социально-психологическом контексте, включающем культурные установки, систему властных отношений, особенности коммуникации, а также эмоциональные и аффективные реакции участников взаимодействия.

В этом смысле межличностный конфликт становится выражением не только индивидуального, но и социального порядка – напряжения, возникающего на пересечении личного и коллективного опыта.

Понимание многослойной природы межличностного конфликта имеет принципиальное значение как для теоретического анализа, так и для практики его конструктивного разрешения. Признание процессуального и социально обусловленного характера конфликтных ситуаций позволяет выработать более тонкие стратегии взаимодействия, направленные не на подавление противоречий, а на их продуктивную проработку. Так, например, Д. Кац справедливо указывает, что конфликт возникает тогда, когда действия одной из сторон препятствуют достижению целей другой. Источником подобных противоречий могут быть различия в целевых установках, ценностях, ожиданиях и предложенных способах действия. Эти различия, будучи неустранимыми в силу самой природы человеческой индивидуальности, нередко становятся основой напряжения и эскалации межличностных конфликтов⁵⁸. Конфликты пронизывают различные уровни общественной

⁵⁸ Кац Д. Деловые переговоры - важный элемент бизнеса // Социально-политический журнал. – 2019. – № 7-8. – С. 93-102.

жизни – от межличностного до институционального – и тесно связаны с функционированием структур власти, норм, ценностей и форм коллективного взаимодействия. Их наличие отражает внутреннюю противоречивость человеческого существования и динамическую природу социальных процессов.

По мнению И. Канта, вышеперечисленные причины межличностных конфликтов порождаются одним, главным источником. Этим источником – используя терминологию немецкого философа – является «асоциальная общительность людей» (*die ungesellige Geselligkeit der Menschen*). Асоциальная общительность людей, согласно Канту, представляет собой парадоксальное явление, которое возникает из-за несовершенства и противоречивости человеческой природы. В рамках своей философской антропологии И. Кант вводит понятие «асоциальной общительности» (*ungesellige Geselligkeit*), подчеркивая парадоксальную двойственность человеческой природы⁵⁹. С одной стороны, человек стремится к сообществу, общению и включённости в социальные связи; с другой – он сохраняет потребность в автономии, независимости и самореализации. Эти два начала, будучи противоположными по своей направленности, сосуществуют в человеке и определяют фундаментальную структуру его взаимодействия с другими.

Кант отмечает, что межличностные конфликты кажутся в некотором смысле «плодотворными», а их отсутствие – «катастрофическим»: «Даже в войне, когда она ведется с соблюдением порядка и священного уважения к правам граждан, есть что-то возвышенное. Образ мышления нации, которая ведет себя подобным образом, становится более возвышенным по мере того, как она подвергается все большим опасностям и мужественно встречает их. С другой стороны, длительный мир обычно приводит к господству духа

⁵⁹ Шибанова Н.А. Антропология Канта и современная конфликтология: точки соприкосновения / XI Садыковские чтения. Иммануил Кант и современность: материалы Международной междисциплинарной научно-образовательной конференции (Казань, 15–16 ноября 2024 г.) / под ред. Г.К. Гизатовой, О.Г. Ивановой, Г.В. Мелихова, Ф.Ф. Серебрякова, Н.А. Терещенко, Т.М. Шатуновой. – Казань: Издательство Казанского университета, 2024. – С.489-497.

торговли, который сопровождается мелким эгоизмом, трусостью и потаканием своим желаниям и имеет тенденцию снижать образ мышления людей»⁶⁰. В своём трактате «К вечному миру» И. Кант выделяет ряд факторов, способствующих возникновению конфликтов между людьми и государствами. Среди ключевых причин он указывает недостаток открытости и честности в заключаемых соглашениях, когда стороны действуют с утаиванием истинных намерений или преследуют скрытые цели. Конфликтогенны также субъективные и предвзятые установки по отношению к другим, основанные на личных предпочтениях, стереотипах или недоверии⁶¹.

Одной из значимых интерпретаций природы социальных и межличностных конфликтов является демографический подход, разработанный Т. Р. Мальтусом. В рамках своей концепции он связывает возникновение конфликтов с несоразмерностью между ростом численности населения и ограниченностью природных ресурсов. Согласно мальтузианской логике, население имеет тенденцию к экспоненциальному увеличению, тогда как ресурсы воспроизводятся значительно медленнее, в результате возникает конкуренция, перерастающая в борьбу за выживание⁶². Развивая эту линию, Роберт Л. Хайльбронер предлагал расширенное понимание мальтузианской перспективы, указывая на её применимость к анализу экономических и политических конфликтов.

Причина возникновения межличностного конфликта лежит в плоскости переноса конфликта на межличностные отношения. Таким образом, данный конфликт является внутренним состоянием человека, находящегося между двумя полярными целями, которое вызывает определенное напряжение вследствие невозможности четко определиться между ними. М. А. Рахим отмечал, что «определение диадического конфликта кажется

⁶⁰ Кант И. Критика чистого разума – Москва : Издательство АСТ. – 2025. – 224 с.

⁶¹ Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 7. К вечному миру.

⁶² Malthus. T. The False Prophet: The Abiding Fallacy of Malthusian Limits //The Economist. 2008. May 17.

противоречивым; однако общепринятой чертой конфликта является то, что он интерактивен»⁶³. Таким образом, межличностный конфликт по своей сути коренится в столкновении различных систем абсолютных ценностей и идеалов, к которым стремятся отдельные личности. Каждый человек действует, исходя из собственной внутренней шкалы смыслов, и именно взаимодействие этих уникальных миров зачастую порождает напряжение и непонимание. Даже на уровне повседневной интуиции можно выделить два различных аспекта понятия «понимание». В широком значении оно представляет собой способность правильно интерпретировать смысловое содержание сообщения, передаваемого другим человеком. В более узком, но глубоком смысле понимание связано с аффективной вовлечённостью – с тем, что мы называем эмпатией, то есть способностью эмоционально переживать состояния, схожие с теми, которые испытывает собеседник.

В обоих случаях понимание – это не просто формальное узнавание или подстановка значения, а процесс точного соотнесения с конкретным смыслом, с тем самым «этим» значением, а не каким-либо абстрактным. Таким образом, центральным в процессе понимания становится феномен «предпонимания» – предварительной установки, позволяющей субъекту ориентироваться в когнитивном и эмоциональном пространстве общения.

Одним из основных препятствий на пути к подлинному пониманию между людьми остаётся невозможность с абсолютной уверенностью утверждать, что внутренние переживания одного человека полностью совпадают с опытом другого. Такое фундаментальное ограничение в человеческом взаимодействии наглядно иллюстрируется в истории взаимоотношений двух крупнейших философов немецкой классической традиции – Фридриха Шеллинга и Георга Гегеля⁶⁴. Их дружба и философский диалог, начавшиеся на фоне общих идей и интересов, завершились в 1807

⁶³ Рахим М.А., Кауфман С, Магнер Н.Р. Структурные сравнительные модели стилей поведения в конфликте с супругом (супругой), супружеская неудовлетворенность и нестабильность брака // Социальный конфликт. – 1999. – № 2. – С. 53-71.

⁶⁴ Schelling F. W. J. Philosophie der Mythologie. 2 bd. Bd. 2 Darmstadt., Wiss. Buchges, 1957. 685 с.

году, когда Гегель опубликовал свою «Феноменологию духа»⁶⁵. Именно в этот период стало очевидным глубокое расхождение в их мировоззрениях. Шеллинг развивал свою философию, исходя из идеи первичности бытия: он считал, что мышление проистекает из реального, живого начала. Гегель же, напротив, придерживался логико-диалектического пути – он выстраивал систему, в которой мышление само раскрывает и объясняет бытие. Несмотря на общий теоретический фундамент – философию тождества – их трактовки Абсолюта оказались принципиально различными.

Знаменитая гегелевская фраза о «ночи, в которой все коровы черны» – ироничное замечание о неопределённости философии Шеллинга – была воспринята последним как оскорбление. С тех пор Шеллинг начал всё более жёстко критиковать философскую систему Гегеля, даже после его смерти, полагая, что она искажает реальную природу бытия. В ответ Гегель видел в подходе Шеллинга нечто незавершённое, переходное, что не выдерживает системной нагрузки. Данный исторический факт – яркий пример того, что достичь взаимопонимания довольно сложно даже среди интеллектуально близких людей. Примечательно, что и Шеллинг, и Гегель обвиняли друг друга в неверном понимании ключевых философских категорий, включая абсолют, отрицание и опосредствование. Каждый видел в позиции оппонента искажение базовых принципов философского мышления. Вместе с тем при всех расхождениях их объединяло признание тождества мышления и бытия как исходного основания философского познания. Оба философа стремились к созданию всеобъемлющей системы, основанной на рефлексии, обобщении и понимании абсолютного как процесса опосредствования.

Если отказаться от линейного, диахронического взгляда на развитие их учений, при котором философия понимается как последовательный переход от одного мыслителя к другому, то становится возможным рассматривать системы Шеллинга и Гегеля как два параллельных, но противоположно направленных философских движения. При этом, каждый из них продвигается

⁶⁵ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. – СПб.: Питер, 1994. – Кн. 3. – С. 534-535.

по схожей логике, но в обратном направлении: Гегель – от мысли к бытию, Шеллинг – от бытия к мысли. Эта точка зрения позволяет по-новому взглянуть на их полемику, сместив акцент с противопоставления к исследованию самой природы философской негативности и её роли в построении системы.

Следует, однако, отметить, что даже если такая альтернативная интерпретация окажется теоретически обоснованной, она вряд ли сможет устранить само противоречие между позициями двух философов. Скорее, её значение заключается в возможности сместить перспективу анализа – от поиска «победителя» в этом споре к более глубокому пониманию взаимной обусловленности их подходов. В этом контексте заслуживает внимания взгляд, предложенный рядом современных исследователей, включая К. Лауэра⁶⁶, которые рассматривают философии Шеллинга и Гегеля как два различных, но взаимосвязанных продолжения кантовского проекта. Как для Шеллинга, так и для Гегеля отправной точкой размышлений становится негативная природа рефлексии, которая по своей сути представляет собой опосредованный акт познания. В процессе рефлексии мышление неизбежно расщепляется на субъект и объект, что уже само по себе создаёт внутреннее напряжение и ограничение. Оба философа стремятся радикализировать подход, предложенный И. Кантом, усматривая в его дуализме – а также в трансцендентальном идеализме И. Г. Фихте – не столько окончательное решение, сколько симптом более глубокого философского кризиса.

Выход из этого кризиса они видели не в отказе от кантовской системы, а в её предельном развитии. С их точки зрения, необходимо было поставить под сомнение не только формы, в которых осуществляется познание, но и саму основу – ту субстанциальную реальность, которую Кант и его последователи стремились удержать в качестве априорного начала. Речь шла о так называемой «абсолютной форме» мышления, сакральной или предельной категории, выходящей за рамки эмпирического и рационально фиксируемого.

⁶⁶ Lauer C. Space, Time, and the Openness of Hegel's Absolute Knowing // *Continental Philosophy History of Philosophy*. – 2006. – №36 (3) – P.169-181.

Спор между Гегелем и Шеллингом раскрывает фундаментальные разногласия в понимании природы философского знания и роли дискурсивного мышления. Если первый подчеркивает необходимость рациональной систематизации и исторической медиативности, то второй стремится к трансцендентному преодолению дискурсивных ограничений в пользу непосредственного интуитивного постижения.

Итак, мы рассмотрели ситуацию столкновения несовпадающих ценностей и взглядов двух философов с определенным интеллектуальным эгоизмом, пытавшихся навязать другой стороне собственную волю, изменив ее, что и выступило квинтэссенцией конфликта между двумя философами. Конфликт между Гегелем и Шеллингом представляет собой, на наш взгляд, ценностно-методологический тип межличностного конфликта в системно-структурном подходе (столкновение фундаментальных принципов познания Абсолюта).

Проведя обзор как отечественных, так и зарубежных научных исследований в области межличностных отношений, в частности, конфликтов, можно прийти к выводу, что большинство существующих на сегодня теорий все еще носит эмпирический характер, и, как видим, опираются на «докомпьютерные» представления об отношениях. В результате такие подходы не всегда способны адекватно описывать платформенно-опосредованную природу современных форм конфликтного взаимодействия, формирующихся в условиях цифровой среды.

Социальные макроконфликты – будь то классовые противоречия, описанные К. Марксом, сетевые конфликты в концепции М. Кастельса или этнические столкновения – в конечном счёте могут быть сведены к базовым межличностным конфликтам, выступающим универсальной моделью взаимодействия субъектов в ситуации значимого противоречия. Идея Г. Зиммеля о конфликте как особой «форме социации» в данном контексте приобретает более выраженную топологическую определённость: независимо от масштаба социальные деформации сохраняют общую структурную логику.

Во всех случаях в основе конфликта прослеживается нарушение связей между субъектами – будь то ценностное расхождение, статусный барьер или кризис идентичности.

Эта редукция обоснована философски, так, Г. Гегель в «Феноменологии духа» видел в «борьбе за признание» прототип всех общественных противоречий, а Ю. Хабермас в «Теории коммуникативного действия» – в искажении коммуникации. Современная цифровизация усиливает актуальность, алгоритмы персонализации, платформенные привилегии и мультиаккаунтность лишь модулируют базовую структуру, не меняя ее топологии. Анализ показал, что отсутствует системно-топологическая концептуализация межличностного конфликта как базисной структуры социальных конфликтов цифровой эпохи.

Системный подход позволяет деконструировать социальный конфликт по множеству признаков: субъектно-объектному, функциональному, коммуникационному. Л. фон Берталанфи в книге «Общая теория систем»⁶⁷ обосновал универсальность системного анализа для сложных образований. Системный подход в исследовании межличностного конфликта представляет собой методологический принцип рассмотрения конфликта как целостной динамической конфигурации взаимодействующих элементов. В отличие от редукционистских подходов, которые сводят конфликт к отдельным психологическим, социальным или культурным причинам, системный анализ позволяет рассматривать межличностный конфликт как целостную самоорганизующуюся систему, обладающую собственными, возникающими в процессе взаимодействия свойствами. Такой подход опирается на ряд ключевых принципов. Принцип целостности предполагает рассмотрение конфликта как части единой системы взаимодействия, где изменение одного элемента неизбежно отражается на всей структуре отношений. В рамках этого

⁶⁷ Bertalanffy Ludwig von. The History and Status of General Systems Theory // The Academy of Management Journal. 1972. Vol. 15, No. 4. P. 407-426.

подхода социальное и коммуникативное пространство понимается как взаимосвязанная среда, в которой ни один элемент не существует изолированно. Принцип иерархии акцентирует внимание на многоуровневом характере конфликтов – от межличностных столкновений до масштабных институциональных, этнокультурных и классовых противоречий. Такой многогранный взгляд позволяет увидеть, как взаимосвязаны различные уровни социальных отношений – напряженностей, и определить их взаимовлияние. В результате конфликтная ситуация приобретает элемент непредсказуемости и требует особого философского внимания к уникальности каждого конкретного случая, а также к тем смыслам, которые формируются непосредственно в ходе взаимодействия участников.

Принцип обратной связи, в свою очередь, акцентирует внимание на способности конфликтной системы к саморегуляции и внутреннему изменению под воздействием действий её участников. Ответные действия участников конфликта, изменение их установок, стратегий поведения и способов интерпретации ситуации способны существенно влиять на дальнейшее развитие конфликтного процесса. В зависимости от характера взаимодействия это может приводить как к смягчению противоречий, так и, наоборот, к их усилению и усложнению.

Применение системного анализа при исследовании межличностных конфликтов позволяет выйти за рамки исключительно поведенческого или психологического объяснения и рассматривать конфликт как многомерное и динамически развивающееся социальное явление.

Переход к системно-топологическому анализу межличностного конфликта обусловлен кризисом традиционных конфликтологических парадигм, сосредоточенных на содержательных характеристиках противоречий и игнорирующих их структурно-реляционную природу. Классические подходы описывают «что» конфликтует, но не объясняют «как» возникает деформация (противоречие) связности между субъектами, особенно в условиях цифровой фрагментации коммуникации. Системный подход

позволяет моделировать МЛК как динамическую конфигурацию элементов $\{A, B, X, d(A,B|X)\}$, где А и Б – конфликтующие субъекты, X – объект (узел) противоречия, а связь между ними деформируется с метрическим расстоянием $d(A,B|X)$, в результате, конфликт предстает не случайным сбоем, а управляемым процессом реконфигурации социальных связей. Топологический ракурс дополняет системность, фокусируясь на инвариантах деформации, сохраняющихся при смене коммуникационных носителей.

Связь системного и топологического измерений реализуется через понимание МЛК как реляционной системы, топологически эквивалентной универсальной схеме А–Х–Б. Системный анализ фиксирует взаимосвязи элементов, топология – их качественные трансформации, в итоге, объект X катализирует смещение метрического расстояния $d(A,B)$, порождая устойчивые паттерны деформации.

Российская философская традиция обогащает эту связь, что отражено, к примеру, в работе С. А. Азаренко «Топология сообщества»⁶⁸, который разработал топологемы как самоорганизующиеся места совмещения позиций, где конфликт моделируется деформацией социальной ткани; О. И. Елхова⁶⁹ переосмыслила полевое пространство Левина в метрическую конфигурацию $d(A,B|X)$. Фактически, на наш взгляд, О. И. Елхова дополняет топологемы С. А. Азаренко как самоорганизующиеся места совмещения метрическим измерением – количественной оценкой деформации $d(A,B|X)$. Если С. А. Азаренко фокусируется на качественной визуализации топограмм душевных контуров индивидуальной психики и коммуникативных связей общества, культурных пространств взаимодействия и узловых точек социальной динамики, то О. И. Елхова вводит динамическую метрику, фактически, позволяющую прогнозировать траектории эскалации конфликта и реконфигурацию равновесия. Синтез системного и топологического подходов

⁶⁸ Азаренко С.А. Топология души и мира. Мудрость в миниатюрах. Изд-во: Алетей, 2025. – 196 с.

⁶⁹ Елхова О.И. Метрики феноменологического виртуального опыта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2024. – Т. 28. – № 4. – С. 997-1013.

обеспечивает онтологическое обоснование МЛК как базисной инвариантности современного общества, где деформация связности воспроизводится во всех масштабах коммуникации.

В нашем исследовании системный подход выступает онтологически рефлексивным мета-методом социальной философии, где межличностный конфликт – это реляционная система с разными срезами анализа, деконструируемая через множественность дискурсов – постструктурализм, феноменологию, герменевтику, показывая их интерпретационные разрывы в определении конфликта, тем самым, подталкивая к топологическому переопределению межличностного конфликта как инвариантности структур социального. На наш взгляд, топологическая инвариантность МЛК состоит в сохранении треугольной конфигурации «субъект–деформация (противоречие)–субъект», где внутренняя схема отношений воспроизводится от микропрактик, в том числе цифрового со-присутствия, к макросоциальным антагонизмам, что обеспечивает универсальность межличностного конфликта как философской категории, связующей микро- и макроуровни социальных процессов.

Топологическая инвариантность представляет собой структурную неизменность базовых реляционных конфигураций, сохраняемую при непрерывных преобразованиях коммуникативных практик. Иными словами, топологическая инвариантность означает, что при изменении форм общения, ролей или контекстов сохраняется базовая структура конфликта. То есть, конфликт может проявляться по-разному, но его внутренняя схема отношений остаётся узнаваемой. Топологическая инвариантность – это свойство объекта, которое сохраняется при непрерывных преобразованиях формы, если при этом не происходит разрыва, склеивания или пересечения частей, объект может меняться внешне, но его существенная структура остаётся той же. Межличностный конфликт как базовая реляционная структура социальных взаимодействий подчиняется внутренней топологической схеме отношений.

Топологическая схема представляет собой не статичную структуру, а динамическую реляционную матрицу, где конфликт возникает как деформация связности – переход от равновесного состояния $d(A,B)_0$ к конфликтному $d(A,B|X) >$ порога устойчивости. В отличие от традиционных подходов, описывающих конфликт через содержание противоречия, топологический анализ фокусируется на структуре деформации: объект X выступает топологическим катализатором, смещающим позиции субъектов в пространстве возможных взаимодействий.

Инвариантность топологической схемы межличностного конфликта проявляется в устойчивости базовой модели А–Х–Б независимо от изменений коммуникационной среды. Иными словами, структура конфликта сохраняется как в непосредственном офлайн-взаимодействии, так и в переписке, Zoom-коммуникации или виртуальном пространстве VRChat. Топологическая инвариантность означает, что вне зависимости от формы коммуникации – вербальной или невербальной, синхронной или асинхронной – конфликт развивается через изменение и напряжение связей между субъектами вокруг определённого объекта противоречия. Подобная устойчивость связана с онтологической природой межличностного конфликта как одной из базовых форм социальной динамики. Любое социальное взаимодействие потенциально содержит конфликтный элемент, поскольку предполагает столкновение автономных субъектов в пространстве ограниченных ресурсов, смыслов, интересов и идентичностей. В этой связи схема А–Х–Б отражает универсальную структуру конфликта, где X выступает не случайным поводом, а необходимым элементом, вокруг которого формируется и проявляется конфликтное напряжение.

Методологическое значение схемы заключается в возможности редукции любой конфликтной ситуации к элементарной топологической матрице, что обеспечивает единообразный аналитический инструментарий для диагностики и разрешения МЛК. В дальнейшем анализе параграфа 1.2 эта схема детализируется через типологию конкретных модусов деформации,

сохраняя свою фундаментальную инвариантность как универсальной основы социальной конфликтности.

Выводы по параграфу 1.1

Историко-философский генезис разработанности проблемы, проведенный по хронологическому принципу, свидетельствует об эволюции представлений о конфликте от античных этико-политических доктрин, через социологические построения классиков, психологические модели XX в. к дискурсивно-сетевым подходам постмодерна. Конфликт предстает индикатором глубинных общественных трансформаций.

Системно-топологический анализ обосновывает статус МЛК как базисной фрактальной структуры социальных конфликтов, выражающей фундаментальные противоречия идентичностно-коммуникативной организации общества. Топологическая инвариантность в форме треугольной конфигурации «субъект–деформация (противоречие)–субъект» обеспечивает универсальность МЛК как философской категории, связующей микро- и макроуровни социальных процессов. Разработанная концептуализация требует типологического развертывания инвариантов МЛК, что будет исследовано в параграфе 1.2, далее феноменолого-герменевтического осмысления опыта субъектов – в параграфе 1.3, а во II главе диссертации будет практически формализовано в модели социомедиации как конструктивном философском методе разрешения межличностных конфликтов.

1.2. Типология межличностных конфликтов в системной перспективе

Предлагаемые в научной литературе классификации конфликтов опираются на анализ разнообразных социальных контекстов, в которых возникают конфликтные взаимодействия, и акцентируют внимание на значении уровня социальной организации как ключевого фактора при их рассмотрении. Типологии, разработанные Ю. Н. Козыревым, М. Дойчем и Д.

Кацем, представляют собой концептуальные схемы, направленные на систематизацию форм конфликтов, а также на выявление внутренних закономерностей их возникновения и развития. Каждый из указанных подходов раскрывает сложную, многомерную природу межличностного конфликта как социального и философского феномена. Эти классификации позволяют проследить, каким образом межличностные конфликты соотносятся с более широкими задачами, стоящими перед социальными группами, организациями и институтами. Через такие аналитические рамки становится возможным рассматривать конфликт не только как локальное проявление напряжённости, но и как симптом более глубоких структурных процессов, характеризующих общественные отношения в целом.

Систематизированное представление о типах межличностных конфликтов предложено Дэниелом Кац, он выделяет четыре ключевых типа межличностных конфликтов, каждый из которых отражает различные аспекты взаимодействия между людьми и специфику их противоречий.

Первый тип – конфликт восприятия, возникающий из-за различий в интерпретации ситуаций, событий или намерений. Культурные, социальные и когнитивные особенности личности могут обуславливать субъективное восприятие реальности, что, в свою очередь, приводит к недоразумениям и разногласиям. Второй тип – конфликт интересов, возникающий в ситуации несовместимости целей, потребностей или ресурсов конфликтующих сторон. Межличностные конфликты проявляются в самых различных сферах человеческой деятельности – профессиональной, социальной и личной. Как правило, они возникают в условиях ограниченности ресурсов или несовпадения интересов между участниками взаимодействия, что создает основу для напряжённости и противостояния. Одной из распространённых форм является так называемый ценностный конфликт, возникающий в тех случаях, когда стороны опираются на различающиеся мировоззренческие установки, религиозные убеждения или этические нормы. Именно такие конфликты оказываются наиболее трудными для разрешения, поскольку

затрагивают глубинные уровни личной идентичности и представлений о справедливости, морали, должном и недолжном. Здесь речь идёт уже не просто о прагматических разногласиях, а о столкновении систем координат, в рамках которых люди осмысливают своё существование.

Следующий тип – поведенческий конфликт, порождаемый различиями в коммуникативных стилях, стратегиях взаимодействия и ожидаемых моделях поведения. В подобных ситуациях напряжение возникает вследствие несоответствия между ожиданиями одного участника взаимодействия и фактическим поведением другого. Конфликты такого типа нередко сопровождаются ярко выраженными эмоциональными реакциями и способны осложнять как профессиональные отношения, так и личное общение.

Экономические, политические и национальные противоречия часто находят отражение в межличностных конфликтах, таких как семейные ссоры или разногласия в коллективе. В докладе «Социальный конфликт как психологическое противостояние индивидов», представленном на международной конференции в Белгороде в 1993 году, В. И. Сперанский углубился в концепцию межличностного конфликта и его связь с социальной динамикой. Автор утверждал, что межличностный конфликт является не только результатом индивидуальных различий, но скорее проявлением более широких социальных структур и динамики власти. Согласно Сперанскому, социальный конфликт возникает, когда индивиды или группы с различными социальными позициями, интересами или ценностями вступают в контакт и в психологическую конфронтацию.

А. Г. Здравомыслов отмечал: «Борьба партий и политических группировок, разных социальных сил имеет обязательно личностное воплощение. Неумение и нежелание отрешиться от личностных пристрастий, амбиций, предвзятых оценок со стороны лидеров политических направлений приводили во всех такого рода случаях к обострению конфликтной

ситуации»⁷⁰. По мере трансформации конфликта в психологическое противостояние между индивидами всё более отчётливо проявляются их эмоциональные реакции, взаимные негативные оценки и предубеждения, а также стремление защитить собственные интересы и добиться поставленных целей. Подобное психологическое напряжение способно усиливать конфликт и существенно осложнять процесс его последующего разрешения.

Понимание многообразия конфликтных стратегий и факторов, влияющих на их выбор, позволяет более глубоко осмыслить типологию межличностных конфликтов.

В современных исследованиях особое внимание уделяется тому, каким образом цифровизация изменяет формы проявления конфликтов, сохраняя при этом их базовую структурную логику. Конфликты, которые ранее возникали преимущественно в рамках непосредственного личного общения, всё чаще переносятся в цифровую среду. Так, споры, связанные с распределением финансовых ресурсов или обязанностей, могут проявляться в форме напряжённых обсуждений в Zoom-конференциях или рабочих чатах; прекращение общения выражается через блокировку аккаунтов и ограничение доступа к коммуникации; а ценностные и культурные противоречия нередко приобретают форму интернет-троллинга или конфликтов идентичности.

Цифровая среда во многом усиливает конфликтный потенциал коммуникации. Это связано с тем, что алгоритмы платформ способны влиять на характер дискурса, мгновенность онлайн-разрыва ускоряет эскалацию противоречий, а существование множества виртуальных идентичностей делает структуру взаимодействия более сложной, подвижной и многослойной.

Гипотеза масштабируемости утверждает обратную зависимость вероятности разрешения $P(\sigma_i)$ от степени деформации T и прямую зависимость от доступности профессионального медиатора, что подлежит эмпирической верификации.

⁷⁰ Здравомыслов А.Г. Фундаментальные проблемы социологии конфликта // Социс. – 2021. – №8. – С. 12-21.

В отличие от традиционных типологий, рассмотренных нами на примере подходов А. Г. Здравомыслова, Ф. М. Бородкина, Г. И. Козырева, А. Я. Анцупова и других авторов, классифицирующих конфликты по сферам проявления (политические, экономические, межличностные) или субъектам (внутриличностные, межгрупповые), фокусирующихся на эмпирических сферах конфликта и оставляя структурную природу конфликтности без философского объяснения, считаем, что системно-топологическая модель редуцирует всю конфликтность к универсальной реляционной схеме А–Х–В (А, В – субъекты, Х – объект деформации), где фрагментация идентичностей, виртуализация со-присутствия и алгоритмизация дискурса цифровой эпохи выступают усилителями, а не новыми типами базовых деформаций связности между субъектами, вскрывая причинность МЛК, корнящихся в системной природе социальных взаимодействий. Как было отмечено выше, традиционные типологии описывают «что» конфликтует, а системно-топологическая раскрывает «как» возникает деформация $d(A,B|X)$ в любой коммуникационной среде. Как видим, сравнительный анализ традиционных и топологических типологий выявляет кардинальные методологические преимущества последних.

Системно-топологическая типология основывается на устойчивых структурных характеристиках конфликта, что позволяет применять её как к межличностным взаимодействиям, так и к более широким социальным процессам. В рамках такого подхода качественные описания дополняются количественными показателями Т и Р, субъективные предположения заменяются вероятностными оценками, а локальные классификации объединяются в масштабируемую топологическую матрицу σ_i .

Методологическое значение данной типологии проявляется сразу в нескольких аспектах. Во-первых, она обеспечивает универсальный диагностический подход, позволяя сводить различные формы межличностного конфликта к ограниченному числу структурных сигнатур σ_i . Во-вторых, появляется возможность прогнозировать способы разрешения

конфликтов на основе заранее определённых моделей реконфигурации для каждого типа. Кроме того, предложенная система обладает масштабируемостью: её можно использовать как для анализа межличностных взаимодействий, так и для изучения более сложных общественных противоречий. Практическую ценность подходу придают чёткие метрики и диагностические процедуры, делающие его операционально применимым. Разработанная типологическая матрица формирует методологическую основу как для последующего феноменологического анализа переживания конфликта его участниками, рассматриваемого в следующем параграфе, так и для практической формализации социомедиации во второй главе исследования. В рамках данного подхода каждая топологическая сигнатура соотносится с определённым алгоритмом разрешения конфликтной ситуации.

Тем самым типология межличностных конфликтов выстраивается на основе универсальной топологической схемы социальных взаимодействий, рассмотренной ранее, где конфликт понимается как деформация связей между субъектами вокруг конкретного объекта противоречия.

Представленная модель (Приложение, рис. 1) позволяет универсально описывать межличностные конфликты посредством пятиэтапного алгоритма и системы количественных метрик. При этом она сохраняет топологическую устойчивость даже в условиях цифровой трансформации конфликтных взаимодействий и изменения коммуникативной среды. Первый тип представлен ценностными конфликтами (σ_1). Они возникают в тех случаях, когда участники взаимодействия по-разному интерпретируют общие ценности, нормы или идеалы. Несмотря на физическую либо виртуальную близость, позиции сторон по принципиально важному вопросу оказываются несовместимыми, что постепенно приводит к формированию устойчивого коммуникативного напряжения. Самыми распространёнными примерами проявлений таких конфликтов являются семейные размолвки, в основном, из-за распределения ресурсов, разных взглядов на воспитание детей и т.п., а также профессиональные споры.

На схеме предложенной модели (см. Приложение 1) субъект А и субъект Б связаны через некое X – объект, обозначающий какую-либо ценность и вокруг которого возникает «узловая деформация». Когда конфликт развивается не по причине объекта, а из-за его восприятия, наступает нарушение связности⁷¹.

Второй тип образуют статусные конфликты (σ_2), возникающие вследствие несовместимости социальных ролей, позиций или притязаний участников. В подобных ситуациях коммуникационная связь между сторонами частично либо полностью нарушается. Для статусных конфликтов характерна более жёсткая динамика: взаимодействие развивается либо в сторону восстановления отношений, либо приводит к окончательному разрыву. Именно поэтому такие конфликты отличаются высокой степенью напряжённости и сравнительно редко разрешаются самостоятельно. Наиболее эффективным способом их урегулирования становится участие посредника, способного восстановить управляемую коммуникацию и перевести взаимодействие от конфронтации к конструктивному диалогу.

На модели (Приложение, рис. 1) качественно иной тип топологической структуры представлен конфликтами статусной деформации. Для них характерно нарушение связности между субъектами по ребру X , отражающему статус или социальную роль участников взаимодействия⁷².

Статусная деформация возникает в тех случаях, когда стороны по-разному воспринимают и оценивают положение друг друга в системе отношений. Субъект А исходит из определённого понимания собственного

⁷¹ Причина узловой деформации коренится в фундаментальной ценностной несовместимости приоритетов, где субъект А придает объекту X вес α_1 , а субъект Б – вес α_2 при нулевом пересечении множеств $\alpha_1 \cap \alpha_2 = \emptyset$

⁷² В этой конфигурации расстояние $d(A,B|X)$ стремится к бесконечности, субъекты сохраняют принадлежность общей социальной системе, но теряют прямую коммуникационную связь, что графово моделируется как $A|X|B$. Типичными примерами служат корпоративные увольнения, где сотрудник и компания разрывают статусную связь; разрывы дружеских отношений из-за предательства доверия или цифровые блокировки аккаунтов, исключаящие пользователя из сообщества. Генезис разрывной деформации обусловлен ирреконцилируемой асимметрией позиций, когда субъект А требует статуса S_1 , а субъект Б присваивает ему статус S_2 , причем S_1 и S_2 оказываются ортогональными. Разрешение требует мостовой реконфигурации через введение третьей стороны в качестве медиатора.

статуса и связанных с ним прав или ожиданий, тогда как субъект Б закрепляет за ним иную роль, не совпадающую с этим представлением.

Так называемые «идентичностные конфликты» составляют третий тип (σ_3). Такие конфликты возникают, когда сталкиваются ценностные системы. Речь идет о межкультурных разногласиях, спорах о гендерных ролях, конфессиональных и этнических взаимодействиях. Особенность таких конфликтов заключается в их нестабильной и трудно прогнозируемой динамике. Человек одновременно принадлежит сразу к нескольким социальным и культурным группам, поэтому разные идентичности могут пересекаться, усиливать друг друга или, наоборот, вступать в противоречие. Именно это делает подобные конфликты особенно сложными для анализа и урегулирования.

На модели (Приложение, рис. 1) конфликты идентичностной деформации представлены как более сложная и многослойная форма взаимодействия, при которой возникает неоднозначная структура присутствия субъектов. В подобных ситуациях связи между участниками оказываются «переплетёнными»: А и Б продолжают находиться в одном социальном или коммуникативном пространстве, однако их представления о себе и друг о друге перестают совпадать.

Каждый из участников начинает восприниматься сразу через несколько ролей, которые нередко противоречат друг другу. Один и тот же человек может одновременно выступать как авторитет и нарушитель, профессионал и любитель, публичная фигура и частное лицо. Такая множественность ролей создаёт парадоксальную форму связности: стороны остаются рядом – физически или виртуально, – но при этом теряют ясность в понимании статуса и идентичности друг друга. Из-за этого коммуникация становится нестабильной, эмоционально перегруженной и плохо предсказуемой. Подобные конфликты проявляются, например, в семейных отношениях, где один человек одновременно воспринимается как супруг, родитель и партнёр; в профессиональной среде, где пересекаются роли руководителя, коллеги и

друга; а также в цифровом пространстве – в ситуациях, связанных с анонимными аккаунтами и неоднозначной самопрезентацией пользователей. Динамика идентичностных конфликтов отличается высокой сложностью и нередко приобретает эмерджентный характер: по мере развития взаимодействия возникают новые противоречия и формы напряжённости, которые невозможно полностью предсказать заранее. Поэтому их разрешение требует длительной работы по прояснению и разграничению пересекающихся ролей и идентичностей.

Для практического применения предложенной типологии требуется операционализация топологических сигнатур с использованием диагностической матрицы $\sigma_i = \{V, E, D, T, P\}$. Под топологическими сигнатурами понимаются устойчивые структурные модели межличностного конфликта, отражающие характер деформации социальных связей в рамках универсальной схемы А–Х–Б. Иными словами, каждая сигнатура σ_i фиксирует специфический способ, посредством которого объект противоречия Х влияет на взаимодействие между субъектами А и Б и нарушает их коммуникативную связность. Диагностика конфликта осуществляется поэтапно. Сначала определяются конфликтующие стороны, затем выявляется объект деформации, после чего устанавливается тип соответствующей сигнатуры. Далее оценивается степень выраженности конфликтной деформации и формируется вероятностный прогноз её развития и возможного разрешения. Такой подход позволяет перейти от исключительно качественного описания конфликта к более формализованной и количественно ориентированной оценке конфликтного процесса⁷³.

⁷³ Диагностика строится на трех фундаментальных метриках:

$T = d(A, B|X) \in [0, 1]$ – степень деформации;

$\chi(X)$ – сложность объекта противоречия;

$\beta(\sigma_i)$ – топологические дефекты связности.

Диагностический алгоритм:

1. Идентификация $V = \{A, B\}$, $E = \{X=1\}$

2. Классификация $D \in \{\text{узл, разр, скр}\}$

3. Измерение $T = d(A, B|X)$

4. Прогноз $P(\sigma_i) = f(T, D, M)$, где М – наличие социомедиатора.

Разработанная типология, основанная на трёх базовых типах деформации социальных связей, позволяет сформировать универсальный подход к диагностике межличностных конфликтов. Благодаря этому различные формы конфликтного взаимодействия могут быть сведены к ограниченному числу устойчивых структурных конфигураций, для которых возможно определить наиболее вероятные способы разрешения. Предложенная модель охватывает как традиционные конфликты в семейной и профессиональной среде, так и специфические формы противоречий, возникающих в цифровом пространстве. Отметим, что данный топологический подход можно применить в различных сферах социальной действительности – от совершенно обычных ситуаций до сложных конфликтов.

В социальной науке эмоциональные конфликты нередко рассматриваются как нереалистические, то есть такие, в которых аффективный компонент начинает преобладать над рациональным содержанием спора. Так, Д. Дэна подчёркивал, что именно эмоциональные факторы часто лежат в основе содержательных противоречий и во многом определяют динамику развития межличностных конфликтов ⁷⁴ . Парадоксальная природа парадигмы конфликта приводит к превращению конфликта в постоянные отношения между сторонами. Такие «постоянные отношения» Д. Дэна определяет, как «порочный круг» ⁷⁵ . Данный тип конфликта связан прежде всего с восприятием ситуации как конфликтной и возникающими при этом негативными эмоциональными переживаниями.

Эмоции играют важную роль не только в возникновении и развитии конфликта, но и в его удержании на определённой стадии динамики. Они способны усиливать напряжённость взаимодействия, влиять на оценку действий другой стороны и закреплять конфронтационные модели поведения.

⁷⁴ Дэна Д. Преодоление разногласий: Как улучшить взаимоотношения на работе и дома / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 1994. – 138 с.

⁷⁵ Там же.

По мнению П. В. Симонова, эмоции нельзя сводить лишь к ситуативным реакциям человека. Исследователь рассматривал их как сложные когнитивно-аффективные процессы, оказывающие влияние на восприятие происходящего, систему поведенческих установок и механизмы принятия решений⁷⁶. При анализе эмоциональной стороны конфликта стало возможным представить новую типологию межличностных конфликтов. Для этого разграничим топологические сигнатуры конфликта и аффективно-эмоциональную деформацию. Топологические сигнатуры отражают устойчивые структурные формы нарушения связности в системе А–Х–Б, тогда как аффективно-эмоциональная деформация характеризует уровень эмоционального напряжения, интенсивность переживаний участников и влияние этих состояний на динамику конфликтного процесса. Иными словами, эмоциональная составляющая не рассматривается как отдельный тип сигнатуры в строгом топологическом понимании. Скорее, она представляет собой дополнительный динамический фактор, который способен влиять на особенности протекания уже сформировавшейся структуры конфликта. Такой подход позволяет сохранить логическую последовательность классификации и избежать смешения устойчивых топологических форм конфликта с эмоциональными и процессуальными характеристиками его развития⁷⁷.

Значительные методологические различия между традиционными и топологическими подходами к классификации межличностных конфликтов можно наблюдать при их сравнении. Классические типологии, как правило, основываются на особенностях поведения участников или их мотивации и поэтому чаще применимы к отдельным ситуациям и конкретным формам

⁷⁶ Симонов П.М., Прудский М.В. Статистический анализ временных характеристик локальных конфликтов и военных расходов (на примере России и США) // Вестник ПГУ. Серия: Экономика. – 2017. – №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/statisticheskiy-analiz-vremennyh-harakteristik-lokalnyh-konfliktov-i-voennyh-rashodov-na-primere-rossii-i-ssha>

⁷⁷ σ_1 – узловая (ценностная): А//Х//Б

σ_2 – статусная: А—| Х |—Б

σ_3 – разрывная (идентичностная): А||Х||Б

модус МЛК – скрученная (аффективная): А \sphericalangle Х \sphericalangle Б

взаимодействия. В отличие от них системно-топологический подход опирается на устойчивые структурные характеристики конфликта, которые сохраняются независимо от масштаба и условий его проявления. Благодаря этому подобная типология обладает более универсальным характером и может использоваться как при анализе межличностных взаимодействий, так и при рассмотрении более сложных социальных процессов. Качественные описания сменяются количественными метриками T и P , субъективные прогнозы – вероятностными оценками, а локальные классификации – масштабируемой матрицей σ_i .

Таким образом, считаем, что методологические следствия разработанной типологии многоаспектны. Она обеспечивает диагностическую универсальность, сводя любые проявления МЛК к ограниченному числу сигнатур σ_i ; предсказуемость разрешения через известные алгоритмы реконфигурации для каждого типа; масштабируемость от межличностных диад к общественным антагонизмам; операциональность через четкие метрики и диагностические протоколы. Нами раскрыты концептуальные и методологические основания модели.

Выводы к параграфу 1.2

В предыдущем параграфе было выявлено, что типологию межличностных конфликтов возможно построить на основе топологической схемы – конфликт в этом случае предстает как узловая деформация. Данная деформация связей происходит между субъектами вокруг определенного объекта. Традиционные классификации межличностных конфликтов складываются на основе психологических мотивов и поведенческих стратегий. В отличие от них, топологический подход позволяет структурировать межличностный конфликт по характеру деформации социальных связей. Выделены три базовых типа конфликтов: ценностные, статусные и идентичностные. Каждый из этих типов имеет свои диагностические признаки и свои способы разрешения. Медиатор способен

определить алгоритм разрешения межличностного конфликта по сигнатуре. Топологическая сигнатура обеспечивает диагностическую универсальность, то есть, любой межличностный конфликт можно свести к одному из трех выявленных типов – вариантов сигнатур, при этом сохраняющих свою типологию и в случае цифровой трансформации.

1.3. Герменевтика и феноменология как методы анализа межличностного конфликта

Для более полного представления межличностного конфликта, его природы, недостаточно ограничиваться только его структурным и типологическим описанием. В параграфе 1.1 было установлено, что межличностный конфликт – это основная (базисная) топологическая инвариантность социальных отношений. Параграф 1.2 позволил структурировать данную типологию по характеру деформаций связей. В настоящем параграфе выявим, что феноменологический подход способен раскрыть субъективный опыт данной деформации, а герменевтический подход – исследует разрывы, связанные с их интерпретациями. Этот процесс необходим для того, чтобы понять, как предложенная схема А-Х-Б представляется в телесно-коммуникационных практиках в цифровую эпоху и становится доступной через социомедиацию.

Перед тем как перейти к рассмотрению интеграции феноменологии и герменевтики в системно-топологический анализ МЛК, целесообразно последовательно раскрыть ключевые аспекты каждой из этих методологических традиций применительно к изучению межличностного конфликта.

В феноменологической перспективе конфликт осмысливается как столкновение субъективностей: «Я» и «Другого». Здесь «Я» мыслится как центр восприятия и действия, в то время как «Другой» является не просто объектом, но автономным субъектом, вступающим в отношения с «Я» в пространстве интерсубъективности. Конфликтность является неотъемлемой

частью человеческого существования и отражает стремление индивида к самоутверждению и сохранению своей индивидуальности. В контексте хайдеггеровской философии, пространство рассматривается как основа, на которой разворачивается конфликт между «Я» и «Другим», где каждый из них стремится занять свое место и выразить свою сущность⁷⁸. Отсюда следует, что конфликт является неотъемлемой частью человеческого бытия и может быть рассмотрен как один из способов самовыражения и самоопределения индивида.

Раскрывая природу внутреннего конфликта, стоит отметить, что его сущность преимущественно заключается в столкновении внутреннего «Я» с «Другим», что препятствует раскрытию самости и сущности человека, поскольку он интерпретирует собственную сущность исключительно в контексте взаимоотношений с окружающими. Это связано с пространственными характеристиками субъектов конфликта и их положением в окружающем мире, которое подчинено законам конфликтного бытия. В этом контексте основные экзистенциальные характеристики подвержены сущностным изменениям. С точки зрения онтологии, сущее, которое всегда является «Я» и обладает собственным бытием, остается неизменным. При этом, антропологическое направление философии содержит точку зрения о том, что подобное погружение и самодостаточность недоступно, хотя все к нему стремятся. Именно эта недостижимость зачастую приводит человека в состояние фрустрации, невозможность существовать в одиночестве. Зачастую это также может перерасти в противостояние «Другому» ввиду невозможности существовать наедине с собственным «Я». В случае, если Ego человека весьма устойчиво, и он прикладывает существенные усилия к его отстаиванию, постоянное существование в конфликтных ситуациях избавляет его от рефлексии и поисков комфорта наедине с собственным «Я» и стремлением обрести самодостаточность. Это выражается с полным

⁷⁸ Хайдеггер М. Бытие и время. С. : Апсны., 2023. – 488 с.

отделением тела от превалирующего духа, что приводит к утверждению человека в правоте и необходимости собственных действий несмотря на то, что они абсолютно противоположны тем, которые нужно совершать для обретения самости, и связано с поиском равновесия и гармонии в конфликтной ситуации.

Исходя из данной методологической парадигмы, можно утверждать, что конфликт включает в себя процесс экзистирования «Я» в условиях противостояния и взаимодействия с «Другим». Оба субъекта конфликта соглашаются на возможность обнаружения внутримирного, несущегося за пределами их собственного «Я», но одновременно являющегося неотъемлемой частью бинарной модальности конфликтного бытия. В силу пространственных характеристик субъектов конфликта их положение в окружающем мире подчинено общим законам конфликтного существования, что отражает сущностные изменения в основных аспектах бытия. Однако, сущее, которое всегда есть «Я», остается неизменным и не воспринимается «Я» как своя собственная часть. Этот когнитивный процесс перемещения между «Я» и «Другим» в межличностных взаимодействиях часто приводит к конфликтам. Это, как самоощущение индивида, стремится сохранить свою собственную идентичность и автономию, одновременно признавая существование и перспективы других. Это постоянное напряжение между стремлением к индивидуальности и потребностью в социальных связях может привести к межличностным конфликтам.

А. Ю. Байбородов считает, что «в конфликтном бытии «Я» озабочено вытеснением экзистенциальной пустоты антагонистическими взаимоотношениями с Другим, то есть ликвидацией последствий оторванности Его от собственной самости»⁷⁹.

Рассматривая философское направление разработки природы конфликта, понятия «Я», «Другой» – это синонимичные понятия «личности»,

⁷⁹ Байбородов А.Ю. «Бытие-к-смерти» как возможность и условие коэкзистенциального общения // Вестник Бурятского государственного университета. – 2016. – Вып. 6. – С. 60-67.

«человека» и «индивида» только с точки зрения антропологии. Онтология вышеобозначенных понятий основана на классическом понимании и исследовании природы человека. Столкновение «Я» с «Другим» влечет за собой разработку и реализацию определенного набора действий, которые прослеживаются во всех проявлениях антагонизма на разных этапах исторического и социального развития. Условием обретения самости «Я» в условиях конфликта является выбор использования «Другим» определенной части Ego, который обуславливается конфликтом и формирует своего рода барьер между Ego в состоянии покоя и «Я», которое проявляется в конфликтной ситуации. Триггером к вступлению в конфликт для «Я» является понимание того, что истинное обретение самости возможно в столкновении с антагонистом, а не в рефлексии наедине с самим собой. «Другой» в конфликте – на самом деле лишь иллюзия, поскольку человек общается и сталкивается с проявлениями собственного Ego, которое выходит за пределы сознания.

По мысли Д. Захави, «Вражда с «Другим», агрессивные действия, резкие слова и злые мысли становятся образом существования «Я» в бытии-в-конфликте, и это состояние получает внутреннюю оценку сознания не в соответствии с собственным разумением, а под опекой враждебной сущности, вытесняющей единство гармоничной самости за рамки конфликтующего сознания⁸⁰. Данное существование затуманивает разум до такой степени, что исчезает различие между знанием о не тождественности души и тела, воспринимающихся в особо сложных случаях как не имеющие ничего общего с собственной личностью, которая при этом принципиально ускользает от любой доступной дефиниции. В конечном итоге, через конфликтную экзистенцию человек может продемонстрировать свою способность преодолевать трудности и достигать своих целей, что влияет на его самоопределение и самооценку. Как отмечает Д. Захави, «по аналогии с

⁸⁰ Zahavi D. Naturalized Phenomenology: A Desideratum or a Category Mistake? // Phenomenology and Naturalism: Examining the Relationship between Human Experience and Nature / Ed. by H. Carel, D. Meacham. Cambridge University Press, 2013. – P. 23-42.

современными технологиями коммуникации, тело производит шифровку конфликтного бытия, отражает настроение и в целом является базой данных для «Другого», считывающего информацию о намерениях соперника в ходе очного конфликтного противостояния. Телодвижения и физические реакции Его в конфликте содержат колоссальный пласт информации, подлежащей анализу и систематизации»⁸¹.

Конфликтная экзистенция, в своей основе, представляет собой сложную систему знаний и понимания, где информационные пласты о стратегии успеха, объекте противоборства и антагонистах играют ключевую роль. Они формируют базу для понимания и анализа конфликта, в то время как проявления чувственной природы, сами антагонистические действия и их последствия становятся производными значениями. На элементарном уровне знания о конфликтной экзистенции можно выделить несколько составляющих. Вначале существует ложное Его, которое заменяет истинную самость и становится центром восприятия и действия. Это ложное Его формирует представления о собственных желаниях, которые проявляются через человеческие страсти и стремление к достижению личного счастья за счет несчастья оппонента. Сама же конфликтная экзистенция включает в себя решимость выразить всеобщее знание о конфликте в частных формах проявления антагонизма между «Я» и «Другим». Это проявляется в постоянных противоборствах, где каждая сторона стремится преодолеть противника и достичь своих целей. ««Я» в-конфликтности экзистирует, не достигая тождественности дискурсу, хотя Его становится мастером антагонизма и воплощением духа соперничества по мере возрастания своего всеведения о мире-в-конflikте и умению быть в нем»⁸².

Природа человека и его сущности лежит в основе философских разработок природы конфликта. Борьба за самосохранение и стремление к

⁸¹ Zahavi D. Phenomenology and the Project of Naturalization // Phenomenology and the Cognitive Sciences. – 2004. – Vol. 3. – P. 331-347.

⁸² Zahavi D. Husserl's Phenomenology. – Stanford University Press, 2003. – 192 p.

благоприятным условиям существования является фундаментальным аспектом межличностного конфликта. Именно посредством конфликта индивиды утверждают свои границы, защищают свои интересы и стремятся сохранить чувство идентичности. Конфликт можно рассматривать как проявление присущего индивиду напряжения между стремлением к автономии и потребностью в социальных связях. «Вероятность обретения себя в антагонистическом соприсутствии всегда зависит от вероятности небрежного использования «Другим» той части Ego, которая метафизически достается ему по итогам конфликта и является своеобразным барьером, разделяющим я-в-конфликтности и исходную самость Ego, пребывающего в состоянии гармонии и покоя»⁸³.

Конфликт не может быть сведен исключительно к индивидуально-психологическим причинам. Его формирование и развитие всегда происходят в рамках более широкого социокультурного и исторического контекста. Несмотря на стремление субъекта сохранить целостность и восстановить внутреннюю гармонию, он оказывается вовлечён в конфликт как в форму существования, из которой невозможно полностью выйти. Конфликт, в этом контексте, приобретает онтологический статус: это не просто ситуация, а способ бытия, в котором «Я» вступает в сложные и часто противоречивые отношения с «Другим». В этом смысле, возможность разрешения конфликта не предполагает его устранения как такового, но требует нахождения хрупкого равновесия между самотождественностью и открытостью к Другому.

Конфликтная экзистенция, являющаяся результатом неразрешенных проблем и потребностей субъектов, приводит к активному сознанию и постоянному присутствию в ситуации конфликта. В этом состоянии «Я» и «Другой» вступают в борьбу, не задумываясь о своей самости, и действуют согласно установленным алгоритмам и правилам. Постепенно конфликт эскалирует, и субъекты все больше погружаются в него, теряя понимание собственной самости. Противостояние между «Я» и «Другим» носит глубоко

⁸³ Там же, С. 85-87.

противоречивый характер, поскольку строится на постоянном колебании между стремлением к доминированию и осознанием собственных границ. Именно эта амбивалентность и задаёт внутреннюю логику конфликта, превращая его в пространство не только противоборства, но и саморефлексии. Через напряжённые отношения с «Другим» субъект оказывается вовлечён в сложный процесс осмысления самого себя.

Конфликтная динамика между «Я» и «Другим» разворачивается как борьба за признание, влияние и контроль, также как и стремление к сохранению целостности, а порой и к восстановлению нарушенной гармонии. В таком экзистенциальном контексте «Я» сталкивается с парадоксом – в стремлении к самоидентификации оно нередко теряет ощущение собственной подлинности, особенно в моменты изоляции или саморефлексии, оторванной от реального опыта взаимодействия. Напротив, пребывание в постоянной конфронтации приводит к отдалению физического «Я» от его духовного ядра, и действия становятся внешними, не связанными с осознанием собственной сущности.

В рамках постмодернистского мышления Ж. Ф. Лиотар предлагает иную точку зрения осмысления конфликта⁸⁴. Анализ автора сосредоточен на трансформации самой природы знания и власти в условиях постиндустриального общества. Лиотар указывает на фрагментацию великих нарративов и замену универсальных оснований на множество локальных языков, в которых происходит борьба за признание и легитимность. Конфликт, по Лиотару, укоренён в множественности дискурсов, конкурирующих за право быть услышанными. Современные конфликты всё чаще приобретают характер не классовых, а символических и культурных столкновений, в которых участвуют не столько социальные группы, сколько идентичности, нарративы,

Важным аспектом исследования межличностного конфликта является его структура и динамика в контексте субъективных и дискурсивных

⁸⁴ Lyotard J-F. The PostModern Condition. A Report on Knowledge / tr. by Geoff Bennington and Brian Massumi. – Manchester: Manchester Univ. Press. 1984.

отношений, что подчеркивается в работах Ж. Лакана и М. Фуко. Хотя Ж. Лакан не является феноменологом в строгом смысле этого направления, его психоаналитическая теория, основанная на структурализме, проливает свет на природу конфликта, связывая его с концепциями воображаемого, символического и реального. В этом контексте ключевую роль играет фигура Другого (Autre), которая не только конституирует субъекта, но и создает фундаментальную почву для возникновения конфликтов.

Ж. Лакан проводит различие между «маленьким другим» (autre) и «большим Другим» (Autre). Под «маленьким другим» понимается образ двойника, возникающий на стадии зеркала. Через него человек формирует представление о собственной целостности, однако одновременно сталкивается с эффектом отчуждения. В контексте межличностного конфликта этот механизм проявляется в том, что другой человек воспринимается не только как самостоятельный субъект, но и как отражение собственного Я. Отсюда возникают соперничество, стремление к самоутверждению и агрессивные реакции, связанные с необходимостью подтвердить собственную идентичность через противопоставление себя другому.

«Большой Другой» у Лакана связан уже не с образом конкретного человека, а с пространством языка, социальных норм и дискурсивных структур, внутри которых формируется субъект. С этой точки зрения конфликт имеет не только психологическую, но и символическую природу: отношения между людьми оказываются заранее включены в систему значений и ролей, задающих возможные позиции участников взаимодействия.

В концепции М. Фуко конфликт предстает не просто как противостояние отдельных людей, а как столкновение различных дискурсивных практик, социальных норм и институциональных механизмов. Другой у Фуко всегда включён в сеть отношений власти и знания: именно через неё определяются границы допустимого, нормального и отклоняющегося. С этой точки зрения конфликт возникает не только из-за личных противоречий между субъектами, но и как следствие их положения

внутри определённых систем знания, дисциплинарных практик и властных отношений.

С. А. Азаренко, развивая постструктуралистскую традицию и опираясь на идеи Ж. Лакана и М. Фуко, предлагает рассматривать конфликт как особую топологическую структуру, внутри которой переплетаются отношения власти, процессы формирования идентичности и производство смыслов. В отличие от классических подходов, где конфликт понимается как прямое столкновение противоположных интересов, у Азаренко он приобретает более сложный характер и разворачивается как пространство взаимного отражения субъектов.

Важную роль в его концепции играет лакановская идея Другого и воображаемого двойника. В конфликтной ситуации субъект сталкивается не просто с внешним оппонентом, а с определённым отражением самого себя. Через взаимодействие с Другим происходит своеобразное раздвоение субъективности: человек начинает видеть собственное «я» через внешние символические формы, оценки и социальные ожидания. В своих работах С. А. Азаренко рассматривает социальные отношения как «особое пространство совместного бытия». Такой подход представляет возможность проанализировать социальные взаимодействия через распределение ролей, дистанций между объектами и формы присутствия участников конфликта внутри общества. Во взаимоотношениях между участниками конфликта постоянно происходит перераспределение ролей – это отчётливо видно на примере семейных конфликтов. При этом тело в подобной системе понимается не просто как биологическая характеристика человека, а как социально и культурно обусловленный феномен. Через телесные практики закрепляются нормы поведения, ролевые ожидания и механизмы социального регулирования, действующие в обществе. Гендерные различия также воспроизводятся не только на уровне биологии, но и через культурно закреплённые формы поведения – манеру общения, жесты, дистанцию между людьми, особенности внешнего вида и способы самопрезентации.

Дом становится не просто местом проживания, но пространством, где разыгрываются сценарии социальной идентичности, властных отношений и культурных кодов, организующих семейные взаимодействия⁸⁵. Центробежные векторы мужского присутствия, направленные во внешний мир, связаны с активностью, социальной реализацией, профессиональной сферой и публичными коммуникациями. В этом смысле, мужское тело как субъект внешнего движения постоянно балансирует между обязанностями перед семьёй и социальной самореализацией, что может приводить к конфликтам, связанным с распределением ответственности, эмоциональным участием или иерархией власти в семье. Напротив, центростремительные векторы женского присутствия, ориентированные на внутреннее пространство дома, определяют процессы заботы, воспитания детей, поддержания уюта и сплочённости семьи. Однако эта дихотомия не является статичной и абсолютной – она постоянно пересматривается в зависимости от изменения социальных норм, экономической ситуации и культурных трансформаций.

Расположение тел в пространстве дома, распределение обязанностей, степень мобильности и закреплённость за теми или иными зонами – всё это становится частью конфликта за власть, признание и субъектность. Более того, само пространство дома можно рассматривать как метафорическую топологию отношений, в которой определённые зоны приобретают различную символическую значимость. Например, кухня в традиционной культуре воспринимается как пространство женского контроля, в то время как кабинет или гостиная могут обозначать мужское присутствие. Конфликты, возникающие в рамках семейных отношений, часто связаны с нарушением этих негласных границ, что порождает напряжённость в процессе символической регуляции⁸⁶.

⁸⁵ Азаренко С.А. Топологии сообщества / Институт экономики, управления и права (г. Казань). – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2014. – 228 с.

⁸⁶ Азаренко С.А. Топологическое философствование и социальная коммуникация // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2016. – №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/topologicheskoe-filosofstvovanie-i-sotsialnaya-kommunikatsiya>

В свете психоаналитической теории Жака Лакана, в частности его понятий «Воображаемого» и «Другого», семейный конфликт может быть интерпретирован не как простое столкновение интересов или поведенческих моделей, а как глубоко укоренённый символический процесс, в котором отражаются механизмы идентификации, проекции и борьбы за субъектность. отношения между членами семьи формируются не напрямую, а через посредство «другого» – символической фигуры, через которую субъект узнаёт (или не узнаёт) самого себя. Так, в супружеских отношениях партнёр может восприниматься как отражение собственных тревог, желаний или неосознанных ожиданий, в то время как дети нередко становятся проекцией не только родительских надежд, но и неразрешённых внутренних конфликтов. Семья представляет собой такую форму отношений, где человеку приходится одновременно быть частью общего пространства и сохранять собственную индивидуальность. Внутри семейного взаимодействия постоянно возникают ситуации, связанные с необходимостью обозначать личные границы, добиваться уважения к своей позиции и защищать право на самостоятельные решения. По этой причине многие семейные конфликты возникают не только из-за конкретных бытовых обстоятельств, но и из-за внутреннего стремления человека не потерять ощущение собственного «Я» в системе близких отношений.

На характер семейных противоречий заметно влияют изменения, происходящие в обществе в отношении гендерных ролей и представлений о семейной модели. Традиционные ожидания, связанные с обязанностями мужчины и женщины, сегодня постепенно меняются, что отражается на распределении ответственности, власти и ролей между партнёрами. Подобные изменения нередко становятся причиной напряжённости, поскольку взгляды участников отношений могут существенно различаться. В этом плане интерес представляют идеи Жака Лакана и Мишеля Фуко, рассматривавших человека через призму социальных и символических механизмов. Такой подход позволяет увидеть в семейном конфликте не только обычное столкновение

интересов или характеров. За внешними разногласиями часто скрывается противоречие между личными желаниями человека, его стремлением к свободе и теми нормами поведения, которые задаются обществом и культурой.

С точки зрения психоаналитического подхода человек нередко воспринимает другого не таким, каким он является в действительности, а через собственные ожидания, представления и внутренние установки. В отношениях партнёр может становиться своеобразным отражением желаемого образа, на который проецируются личные потребности, страхи и представления об идеальных отношениях. Одновременно на поведение людей влияют социальные нормы и культурные установки, определяющие допустимые модели общения, семейных отношений и сексуального поведения.

По этой причине сексуальность внутри семьи оказывается связана не только с личным выбором человека, но и с давлением со стороны общества, задающего определённые представления о «нормальных» формах отношений. Семейные конфликты в данной сфере часто возникают из-за столкновения традиционных взглядов, основанных на привычной модели брака и распределения ролей, с современными представлениями о гендере и сексуальной идентичности. Изменение общественных установок постепенно влияет на характер семейных отношений, что приводит к пересмотру привычных ролей партнёров и отражается на формах взаимодействия между ними, в том числе в сфере интимной жизни.

Женщины, становясь равноправными партнёрами не только в профессиональной, но и в сексуальной сфере, выходят за рамки традиционных представлений о женственности, что меняет динамику отношений. Так, сексуальная инициатива, ранее закреплённая за мужским телом, становится объектом перераспределения, вызывая конфликты, связанные с изменением привычных моделей взаимодействия.

Топологический анализ семейных отношений позволяет рассматривать сексуальность как элемент пространственной организации тела в семье. Мужское тело, ориентированное на внешнюю активность, традиционно воспринимается как движущая сила сексуального взаимодействия, в то время как женское тело, ориентированное на удержание и заботу, включается в процесс скорее через символическое освоение партнёра. Однако в условиях современной сексуальной культуры эти роли всё чаще подвергаются деконструкции: женщины осваивают стратегии сексуальной доминанции, а мужчины оказываются в уязвимом положении, что становится дополнительным источником напряжения в брачных отношениях.

Цифровизация семейных связей обостряет межличностные противоречия, порождая фрагментацию самости в сетевом хронотопе с высоким индексом виртуальности по Елховой О. И., который она определяет как «относительный обобщенный показатель, служащий для характеристики изменения виртуальной реальности через компоненты погруженности, вовлеченности и интерактивности»⁸⁷, где традиционные офлайн-напряжения (патриархальные коллизии, аффективные разломы) трансформируются в виртуальные споры, усиливаемые эхо-камерами и алгоритмическими антагонизмами.

Телесно-сексуальные межличностные конфликты в современной семье приобретают особую сложность в контексте цифровой виртуализации, где тело становится не только физическим субъектом, но и цифровым образом, подвергающимся фрагментации и реконструкции в виртуальном хронотопе. В таком аспекте индекс виртуальности отражает степень, в которой цифровое пространство воздействует на телесный опыт, включая сексуальность, трансформируя индивидуальные и взаимоотношенческие идентичности. Развитие цифровой среды заметно влияет на сферу межличностных и

⁸⁷ Елхова О.И. Индекс виртуальности: философское обоснование. Вестник Северного (Арктического) федерального университета Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2021. Т. 21(3). С. 99-107. DOI: <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V106>.

семейных отношений, усиливая напряжение, связанное с вопросами телесности, интимности и самовосприятия. Онлайн-коммуникация создаёт новые формы взаимодействия между людьми, при которых ощущение близости может сочетаться с эмоциональной дистанцией и отчуждением. В подобных условиях всё большее значение приобретают способы урегулирования конфликтов, учитывающие специфику цифрового общения, особенности виртуального взаимодействия и влияние технологий на эмоциональные реакции участников коммуникации.

Современные подходы к медиации всё чаще ориентируются на сочетание традиционного личного общения и цифровых форм коммуникации. В такой модели медиатор выступает не только посредником в конфликте, но и организатором пространства для диалога, где учитываются как реальные формы взаимодействия внутри семьи, так и особенности виртуальной среды. Среди основных подходов в конфликтологии российской философской мысли выделяется медиативный метод. Данный метод находит свой отклик в гуманистических традициях Л. С. Выготского⁸⁸, М. М. Бахтина⁸⁹, А. В. Лекторского⁹⁰, А. Ф. Лосева⁹¹, С. С. Аверинцева⁹². При этом, специфика российской социальной философии в постмодернистской феноменологии медиации проявляется в её тонком сочетании западных теоретических конструкций с уникальными культурно-историческими особенностями российской традиции мысли. В российской философской мысли постмодернизм обычно рассматривается не только как часть мировой интеллектуальной традиции, но и как явление, тесно связанное с историческими изменениями, пережитыми обществом в конце XX – начале

⁸⁸ Выготский Л.С. Развитие высших психических функций [Текст] : Из неопублик. трудов / Акад. пед. наук РСФСР. Ин-т психологии. – М.: Изд-во Акад. пед. наук, 1960. – 500 с.

⁸⁹ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Работы разных лет. – СПб.: Азбука, 2024. – 672 с. (Non-Fiction. Большие книги).

⁹⁰ Лекторский В. А. Культура, общество, медиация. Теория А.С. Ахиезера / В. А. Лекторский // Философские науки. – 2019. – Т. 62, № 8. – С. 9-15. – DOI 10.30727/0235-1188-2019-62-8-9-15

⁹¹ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 1988. – 558 с.

⁹² Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 448 с.

XXI века. На особенности его восприятия повлияли социальные кризисы, смена ценностных ориентиров и поиск новых форм общественного взаимодействия. Поэтому в отечественной традиции большое внимание уделяется идее диалога и сосуществованию различных мировоззренческих позиций, что во многом перекликается с принципами медиации, основанной на признании различий между участниками конфликта и уважении к их взглядам.

Медиацию же отечественные авторы часто рассматривают значительно шире, чем просто способ разрешения отдельных конфликтов между сторонами. Её всё чаще связывают с вопросами общественного диалога, взаимодействия граждан, а также с проблемами власти и участия человека в социальной жизни. Во многом это связано с опытом постсоветского периода, когда общество столкнулось с необходимостью заново выстраивать механизмы сотрудничества, доверия и коллективной ответственности. Одновременно меняется и представление о самой личности. Человек уже не воспринимается как полностью сформированная и неизменная структура.

Т. М. Шатунова пишет, что «герменевтика ориентирована на исследование особенностей коммуникации и дискурса, уделяя внимание как теоретическим аспектам понимания, так и практической стороне человеческого общения». Это связано с тем, что основной задачей герменевтики является исследование возможностей и вариаций условий понимания⁹³.

П. Рикёр был первым, кто поднял вопрос о противоречивых интерпретациях с герменевтической точки зрения. Согласно этому подходу, исследование любого культурного явления должно быть основано на исследовании и понимании его объективных и субъективных сторон, рассматривая его как проявление объектов сознания и через сознание. Этот метод предполагает два направления исследования: изучение исходных

⁹³ Шатунова Т.М. Герменевтика в языках культуры. – Казань: Издательство Казанского университета, 2021. – 141 с.

влечений субъекта, не сравнивая их исключительно с небытием (редукция), и исследование сознательных трансформаций и движений, которые открывают возможности за пределами настоящего (трансцендентность)⁹⁴. Как отмечает ученый, метод психоанализа по З. Фрейду можно отнести к роду «философской археологии», поскольку считает, что там широко раскрыта археология субъекта через разные психоаналитические интерпретации. При этом, исследования духовных феноменов в трудах Г. В. Ф. Гегеля, в свою очередь, посвящены изучению особенностей движения сознания через извлечение духа из самого себя с ориентацией на достижение смысла, источник которого всегда находится перед субъектом.

Несмотря на разность этих подходов к исследованию сознания человека, П. Рикёр объединил их посредством использования эсхатологии – если у Гегеля использовалось абсолютное знание, которое он считал целью, достижимой посредством развивающегося сознания человека, Рикёр, в свою очередь, ставил во главу угла Священное, поскольку именно его исследователь считал Абсолютом и основой всего существования и сознания, в том числе. Поле герменевтики, по мнению философа, лежит в плоскости двояких по смыслу выражений и их совокупности, где «один смысл – прямой, первичный, буквальный, означает одновременно и другой смысл – косвенный, вторичный, иносказательный, который может быть понят лишь через первый»⁹⁵. При этом интерпретацией в данном случае признается мыслительная работа по обработке значений, которые представлены в буквальном смысле. Это реализуется, в том числе, через рефлексию и понимание смысловых значений и их развития в контексте экзистенциального, семантического и рефлексивного уровней.

Развивая тему герменевтики важно рассмотреть труды Ю. Хабермаса, а именно его интерпретацию и раскрытие понятия «коммуникация»⁹⁶. Прежде

⁹⁴ Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М., 1995.

⁹⁵ Там же, С. 98.

⁹⁶ Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. – М.: АО «Ками» Издательский центр Academia, 1995. – 258 с.

всего, стоит отметить, что исследователь считает герменевтику первоначальной стадией теории формирования и развития общества. В связи с этим, Ю. Хабермас высказывает точку зрения о взаимозависимости всех общественных процессов и явлений от традиционности, что, по мнению, философа, формирует определенные риски, связанные с ограниченностью герменевтики, не углубляющейся до последних условий, а акцентируя внимание на исторических традициях и первоосновах. Именно поэтому исследователь поставил своей целью расширить поле деятельности герменевтики посредством использования общественной теории, которая задается целью критической оценки общественной и социальной действительности с учетом разных, в том числе актуальных условий ее существования. Благодаря тому, что трудовая деятельность и различные проявления господства в данном контексте будут приниматься во внимание исключительно в качестве элементов естественного исторического развития и исследования соответствующих взаимосвязей, общественная теория позволяет расширить границы герменевтики и снять вышеобозначенное ограничение. Герменевтика в данном случае – лишь метод, который позволяет определить рефлексивные формы человека в контексте его истории, культуры и социума⁹⁷.

Также в трудах Хабермаса проведен анализ представлений Х.-Г. Гадамера, который, по мнению философа, за основу своих постулатов изначально взял ошибочное расхожее заключение смешения происхождения знания и его легитимности. Из этого следует, что по Гадамеру, формирование исторической онтологии, базирующееся на недоступных для понимания условий, должно быть обусловлено определенными объективными условиями и критериями⁹⁸. Так, среди них в качестве примера Хабермас выделяет связь разного рода интересов, поскольку в их сущность включены как проявления труда, так и господство, и язык, каждое из которых можно считать

⁹⁷ Habermas J. Knowledge and Human Interests / Tr. By J. Shapiro. – Boston: Beacon Press, 1971.

⁹⁸ Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Под ред. В.С. Малахова. – М: Искусство, 1991.

полноценным типом коммуникации. Именно поэтому полноценный и объективный анализ всех проявлений коммуникации, по мнению Хабермаса, должен быть основан на качественно новом герменевтическом подходе. Это связано еще и с тем, что социальная реальность постоянно претерпевает кардинальные трансформации, усложняется, увеличивается количество и разнообразие социокультурных кругов, не каждый из которых имеет в своей основе какие-либо исторические традиции прошлого. Семантические границы также постоянно расширяются и стираются⁹⁹.

Хабермасом была разработана собственная теория коммуникативного действия, которая была направлена на понимание и интерпретацию социальной действительности с учетом постоянного развития и расширения границ коммуникации. В основе теории рассматривается общество как коммуникативная форма, а понимание рациональности лежит не в плоскости разума и сознания, а в имеющихся вербальных формах коммуникации и взаимопонимания.

Стоит отметить, что любая теория коммуникации невозможна без использования и исследования таких фундаментальных характеристик, как единство действия и языка¹⁰⁰. Такое понимание языка является более сложным, поскольку всегда учитывает бытовую и социокультурный контекст, то есть коммуникация происходит в рамках существующего объективного мира, но при этом находится в конкретных социальных кругах и иных проявлениях. Подход Хабермаса в его трудах развился в определение условий изменения связи языкового или коммуникативного действия и повседневного мира. При этом, классические общественные теории в большинстве своем пытаются ответить на вопрос об условиях коммуникации для достижения общественного порядка, а теория коммуникативного действия направлена, прежде всего, на условие координации действий участников коммуникации во

⁹⁹ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. Д.В. Складнева. – СПб: Наука, 2006.

¹⁰⁰ Habermas J. Zur Logik der Sozialwissenschaften. – Frankfurt: Suhrkamp, 1971.

имя достижения собственных целей и целей других. В основе данной теории как цель лежит именно согласие, которое не может быть чем-то навязанным, а должно быть основано на объединении разных убеждений. Коммуникация в данном случае имеет циклическую характеристику, поскольку инициатор коммуникации одновременно является и представителем, и носителем определенного социокультурного, исторического и практического пласта, который непосредственно накладывает отпечаток на его стремления и убеждения.

Теоретики герменевтики Г. Гадамер, П. Рикер в своих исследованиях указывают на то, что с проблемами понимания и границ интерпретации сталкиваются даже люди, которые разговаривают на одном языке. По мнению исследователя коммуникации Р. Вердербера, «мысли и чувства, мешающие коммуникационному процессу – это внутренние шумы»¹⁰¹, которые также можно отнести к категории коммуникационных барьеров. Важно понимать и учитывать цели каждого собеседника, которые также будут влиять на кодирование и декодирование информации, а также возникновение шумов.

Также осложняться коммуникация может в условиях конфликта интерпретаций – это тот случай, когда коммуникация происходит в максимально напряженном режиме, где собеседники будут ориентированы больше на доказательство состоятельности или несостоятельности каких-то убеждений, чем на совместное достижение цели. Также причина конфликта может быть личностной, которая непосредственно связана с определенными психологическими и/или иными индивидуальными характеристиками участников конфликта. Психологические причины конфликтов, как правило, связаны с ожиданиями и вариациями возможного поведения со стороны окружающих, что может вызывать, в конечном итоге, внутренние противоречия. При этом поведение, его проявления непосредственно обусловлены психологическими и индивидуальными человеческими характеристиками, его взаимоотношениями, психологическим состоянием в

¹⁰¹ Вердербер Р. Психология общения. – М.: РИПОЛ Классик, 2018. – 1216 с.

конкретный момент и в целом, а также ситуативных условий. Если проявления и поведения собеседника встраиваются в существующую картину представлений о поведенческих проявлениях, это также будет влиять на эффективность и характер разрешения конфликт¹⁰². Некоторые представители общества в связи со своими лидерскими и/или эгоистическими проявлениями существенно сужают в своих представлениях вариативность поведения, убеждений со стороны окружающих. Также эти рамки могут зависеть от того, к кому они относятся в каждой конкретной ситуации. Ну и, несомненно, психологический фон в текущий момент также оказывает непосредственное влияние на эти рамки. Все факторы, оказывающие влияние на коммуникацию, можно объединить по двум блокам – ситуативные и устойчивые.

Причинами межличностного конфликта, как правило, являются недостаточная коммуникативная компетентность и готовность к эффективному разрешению конфликта. Зачастую участники конфликта не обладают нужным набором знаний и навыков о способах разрешения и избегания конфликтных ситуаций, в том числе без урона собственным интересам. Зачастую причинами развития конфликтных ситуаций является отсутствие эмпатии у кого-либо из представителей конфликта, что препятствует эффективному пониманию мыслей, чувств и убеждений другой стороны¹⁰³. В целом можно выделить несколько категорий стратегий поведения участников коммуникативного процесса в конфликтных ситуациях межличностного типа:

- уход от конфликта – один или оба участника конфликта стараются игнорировать возникающий конфликт во избежание прямого столкновения, нежелания его разрешать, непризнания его наличия;

¹⁰² Заставенко В.А. Коммуникативное пространство конфликта: теоретический анализ // Конфликтология / nota bene. – 2021. – №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnoe-prostranstvo-konflikta-teoreticheskiy-analiz>.

¹⁰³ Макарова И.В. Конфликт и неформальная коммуникация // Теория и практика общественного развития. 2012. №12. С. 87-89 URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18287697>

- пренебрежение собственными убеждениями, интересами и целями во имя избегания конфликта. Человек может быть излишне уступчивым, не желая вступать в открытую конфронтацию. Данная стратегия будет иметь рациональное зерно в случае, когда для него предмет конфликта действительно не играет важной роли – в таком случае это будет объективно наиболее эффективным путем разрешения конфликтной ситуации;

- силовая стратегия – это те ситуации, в которых участник конфликта ставит собственные интересы во главу угла, абсолютно пренебрегая интересами своего оппонента. Это может именоваться доминированием или соперничеством.

В нашей работе феноменологический и герменевтический анализ межличностного конфликта продолжает системно-топологическую концептуализацию, перенося акцент с формальных структур деформации на переживание конфликта субъектами и процессы его интерпретации в контексте социальной деятельности.

Феноменология, восходящая к Э. Гуссерлю и развитая М. Мерло-Понти, предлагает методологический инструментарий для анализа МЛК как опыта телесного со-присутствия в деформированном пространстве. Конфликт предстает не абстрактной схемой σ_i , а житейским переживанием нарушенной симметрии взаимодействия, где субъекты одновременно воспринимают друг друга как ближнего и антагониста. Мерло-Понти в «Феноменологии восприятия» подчеркивал, что тело не просто носитель сознания, но первичная среда взаимодействия, где конфликт проявляется через напряжение мышечного тона, нарушение ритма зрительного контакта, замедление вербального потока. В зависимости от характера противоречий человек может воспринимать другого по-разному: как угрозу собственным убеждениям и ценностям, как препятствие для сохранения своего статуса или как источник внутренних противоречий, связанных с самоидентификацией.

Феноменологический анализ межличностного конфликта позволяет выявить дорефлексивный уровень переживания, который возникает ещё до

рационального осмысления ситуации. Речь идёт о телесных и эмоциональных реакциях, предшествующих оформлению конфликта в словах: ощущении внутреннего напряжения, избегании взгляда, реакции на интонацию или манеру речи другого человека. Именно этот до-смысловой уровень во многом определяет устойчивость конфликта, поскольку рациональные объяснения часто появляются уже после того, как эмоциональная и телесная структура противостояния фактически сформировалась.

Переходя от феноменологического описания к герменевтическому анализу, необходимо рассмотреть МЛК как интерпретационный разрыв в круговом горизонте понимания, описанном Г. Г. Гадамером¹⁰⁴. Герменевтическая ситуация МЛК подобна столкновению двух языковых игр: каждая сторона говорит «правду», но на разных основаниях. В цифровой коммуникации интерпретационный разрыв усиливается алгоритмизацией: платформы предопределяют контекст через ленту новостей, эхо-камеры фрагментируют пред-понимание, эмодзи создают полисемию знаков. Межличностный конфликт в сочетании феноменологического и герменевтического подходов рассматривается как многоуровневая система. Первый уровень этой системы связан с идеями М. Мерло-Понти и Э. Левинаса, как телесно-аффективный уровень.

Этот уровень проявляется через эмоциональные реакции, телесные ощущения и интуитивное восприятие конфликтной ситуации ещё до её рационального осмысления. Второй уровень – дискурсивно-нарративный, связанный с герменевтической традицией Г. Гадамера и П. Рикера. Здесь переживаемое напряжение получает интерпретацию через уже существующие представления, личный опыт и идентичностные истории, с помощью которых человек объясняет происходящее и выстраивает собственное понимание конфликта. Связь между различными уровнями конфликта формирует

¹⁰⁴ Конфликт возникает не из-за отсутствия информации, а из несовместимости пред-пониманий, когда субъект А интерпретирует поведение Б через свою традицию T_A , а субъект Б читает А через T_B , где $T_A \cap T_B = \emptyset$.

процесс, при котором напряжение постепенно усиливает само себя. Первоначальная эмоциональная реакция или внутренний дискомфорт начинают влиять на восприятие ситуации человеком. В результате меняется интерпретация происходящего, что, в свою очередь, ещё сильнее усиливает эмоциональное напряжение и осложняет отношения между участниками взаимодействия.

В цифровой коммуникации подобные процессы приобретают более сложный характер. Отсутствие непосредственного личного контакта снижает уровень эмоционального сопереживания между собеседниками, поскольку люди лишены привычных невербальных сигналов – интонации, жестов и мимики. Одновременно текстовое общение допускает множество вариантов толкования сказанного. Из-за этого возрастает риск неправильного понимания сообщений, а конфликтные ситуации могут сохраняться значительно дольше, постоянно возвращаясь к новым виткам напряжения.

Особую сложность в конфликте представляет фигура медиатора, если рассматривать её в феноменологическом и герменевтическом аспектах. В таком случае медиатор выступает не просто нейтральным посредником, а человеком, который помогает участникам конфликта увидеть и понять позиции друг друга. Через его участие становится возможным восстановление утраченного диалога между сторонами. В этом смысле левинасовское «лицо» Другого вновь становится заметным для участников конфликта именно благодаря присутствию медиатора, а гадамеровский круг понимания расширяется за счёт его опыта, интерпретации и культурного контекста. В цифровой среде роль медиатора приобретает дополнительные особенности. Поскольку онлайн-коммуникация ограничивает телесное присутствие и эмоциональный контакт, медиатору приходится компенсировать это с помощью более чёткой организации общения: уточняющих вопросов, структурирования обсуждения и контроля над ходом диалога.

Феноменологический анализ виртуального взаимодействия показывает, что цифровая коммуникация сама по себе влияет на развитие конфликта.

Задержки связи вовремя видеозвонков могут усиливать напряжение, прерывание видеопотока воспринимается как дистанцирование, а существование нескольких аккаунтов и аватаров усложняет восприятие личности собеседника. Вместе с тем цифровая среда создаёт и новые возможности для коммуникации: пауза перед ответом позволяет человеку лучше обдумывать свои слова, а сохранение переписки или записи разговора помогает более внимательно анализировать развитие конфликта и реакции его участников.

Объединение феноменологического и герменевтического подходов с системно-топологическим анализом позволяет рассматривать межличностный конфликт не только как определённую структуру связей, но и как субъективно переживаемый опыт. В таком подходе формальная схема конфликта дополняется анализом того, каким образом участники воспринимают ситуацию, интерпретируют действия друг друга и наделяют происходящее личным смыслом. Благодаря этому появляется возможность не просто определить тип деформации взаимодействия, но и понять, как именно конфликт переживается его участниками, в том числе в условиях цифровой коммуникации.

Представленная ранее системно-топологическая модель межличностного конфликта позволяет описывать различные варианты нарушения связности в рамках триадной схемы А–Х–Б. Феноменологический подход позволяет рассмотреть межличностный конфликт не только как внешнее противоречие, но и как внутренние переживания участника конфликта. Человек эмоционально воспринимает происходящую действительность. Герменевтический подход обращен на интерпретацию происходящего в процессе конфликта. С точки зрения герменевтического подхода, объект конфликта Х нельзя рассматривать как нечто нейтральное, а, наоборот, он формируется на основе личного опыта каждого участника конфликта.

При анализе межличностных конфликтов герменевтический подход имеет важное значение. Именно поэтому разработанная универсальная сигнатура конфликта имеет прикладное значение.

Таким образом, сущность триединой интеграции подходов можно рассмотреть следующим образом:

а) первый подход – топология – сохраняет и закрепляет разновариантную форму деформации;

б) второй подход – феноменология – позволяет описать способы целенаправленного переживания данной формы;

в) третий подход – герменевтика – раскрывает смысловое истолкование узла X.

Подобное триединство позволяет перейти от структурного описания к содержательной модели.

Выводы по параграфу 1.3

Феноменологический и герменевтический анализ завершает теоретическую концептуализацию МЛК, дополнив системно-топологическую типологию субъективным измерением опыта конфликта и интерпретационными процессами его коммуникации. Выявлено, что топологическая схема «субъект–деформация–субъект» воплощается в телесно-аффективных практиках, этических обращениях, пред-понимании, нарративных конструкциях конфигурациях. Теоретическая триада (структура–опыт–интерпретация) создает целостную методологическую основу для практической реализации системно-топологического анализа межличностных конфликтов.

Разработанный феноменолого-герменевтический анализ МЛК завершает теоретическую концептуализацию, заложив методологический фундамент для практической реализации системно-топологической модели во второй главе диссертации, где структурная типология, феноменологический опыт и герменевтическое взаимопонимание обретут конкретные алгоритмы

разрешения конфликтов в условиях цифровой трансформации социальных взаимодействий.

Выводы по первой главе

1. Межличностный конфликт составляет базовую топологическую структуру социальных противоречий, сохраняя инвариантность треугольной конфигурации А–Х–Б при переходе от традиционных форм коммуникации к цифровым платформам.

2. Межличностные конфликтные взаимодействия структурированы тремя фундаментальными типами деформации социальной связности – ценностной дивергенцией, статусным расслоением и идентичностной фрагментацией, каждая из которых проявляет универсальную логику пространственного нарушения связей.

3. Феноменологическое переживание и герменевтическая интерпретация объекта противоречия конкретизируют абстрактные топологические формы, обеспечивая диалектическое единство универсальной структуры и субъективного опыта участников конфликта.

4. Системно-топологическая методология выступает мета-методом анализа МЛК, синтезирующим формальную инвариантность топологических сигнатур σ , интенциональность феноменологического опыта и семантическую открытость герменевтических конструкций в универсальный диагностический аппарат.

ГЛАВА II. ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМНО-ТОПОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА МЕЖЛИЧНОСТНЫХ КОНФЛИКТОВ

2.1. Цифровая трансформация межличностных конфликтов в современном обществе

Переход к цифровой эпохе радикально изменил не только формы социальной коммуникации, но и саму структуру межличностного конфликта как базового элемента общественных отношений. Если в первой главе межличностный конфликт был обоснован как системно-топологическая инвариантность социальной структуры, то в условиях цифровой среды эта инвариантность сохраняется лишь при существенном изменении модуса своего существования. Межличностный конфликт больше не разворачивается исключительно в пространстве непосредственного телесного со-присутствия; он смещается в сетевые, платформенные, алгоритмически опосредованные и иммерсивные формы взаимодействия, где сама коммуникация становится распределенной, фрагментированной и многократно интерпретируемой.

Феноменолого-герменевтическая методология, разработанная в параграфе 1.3, получает в цифровой среде особую применимость для анализа интерпретационных кризисов алгоритмических пред-пониманий. В цифровой коммуникации знак все чаще утрачивает однозначность и приобретает множественный характер интерпретации. Эмодзи, мемы и сокращения нередко функционируют как полисемичные единицы, смысл которых зависит не только от самого сообщения, но и от контекста взаимодействия, статуса собеседников и платформенной среды. При этом, сообщение может быть вырвано из исходного диалога и начать циркулировать автономно, в результате чего возникает контекстный вакуум, усиливающий риск неверного прочтения и смыслового смещения. Существенную роль здесь играет и асимметрия внимания, поскольку алгоритмы цифровых платформ

распределяют видимость сообщений неравномерно, тем самым задавая различную степень их значимости для участников коммуникации. Дополнительную сложность создает хронологическая десинхронизация, при которой асинхронный режим общения порождает недосказанность, паузы и эффекты смысловой незавершенности. Наконец, эхо-камерный эффект способствует закреплению и усилению уже существующих предубеждений, поскольку цифровая среда нередко воспроизводит не столько диалог, сколько подтверждение ранее сложившихся установок.

Эти кризисы требуют применения цифровой герменевтики – искусства интерпретации алгоритмически предзаданных смыслов, дополняющей традиционный гадамеровский круг понимания, которая анализирует МЛК как семиотические события в виртуальном пространстве, где медиация выступает интерпретацией алгоритмических дискурсов и реконfigurацией сетевых идентичностей для преодоления цифровых оппозиций. Это обеспечивает плавный переход от традиционных типологий к анализу VR-конфликтов, постфеноменологии медиации и топологии цифрового «Другого».

О. И. Елхова в своих работах¹⁰⁵ переосмысляет теорию полевого поведения Курта Левина¹⁰⁶ и переносит ее в область виртуальных сред, предлагая идеи интерференции полей реального и виртуального, а также суперпозиции элементов восприятия, которые сознание объединяет в целостную погружающуюся и интерактивную систему¹⁰⁷. Такой подход создает основу для феноменологического изучения восприятия в виртуальной реальности (VR), где формула жизненного пространства Левина ($B = f(PE)$) эволюционирует в подвижное поле контактов между пользователем,

¹⁰⁵ Елхова О.И. Онтологическое содержание виртуальной реальности : автореферат дис. ... доктора философских наук : 09.00.01 / Елхова Оксана Игоревна; [Место защиты: Башкир. гос. ун-т]. – Уфа, 2011. – 38 с.

¹⁰⁶ Левин К. Разрешение социальных конфликтов / К. Левин ; пер. с англ. И. Ю. Авидон. – Санкт-Петербург : Речь, 2000. – 407 с. – (Классики современной психологии). – ISBN 5-9268-0008-0.

¹⁰⁷ Елхова О.И. Феноменология восприятия виртуальной реальности // Вестник Северного (Арктического) федерального университета (серия «Гуманитарные и социальные науки»). – 2024. – Т. 24. – №5. – С. 97-106.

виртуальными сущностями и участниками¹⁰⁸. Елхова О. И. задействует феноменологический подход (деконструкцию интенциональных актов) для описания индекса виртуальности и полимодального пространства VR, в котором фигура и фон рекреативно трансформируют друг друга – аналогично конфликтным зонам Левина, где аватары выступают внешними валентами, модулирующими поведенческие реакции. Виртуальная среда тем самым расширяет феноменологический анализ конфликтов, проецируя интенциональные корреляции в симулированный континуум с реверсивной темпоральностью и топологической лабильностью¹⁰⁹.

Постфеноменологический подход Дона Ихде развивает идеи классической феноменологии, смещая внимание на влияние технологий на человеческое восприятие и опыт взаимодействия с миром. Ихде показывает, что VR-устройства и цифровые интерфейсы не просто передают информацию, а изменяют сам способ восприятия реальности и характер связи человека с окружающим пространством. Виртуальная среда в данном случае выступает как посредник, через который формируется новый опыт присутствия и взаимодействия^{110, 111, 112}. Подобные изменения отражаются и в сфере межличностных конфликтов. Виртуальные аватары, цифровые образы и онлайн-формы самопрезентации начинают влиять на восприятие личности и способы коммуникации между людьми. В результате конфликт всё чаще связан не только с реальными социальными ролями, но и с теми идентичностями, которые человек конструирует в цифровом пространстве¹¹³.

В рамках постфеноменологии конфликт в виртуальной среде рассматривается через особенности цифрового опыта, возникающего на

¹⁰⁸ Там же. С. 97.

¹⁰⁹ Там же. С. 97.

¹¹⁰ Андрюхина Л.М. Постфеноменология виртуальности // Дискурс-Пи. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2010, Вып. 9-10. – С. 17-20.

¹¹¹ Ihde D. A Phenomenology of Technics // *Philosophy of technology: the technological condition: an anthology*. Ed. by Robert C. Scharff, Val Dusek. Wiley-Blackwell, 2003. – P. 507-529.

¹¹² Ihde D. *Technology and the Lifeworld: From Garden to Earth* – 2-е изд. – Indiana University Press, 1990. – 225 с.

¹¹³ Елхова О. И. Метрики феноменологического виртуального опыта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2024. – Т. 28. – № 4. – С. 997–1013.

пересечении реального и виртуального взаимодействия. Такое смешение восприятия влияет на эмоциональные реакции, способы самоидентификации и характер общения, формируя новые модели субъективности в условиях цифровой культуры¹¹⁴.

Схожие идеи прослеживаются и в работах О. И. Елховой, где внимание уделяется различию между аутентичным и неаутентичным существованием в виртуальной среде. Межличностный конфликт рассматривается как «особое пространство, где становится возможным формирование новых смыслов».

Такой подход акцентирует внимание на текучести и множественности субъектности. В условиях постмодернистской чувствительности представление о субъекте претерпевает радикальные изменения, поскольку он больше не воспринимается как устойчивая, замкнутая в себе автономная сущность. Напротив, субъект понимается как нечто подвижное и сформированное в результате взаимодействий, интерпретаций и включённости в разнообразные дискурсивные практики. В этом контексте медиация приобретает функцию не столько урегулирования, сколько трансформации: через диалог, совместное осмысление и признание инаковости возможно не просто сглаживание противоречий, но и их продуктивное преодоление на основе нового понимания.

Специфика социальной философии в постмодернистской феноменологии медиации состоит в синтезе: диалогизма и полифонии как методологической базы; культурно-исторического контекста (переходного постсоветского общества с его вызовами); этического акцента на совместное творчество идентичностей и смыслов; идеи субъективного удвоения и трансформации личности через конфликт и медиацию. Это позволяет рассматривать медиацию не просто как технику разрешения споров, а как глубинный философский процесс самоосмысления и взаимодействия в многообразии современного социума. Более того, виртуальная среда как постфеноменологический медиатор модулирует темпоральную лабильность,

¹¹⁴ Там же. С. 997.

превращая конфликт в деконструкцию Другого и минимизацию отчуждения в стимулированных жизненных мирах посредством топологической пластичности и феноменологического опыта присутствия.

Экстраполяция левиновских полей на VR открывает методологию для топологического анализа МЛК в цифровую эпоху: конфликт медируется виртуальными пространствами, виртуализация вводит динамику расщепления идентичностей в цифровом хронотопе. В контексте цифровизации межличностных отношений цифровая герменевтика расширяет типологию МЛК и медиации, интерпретируя виртуальные конфликты как семиотические процессы в цифровом пространстве, где алгоритмы, платформы и сетевые дискурсы формируют новые топологические деформации идентичности («свой-чужой» в мессенджерах) и требуют герменевтического посредничества для восстановления смысла и реляционной целостности.

В перспективе социальной философии цифровая среда, по мнению В. А. Кутырева¹¹⁵, предстает не просто как совокупность полезных средств коммуникации, а как особая форма исторического саморазвертывания техносферы, в которой техническое начинает претендовать на статус самостоятельного способа бытия. В этой логике цифровой мир не только облегчает обмен сообщениями, но и постепенно перестраивает антропологические основания взаимодействия, смещая центр тяжести от живого присутствия к техномедиальной опосредованности, от непосредственного переживания к процедурной обработке опыта, от человеческой меры к логике функциональной эффективности. Для анализа межличностного конфликта это имеет принципиальное значение, поскольку сам конфликт в цифровой среде оказывается включенным в режим, где отношения между субъектами задаются не только их намерениями, но и

¹¹⁵ Кутырев В.А. Человечество и Технос: философия коэволюции : монография / В. А. Кутырев, В. В. Слюсарев, Т. М. Хусяинов. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2020. – 260 с. – (Тела мысли). – ISBN 978-5-00165-139-0.

архитектурой платформы, алгоритмами видимости, режимами доступа и логикой технической репрезентации. Тем самым, конфликт перестает быть исключительно межсубъектным событием и приобретает черты техноопосредованного процесса, в котором человеческое взаимодействие все чаще разворачивается в поле, организованном не жизненным миром как таковым, а его цифровой симуляцией.

Постфеноменологическая перспектива Д. Ихде позволяет дополнить эту критику более точным анализом того, как именно технологический артефакт участвует в конституировании опыта. Если у В. А. Кутырева подчеркивается опасность техносистемной экспансии и размывания человеческой самости, то у Д. Ихде раскрывается конкретный механизм этой экспансии в повседневном опыте. Цифровой интерфейс, платформа, эмодзи, алгоритм ленты, кнопка реакции или форма уведомления не являются нейтральными носителями информации; они выступают медиаторами, через которых субъект видит другого, интерпретирует ситуацию и соотносит собственное действие с возможным ответом. В результате сообщение получает не только смысловое содержание, но и технически заданный режим циркуляции, а конфликт – новую форму существования, в которой его динамика определяется не только содержанием несогласия, но и самой медиальной средой его актуализации. Именно поэтому цифровая трансформация МЛК должна быть понята не как простое перенесение старых моделей общения в онлайн-пространство, а как более глубокое преобразование условий переживания, интерпретации и воспроизводства конфликта.

Синтез техноидей В. А. Кутырева и Дона Ихде позволяет, тем самым, увидеть в цифровом МЛК двойственную природу. С одной стороны, он остается человеческим по своей смысловой основе, поскольку выражает противоречие интересов, ценностей, идентичностей и ожиданий. С другой стороны, он становится техномедиальным по форме своего осуществления, поскольку сам процесс конфликта организуется логикой цифровой среды, где усиливаются фрагментарность, асинхронность, публичность,

алгоритмическая селекция внимания и символическая избыточность знаков. В этом смысле, цифровая трансформация МЛК есть не только изменение канала коммуникации, но и смена онтологического режима взаимодействия, при котором конфликт существует уже не в чисто межличностном, а в человеко-техническом контуре. Именно это и делает необходимым дальнейший анализ его системно-топологических, постфеноменологических и цифровых герменевтических характеристик. Важно отметить, что экономико-политический фон топологических деформаций в цифровой среде в своих трудах раскрывает Шошанна Зубофф, фактически, дополняя перспективы, сформулированные В. А. Кутыревым и Доном Ихде.

В цифровой коммуникационной среде реальность предстает как множественная, изменчивая и фрагментарная совокупность сетевых взаимодействий, в которой содержание формируется не в результате прямого референта, а на основе цифровых знаков и алгоритмически заданных связей. Например, пользователь может столкнуться с «реальностью» конфликта в социальной сети, где он не имеет физического воплощения, но представлен в виде мемов, комментариев, реакций и других цифровых артефактов, которые создают определённое восприятие происходящего.

Такое восприятие требует переосмысления традиционных герменевтических практик интерпретации. Возникает новая область философского анализа – цифровая герменевтика, которая представляет собой концептуальное продолжение и переосмысление классической герменевтической традиции в контексте радикальных изменений, вызванных развитием цифровых технологий. Если классическая герменевтика сосредоточивалась на интерпретации текстов, смыслов и культурных символов в рамках историко-контекстуального понимания, то цифровая герменевтика переносит акцент на процессы порождения, трансформации и

интерпретации значений в условиях цифровой коммуникации и сетевой культуры¹¹⁶.

Современная философия цифровой герменевтики оперирует рядом концептов, раскрывающих специфику цифрового мышления и интерпретации: в центре внимания данной философской парадигмы находятся трансформированные формы онтологии, интерпретации и самоосмысления, обусловленные цифровой средой. Одним из центральных понятий является цифровая онтология, согласно которой существование объектов, отношений и событий в цифровом пространстве определяется степенью их медиатизированной представленности. Реальность в таком контексте осмысляется через цифровые проявления, которые обладают самостоятельным онтологическим статусом. Например, межличностный конфликт между коллегами в онлайн-среде может не иметь открытого проявления в офлайн-формате, но быть зафиксирован в виде публикаций, комментариев, реакций и других цифровых следов, которые образуют событие в рамках цифровой онтологии. Другим важным концептом выступает герменевтическая сеть, приходящая на смену классическому герменевтическому кругу, ориентированному на линейное понимание через слияние смысловых горизонтов. В цифровом пространстве интерпретация строится не по замкнутой траектории, а в виде множества узлов и точек пересечения: гиперссылки, теги, репосты, контекстуальные ссылки и визуальные элементы создают многослойную, динамичную структуру смысла. Такой сетевой характер понимания требует от исследователя способности учитывать множественные контексты, в которых формируется сообщение.

Важным элементом цифровой герменевтики становится понятие алгоритмического предпонимания, указывающее на то, что цифровое восприятие предваряется не только индивидуальным опытом, но и машинной фильтрацией информации. Алгоритмы социальных платформ, определяющие

¹¹⁶ Шульга Е.Н. Цифровая онтология и цифровая герменевтика // Вопросы философии. –2024. – № 4. – С. 116-125.

ленты новостей, контент-рекомендации и рекламные сообщения, задают структуру «видимого» и «доступного», тем самым влияют на когнитивную рамку интерпретации и ограничивают горизонты смыслов, с которыми сталкивается пользователь.

Не менее значимым является и концепт цифровой самоинтерпретации, в рамках которого субъекты формируют представление о себе и своей идентичности преимущественно через цифровую активность: публикации, визуальные образы, участие в сетевых дискуссиях и выбор цифровых символов. В условиях конфликта такая форма самопредставления становится особенно важной, поскольку восприятие «другого» также опосредовано цифровыми репрезентациями, которые могут как исказить реальность, так и усиливать конфликтные нарративы, связанные с вопросами статуса, признания или социальной роли.

Цифровое пространство образует не просто коммуникационную среду, а особую семиотическую ткань современности, где каждый знак существует в постоянном движении между контекстами, режимами видимости и алгоритмическими фильтрами. В цифровой среде привычные формы передачи смысла постепенно меняются.

Выбор ракурса, монтаж, способ подачи материала и расстановка акцентов неизбежно влияют на восприятие информации и формируют определённое понимание происходящего. Поэтому понимание цифрового взаимодействия требует не доверия, а критической внимательности: важно не только видеть изображение, но и понимать, кто, зачем и при каких условиях его создаёт.

Одной из ключевых особенностей цифровой герменевтики является её способность учитывать особенности цифровой среды как особого онтологического пространства, в котором информация циркулирует через коды, платформы, интерфейсы и алгоритмы. Оно формирует новые каналы коммуникации и новые формы смыслопроизводства, отличающиеся от аналоговых форм линейной передачи и восприятия текста. Например, в

социальных сетях сообщения приобретают смысл не только благодаря их содержанию, но и в результате алгоритмической фильтрации, визуального оформления, контекста взаимодействий (комментариев, репостов, реакций), а также репутационных практик (лайков, подписок, рейтингов и т.д.).

Как подчеркивают А. Ромеле, М. Северо, П. Фурия, цифровая герменевтика – это интерпретация и понимание текстов или корпусов текстов с помощью компьютера¹¹⁷. Виртуальная социальная деятельность, поиск информации, межличностное общение – все они наполнены смыслом и представляют собой социальные аспекты интерпретации¹¹⁸.

Цифровое пространство создаёт полифоническую среду, в которой тексты, изображения, видео и мемы не только пересекаются, но и взаимно интерпретируют друг друга. Виртуальная коммуникация сегодня представляет собой не просто передачу информации от одного пользователя к другому, а сложную систему взаимосвязанных смыслов. Одни и те же слова, изображения или символы могут восприниматься по-разному в зависимости от платформы, особенностей аудитории и конкретной ситуации общения. Значение сообщения во многом определяется социальным контекстом, культурными установками и тем опытом, с которым человек воспринимает информацию.

Из-за этого цифровое взаимодействие особенно подвержено конфликтам интерпретации. Один и тот же текст может вызывать совершенно разные реакции у разных пользователей, поскольку каждый человек по-своему понимает смысл сообщения и вкладывает в него собственные ассоциации. В подобных условиях важную роль играет процесс интерпретации информации, так как сообщение не всегда воспринимается адресатом именно в том значении, которое предполагал отправитель. Если коммуникация оказывается недостаточно точной или понятной, возрастает риск искажённого восприятия

¹¹⁷ Frabetti F. Have the humanities always been digital? / In Understanding Digital Humanities, ed. D. Berry. – London: Palgrave Macmillan, 2012. – P. 161-71.

¹¹⁸ Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. B.I. Suhrkamp. Fr.; M., 1987.

информации. Это, в свою очередь, может приводить к недопониманию, эмоциональному напряжению и усилению конфликтов, что особенно важно учитывать в практике медиации и цифрового взаимодействия¹¹⁹. Общение в социальных сетях давно перестало быть простым обменом мнениями. Любой комментарий, репост или мем способен изменить первоначальный смысл сообщения и повлиять на то, как его воспримут другие пользователи. В результате виртуальная коммуникация становится особенно чувствительной к различиям в интерпретации. Один и тот же текст может вызывать совершенно противоположные реакции в зависимости от социального окружения человека, его культурного опыта и особенностей восприятия информации.

В данном контексте особое значение приобретает понятие «хоры», предложенное Ю. Кристевой. Под ним понимается подвижное пространство смыслов, в котором различные интерпретации постоянно пересекаются, взаимодействуют и изменяются. В цифровой среде такую «хору» можно рассматривать как сетевое пространство, где тексты, изображения и сообщения непрерывно распространяются, получают новые трактовки и меняют своё значение под влиянием общественных, культурных и политических процессов. Особенность подобной среды заключается в том, что смысл здесь не остаётся фиксированным: он зависит от контекста, аудитории и способов восприятия информации.

Продолжая идеи М. Бахтина, Ю. Кристева отмечала, что любой текст формируется через связь с другими текстами и культурными кодами. Иными словами, сообщение никогда не существует изолированно, а всегда включено в более широкий культурный и социальный контекст.

Однако если Бахтин сосредотачивал внимание прежде всего на диалогическом взаимодействии субъектов, то Кристева переносит данный принцип на уровень самих текстов, рассматривая их как структуры, постоянно

¹¹⁹ Чубукова Е.И. Коммуникативно-прагматическая концепция истины в философии языка Ю. Хабермаса // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. Вып. 12. СПб., 2001. – С. 255-258.

вступающие во взаимодействие друг с другом и производящие новые смысловые связи. В таком понимании интертекст – это не просто совокупность отдельных цитат, а сложная сеть пересекающихся дискурсов, в рамках которой смыслы не просто передаются, но трансформируются, видоизменяясь под влиянием новых контекстов.

В этой связи возникает необходимость рассмотреть, как подобная многослойность интерпретаций влияет на восприятие субъекта в цифровой среде, и каким образом алгоритмически структурированные платформы модифицируют сами условия понимания и взаимодействия. Цифровые технологии и медиа не придают значения действиям как таковым – они фиксируют их лишь постольку, поскольку эти действия могут быть включены в статистические модели, используемые для предсказания будущего поведения пользователя или групп, обладающих схожими характеристиками. В результате, индивид всё чаще оценивается не как уникальный субъект, а как носитель прогнозируемых паттернов. Это существенно влияет на характер межличностных взаимодействий и на восприятие субъектов друг другом в цифровом пространстве, особенно в условиях конфликтных ситуаций. Такая логика алгоритмической репрезентации изменяет не только формы социальных взаимодействий, но и философские основания их интерпретации.

Цифровая герменевтика как сравнительно новое направление исследований требует переосмысления традиционных подходов к интерпретации текста и коммуникации. Если классическая герменевтика основывалась на идее герменевтического круга, предполагающего постоянное движение от понимания отдельных частей к осмыслению целого, то в цифровой среде подобная модель становится более сложной. В условиях сетевой коммуникации интерпретация всё чаще развивается не по линейному принципу, а в форме взаимосвязанной системы, где множество текстов, ссылок, изображений и комментариев одновременно влияют друг на друга и формируют общий смысл.

В цифровом пространстве процесс интерпретации информации всё реже развивается по последовательной и линейной схеме. Значение сообщения формируется через множество пересекающихся смысловых связей, на которые влияет не только сам текст, но и особенности цифровой среды. Существенную роль здесь играют алгоритмы платформ, интерфейс, способы отображения контента и организация коммуникации между пользователями. Особенно отчётливо это проявляется в онлайн-конфликтах. Восприятие сообщения зависит не только от его содержания, но и от визуального оформления, формата публикации, скорости обмена сообщениями и специфики конкретной платформы. Кроме того, цифровое общение в мессенджерах и социальных сетях часто лишено невербальных элементов – интонации, мимики, жестов и других контекстуальных сигналов, которые обычно помогают точнее понимать эмоциональное состояние собеседника в офлайн-коммуникации.

В подобных условиях медиатору приходится не просто анализировать отдельные реплики участников, а фактически восстанавливать целостный контекст взаимодействия из фрагментированной информации. Это требует учёта тех цифровых фильтров, алгоритмических механизмов и индивидуальных предпосылок восприятия, через которые каждая сторона интерпретирует происходящее. Поэтому в рамках цифровой герменевтики проблема понимания «целого» – то есть общей структуры и смысла конфликта – становится принципиально открытой и не может считаться окончательно заданной. Интерпретация одного и того же события, сообщения или действия может радикально различаться в зависимости от сетевых структур, в которых эти элементы были восприняты. Более того, пред-понимание, ранее базировавшееся на культурном и биографическом опыте субъекта, в цифровом пространстве всё чаще формируется под воздействием алгоритмов персонализированной выдачи контента. Это усложняет достижение взаимопонимания, так как каждая из сторон конфликта может находиться в собственной информационной среде.

Цифровая герменевтика представляет собой не просто продолжение классической герменевтической традиции, но и её качественную трансформацию, обусловленную радикальными изменениями в способах коммуникации и формах социального взаимодействия в цифровую эпоху. Речь идёт не о линейной эволюции интерпретационных практик, а о фундаментальном сдвиге в самой структуре смыслопорождения, где интерпретация всё более оказывается встроенной в алгоритмически организованное и визуально кодированное пространство цифровых платформ.

В цифровом пространстве общение происходит уже не просто между людьми, поскольку в него активно вовлечены технические интерфейсы, алгоритмы фильтрации и логика самих платформ, которые оказывают влияние на то, как мы интерпретируем сообщения. Все важно учитывать при анализе межличностных конфликтов. В подобных ситуациях участники нередко опираются на собственные, субъективные представления, которые, в свою очередь, дополнительно искажаются особенностями цифровой среды – будь то архитектура самой платформы или визуальный способ подачи информации.

В связи с этим всё большее внимание привлекает возможность использования ИИ-систем в качестве посредников при переосмыслении межличностных конфликтов в виртуальной среде. Современные языковые модели и чат-боты уже способны частично выполнять медиативные функции: помогать снижать эмоциональную напряжённость общения, поддерживать более упорядоченный диалог и направлять коммуникацию в конструктивное русло.

Именно поэтому в современной постфеноменологии, в том числе в работах Дона Ихде, всё чаще рассматривается идея гибридного медиаторства. В рамках такого подхода искусственный интеллект используется для анализа структуры конфликта и организации коммуникации, тогда как человек сохраняет основную роль в поддержании этической стороны взаимодействия и способности воспринимать другого участника не как элемент системы, а как живого собеседника. Особенно заметны подобные изменения в виртуальных

пространствах – VR- и AR-средах, а также метавселенных. Такие технологии меняют само восприятие присутствия и общения, создавая более глубокие и иммерсивные формы взаимодействия между участниками коммуникации.

Аватары позволяют человеку представлять себя в цифровом пространстве без физического контакта, системы пространственного звука создают эффект направленного общения, а тактильные технологии частично воспроизводят ощущение прикосновения и телесного взаимодействия. Благодаря этому виртуальная коммуникация становится более иммерсивной и эмоционально насыщенной. Одновременно цифровая среда создаёт и новые формы неопределённости. Пользователь может существовать сразу в нескольких цифровых ролях и пространствах, совмещая различные модели поведения и идентичности. Виртуальное присутствие всё чаще оказывается отделено от физического тела, из-за чего меняется само восприятие границ между человеком, его цифровым образом и окружающей средой. Подобные процессы особенно заметны в метавселенных и VR-пространствах, где взаимодействие строится уже не только на реальном контакте, но и на цифровых формах самопрезентации.

В этих условиях медиация конфликтов требует новых подходов к анализу коммуникации и интерпретации поведения участников. Современные исследования всё чаще объединяют постфеноменологию и цифровую герменевтику, рассматривая конфликт не только как структуру взаимодействия, но и как субъективный опыт, связанный с восприятием виртуальной среды, интерпретацией цифровых образов и особенностями технологически опосредованного общения. Такой подход позволяет анализировать не только сам тип конфликтной деформации, но и то, каким образом она переживается участниками коммуникации в условиях цифрового со-присутствия и фрагментированного онлайн-взаимодействия.

Цифровая герменевтика, развивающая идеи Ханса-Георга Гадамера применительно к виртуальной среде, рассматривает межличностные конфликты как кризис взаимного понимания и интерпретации. В цифровом

пространстве восприятие информации всё чаще формируется алгоритмами платформ, которые подбирают контент в соответствии с интересами и предпочтениями пользователя.

Особый интерес для понимания цифровой трансформации МЛК представляет постфеноменологический анализ. Если традиционная феноменология Мерло-Понти фокусировалась на телесном со-присутствии в физическом пространстве, то постфеноменология расширяет эту перспективу на техно-интермедиарные отношения, где МЛК протекает не напрямую между субъектами, а через посреднические системы – видеоконференции, социальные сети, чат-боты. Встреча с Другим трансформируется из «лицевого» обращения Левинаса в экранно-опосредованное восприятие, где алгоритмы платформ предопределяют внимание, а задержки связи создают новые модусы напряжения.

В своей книге «Технология и жизненный мир: От Сада к Земле»¹²⁰ Дон Ихеде рассматривает отношения человека, техники и мира не на уровне абстрактных рассуждений о технологиях вообще, а через анализ конкретных технических артефактов и их влияния на человеческий опыт. По его мнению, технологии нельзя понимать лишь как нейтральные инструменты. Они активно участвуют в формировании восприятия и изменяют способы, с помощью которых человек воспринимает и интерпретирует окружающую реальность.

Технологические посредники, таким образом, влияют не только на коммуникацию, но и на сам герменевтический горизонт субъекта – то есть на способы понимания мира и происходящих в нём событий. В рамках системно-топологической модели это означает, что объект противоречия X – например, дедлайн в Zoom-коммуникации или «лайки» в цифровой среде – перестаёт быть нейтральным элементом взаимодействия. Он превращается в особый

¹²⁰ Ihde D. Technology and the Lifeworld: From Garden to Earth – 2-е изд. – Indiana University Press, 1990. – 225 с.

медиатический артефакт, который одновременно влияет сразу на несколько уровней конфликтного процесса:

- изменяет структуру связей между субъектами в системе А–Х–Б (σ_i);
- воздействует на эмоциональное и феноменологическое переживание конфликта;
- задаёт способы интерпретации и осмысления конфликтной ситуации.

Так, в цифровом конфликте типа σ_i дедлайн воспринимается уже не просто как срок выполнения задачи. Он буквально присутствует в интерфейсе: всплывает в уведомлениях, подсвечивается в календаре, напоминает о себе в рабочих чатах. Из-за этого человек переживает его не только как организационное требование, но и как показатель собственной эффективности и профессиональной состоятельности. Технологическая среда здесь становится не фоном конфликта, а его активным участником, влияющим на напряжение между людьми и на то, как они воспринимают друг друга. Именно поэтому идеи Дона Ихеде помогают по-новому посмотреть на межличностные конфликты в цифровой среде. Технологические объекты – интерфейсы, уведомления, алгоритмы, реакции в соцсетях – начинают участвовать в формировании самой структуры конфликта. Они влияют не только на способ общения, но и на эмоциональное состояние участников, а также на то, как интерпретируется происходящее.

Включение постфеноменологического подхода делает топологическую модель более чувствительной к реальным условиям цифровой коммуникации. Базовая схема взаимодействия между субъектами сохраняется, однако меняется сама среда со-присутствия. Именно это порождает новые формы конфликтных деформаций: от напряжения, возникающего из-за задержек связи в Zoom, до ощущения исключения или давления, связанного с алгоритмами социальных сетей. Особенно важно, что в цифровой среде интерпретация конфликта всё чаще зависит не только от самих участников общения, но и от устройства платформы. Персонализированные ленты, алгоритмы рекомендаций и механизмы ранжирования контента незаметно

формируют пред-понимание ситуации ещё до того, как человек начинает её осмыслять самостоятельно. В этом контексте троллинг можно понимать как сознательную попытку подорвать доверие к словам и позиции другого человека. Кэнселинг, в свою очередь, связан с публичным исключением человека из коммуникационного пространства и символическим лишением его права на участие в обсуждении. Распространение фейковых новостей также влияет на восприятие происходящего, формируя искажённые представления о событиях и людях.

Поэтому анализ конфликтов в цифровой среде требует не только технического контроля за коммуникацией, но и более глубокого понимания того, каким образом цифровые платформы воздействуют на эмоции, интерпретацию информации и характер взаимодействия между пользователями.

Таким образом, постфеноменологический и цифровой герменевтический подходы показывают, что современные технологии уже нельзя рассматривать только как нейтральные средства передачи информации. Цифровые платформы, алгоритмы и медиатехнологии становятся активными участниками формирования человеческого опыта, восприятия и интерпретации смыслов. Если раньше объект противоречия воспринимался главным образом как материальный предмет спора или элемент дискурсивного взаимодействия, то в условиях цифровой среды его роль существенно меняется. Теперь цифровые медиа не просто передают конфликт, а во многом определяют способы его развития, восприятия и интерпретации участниками коммуникации. Именно через технологические механизмы формируются особенности переживания конфликта, характер взаимодействия между сторонами и значение, которое люди придают происходящему.

Такое качественное изменение природы X требует специального рассмотрения цифровой трансформации межличностных конфликтов, переводящей МЛК в режим техно-интермедиарного поля, анализ особенностей сохранения топологических инвариантов σ_i в условиях смены

медиума взаимодействия, а также мутации феноменологического и герменевтического измерений МЛК под воздействием алгоритмических платформ и интерфейсов цифровой среды.

Цифровая трансформация не устраняет МЛК, а делает его особенно наглядным, поскольку обнажает скрытые механизмы деформации связей между субъектами и переводит их в режим ускоренной, почти лабораторной видимости. Поэтому цифровую среду можно рассматривать как своеобразную лабораторию топологических трансформаций МЛК. В ней отчетливо проявляются те деформации, которые в офлайн-коммуникации нередко скрыты за привычными ритуалами вежливости, телесной синхронизации, невербального сглаживания и ситуативной аффективной регуляции. Цифровая коммуникация, напротив, делает связь между субъектами более зависимой от знака, интерфейса, темпа ответа, визуального формата, алгоритмической сортировки сообщений, а также от самой архитектуры платформы. В результате конфликт приобретает новые параметры: замедление или ускорение отклика, асимметрию доступа к информации, разрыв контекста, эффект анонимности, множественность идентичностных масок, а также возможность постоянного архивирования и репликации конфликтного акта.

В логике системно-топологического подхода это означает, что деформация связности между субъектами перестает быть только ситуационной и становится медиатизированной. Субъект теперь включен не просто в горизонтальное отношение с Другим, но и в вертикальное отношение с цифровой инфраструктурой, которая задает режимы видимости, слышимости, реакции и памяти. Таким образом, межличностный конфликт в цифровой среде следует понимать, как трехуровневую конфигурацию: на первом уровне находятся сами субъекты и их ценностные, статусные или идентичностные противоречия; на втором – интерфейсные и коммуникативные формы их выражения; на третьем – платформенные и алгоритмические условия, которые структурируют саму возможность конфликта. Такая многоуровневая организация подтверждает положение

первой главы о том, что МЛК является не случайным эпизодом, а устойчивой топологической деформацией связей.

Процессы телесных взаимодействий людей порождают различные конфигурации социального бытия. Процессы совмещения и размещения тел в различных местах социальности предстают в виде размеченной знаками пространственности, составляя существо символически устроенного социального мира. Телесность формируется в определенном месте, а место определяется в некоторой совокупности мест. Топология С. А. Азаренко¹²¹ расширяет системно-топологический анализ через ключевые понятия «узловое пространство связей», «топологические инварианты сообщества», «топологемы» и «деформации социальной ткани». Цифровая среда трансформирует прежде всего телесный режим межличностного конфликта. В традиционной офлайн-ситуации конфликт укоренен в непосредственном телесном присутствии: в дистанции между собеседниками, в ритме голоса, в микродвижениях лица, в жестах, паузах, позах, направлении взгляда. В онлайн-коммуникации эти параметры не исчезают, но радикально меняют форму. Телесность здесь редуцируется до экрана, камеры, аватара, текстового сообщения, аудиосигнала или реакции-эмоджи. Однако эта редукция не означает обеднение опыта; напротив, она создает новые формы аффективной интенсивности. Отсутствие полного телесного присутствия усиливает чувствительность к каждому знаку. Подобные изменения в восприятии взаимодействия подробно рассматривал Дон Ихеде, анализируя взаимосвязь человека, технологий и окружающего мира.

Технология в таком случае выступает не просто инструментом связи, а средой, через которую человек воспринимает другого и переживает собственные эмоции. Интерфейс становится частью самого опыта общения – а вместе с этим и частью конфликта. Поэтому цифровая трансформация

¹²¹ Азаренко С.А. Топология души и мира. Мудрость в миниатюрах. Изд-во: Алетей, – 2025. – 196 с.

межличностных конфликтов не означает исчезновения эмоциональной и телесной составляющей. Скорее, она меняет форму её проявления. Человек по-прежнему переживает напряжение телесно и эмоционально, но теперь эти реакции возникают через экран, текст, визуальные сигналы платформы и логику цифровой среды.

Для системно-топологической модели это принципиально важно, потому что конфликтная деформация между субъектами в онлайн-коммуникации не устраняет телесность, а как будто распределяет её между человеком и технической инфраструктурой. В результате переживание конфликта оказывается связано не только с другим человеком, но и с самой архитектурой цифрового взаимодействия.

В этом отношении цифровая трансформация межличностного конфликта может быть описана как переход от непосредственной конфликтной сцены к распределенному конфликтному полю. Если в офлайне конфликт имеет относительно четкие границы – место, время, участников, контекст, – то в цифровой среде он легко выходит за пределы начальной ситуации. Именно поэтому эмоциональное напряжение может сохраняться даже после прекращения активного взаимодействия между сторонами конфликта.

В цифровой коммуникации переживание конфликта приобретает иные временные особенности. Асинхронный формат общения нарушает привычное течение эмоционального взаимодействия: человек может отправить сообщение в состоянии раздражения или напряжения, но ответ получить только спустя долгое время. Всё это время ситуация продолжает внутренне переживаться, создавая ощущение неопределённости и незавершённости конфликта. Одновременно онлайн-коммуникация нередко делает эмоциональные реакции предельно краткими и фрагментарными. Эмодзи, короткие сообщения, реакции и мемы позволяют быстро выразить эмоцию, однако не всегда передают её глубину и оттенки. В результате часть смысла

переносится в символы, часть – в паузы между сообщениями, а часть – в само ожидание ответа собеседника.

Дополнительную сложность создают и алгоритмы цифровых платформ. Пользователь далеко не всегда понимает, когда именно его сообщение будет увидено, кому оно окажется показано и какую реакцию вызовет в дальнейшем. Из-за этого коммуникация становится менее предсказуемой, а эмоциональное восприятие конфликта – более напряжённым и нестабильным. В результате переживание конфликта теряет привычную «Я-центрированность»: субъект уже не полностью контролирует пространство собственного высказывания и его дальнейшее существование в цифровой среде. Это означает, что идентичность становится не только внутренней, но и интерфейсной категорией. Конфликт в таком пространстве затрагивает не только отношение к конкретному собеседнику, но и борьбу за контроль над собственной видимостью. Отсюда возникает специфическая форма идентичностного напряжения: субъект конфликтует не только с Другим, но и с тем образом себя, который уже опосредован цифровой платформой. Именно поэтому цифровая трансформация межличностного конфликта должна рассматриваться как изменение самой логики идентификации.

Важнейшей особенностью цифрового конфликта является также его связь с алгоритмической средой. Платформа не является нейтральным каналом передачи сообщения; она сама участвует в структурировании конфликта. Алгоритмы рекомендаций, сортировки, фильтрации, модерации и персонализации задают, какие сообщения будут замечены, какие – скрыты, какие – усилены, а какие – утрачены в информационном потоке. Тем самым, цифровая среда способна не только отражать конфликт, но и усиливать его, формировать вокруг него информационные кластеры, порождать эффект эхо-камеры и усиливать поляризацию. В конфликтах это особенно заметно: пользователь получает подтверждение своей позиции не столько через диалог с Другим, сколько через ленту, в которой его собственные установки повторяются и нормализуются. В результате конфликт утрачивает горизонт

взаимного понимания и становится полем самоусиления заранее заданных смыслов.

С точки зрения первой главы это означает, что цифровая трансформация МЛК актуализирует сразу несколько измерений его топологической деформации. Во-первых, деформируется связность субъектов, поскольку их коммуникация опосредуется интерфейсами и платформами. Во-вторых, деформируется контекст, так как сообщение вырывается из локальной ситуации и начинает циркулировать в сетевом пространстве. В-третьих, деформируется идентичность, поскольку субъект должен конструировать себя для цифрового взгляда Другого. В-четвертых, деформируется время конфликта, так как синхронность замещается асинхронностью, а завершенность – повторяемостью. В-пятых, деформируется интерпретация, так как текст и изображение в цифровой среде становятся более многозначными и уязвимыми к ошибке понимания.

Именно в этом контексте *цифровую трансформацию межличностного конфликта можно назвать лабораторией топологических трансформаций*. Лабораторный характер цифровой среды заключается в том, что она позволяет наблюдать конфликт в его чистых структурных проявлениях, освобожденных от ряда смягчающих факторов офлайн-взаимодействия. В сети быстрее обнаруживаются механизмы исключения, демонстративного игнорирования, символического доминирования, стигматизации и анонимной агрессии. При этом цифровая среда не просто фиксирует конфликт, а производит новые его формы. Например, конфликт может осуществляться через пассивное исключение из чата, через отказ от просмотра сообщения, через публичную реакцию вместо приватного ответа, через мем, сарказм или визуальную инсценировку. Эти формы демонстрируют, что конфликт становится более знаковым, более фрагментированным и более опосредованным.

Лабораторный характер цифровой среды проявляется в следующих возможностях: наблюдаемость: платформы фиксируют каждый этап конфликта – от первого сообщения до цепочки репостов; повторяемость:

цифровой след позволяет реконструировать динамику деформации σ ; масштабируемость: микроконфликт переписки может эскалировать до общественной повестки; измеримость: алгоритмы предоставляют метрики вовлеченности, времени реакции, эмоционального тона.

Сегодня цифровая среда всё сильнее влияет на то, как возникают и развиваются межличностные конфликты. Алгоритмы социальных сетей, рекомендации и системы ранжирования воздействуют уже не только на распространение информации, но и на сами отношения между пользователями. Из-за этого коммуникация всё реже происходит напрямую. Между людьми появляется дополнительный посредник – сама платформа со своими алгоритмами, интерфейсом и логикой работы. Получается, что характер взаимодействия зависит уже не только от участников общения. Большую роль начинает играть и техническая среда: что именно алгоритм показывает пользователю, какие сообщения становятся заметными, а какие быстро исчезают в общем информационном потоке. По сути, цифровое пространство постепенно превращается в особое поле коммуникации, где напряжение между людьми формируется не только личными причинами, но и устройством самой платформы.

Исследователи цифровых конфликтов обращают внимание и на другую особенность. Онлайн-среда позволяет намного подробнее отслеживать распространение эмоций, реакций и смыслов внутри медиaprостранства. Благодаря этому конфликт можно анализировать не только теоретически, но и практически – наблюдая, как именно меняется коммуникация, как распространяется напряжение и каким образом пользователи реагируют друг на друга в цифровой среде. Именно поэтому системно-топологический подход оказывается здесь особенно полезным.

Особый интерес в цифровом общении представляет феномен онлайн-неприсутствия. В обычной офлайн-коммуникации отсутствие человека чаще всего воспринимается достаточно понятно – как физическая дистанция или невозможность в данный момент выйти на связь. В цифровой среде всё

устроено сложнее. Человек может находиться онлайн, видеть сообщение, оставаться активным в сети, но при этом никак не реагировать на коммуникацию.

Именно такая неопределённость нередко становится источником напряжения. С одной стороны, возможность контакта вроде бы сохраняется, с другой – взаимодействия фактически не происходит. Из-за этого даже молчание начинает восприниматься не как нейтральное отсутствие ответа, а как определённый сигнал. Долгая пауза, непрочитанное сообщение или отсутствие реакции могут интерпретироваться как игнорирование, эмоциональная дистанция или скрытое недовольство. В результате в цифровом общении молчание всё чаще становится частью самого конфликтного взаимодействия, влияя на восприятие отношений между участниками коммуникации.

Из этого можно сделать вывод, что в цифровой коммуникации особое значение начинают приобретать детали, которые в обычном общении часто остаются почти незаметными. Если в традиционном конфликте внимание в первую очередь сосредоточено на самом предмете спора, то в онлайн-взаимодействии важными становятся уже форма сообщения, скорость ответа, паузы между репликами, эмодзи, реакции, удаление переписки или ограничение доступа к информации.

В главе I МЛК рассматривался как деформация связей между субъектами конфликта. В цифровом пространстве такая деформация проявляется достаточно наглядно. Она выражается не только в эмоциональных переживаниях участников, но и в изменениях самой коммуникации: характере сообщений, частоте контактов, способах реагирования друг на друга и общей динамике взаимодействия.

В цифровой среде социомедиация всё чаще строится по гибридной модели, где часть задач выполняют алгоритмические системы, а часть по-прежнему остаётся за человеком. ИИ способен быстро анализировать ход коммуникации, замечать повторяющиеся конфликтные модели, фиксировать

напряжённые моменты в диалоге и предлагать более нейтральные варианты формулировок или интерпретации предмета спора.

Однако полностью заменить участие человека подобные технологии не могут. Основная роль медиатора по-прежнему связана с восстановлением взаимопонимания между участниками конфликта и созданием общего пространства диалога. Именно эта сторона коммуникации – связанная со смыслом, доверием и эмоциональным восприятием другого человека – плохо поддаётся полной алгоритмизации и требует человеческого участия.

Диагностика конфликта в таком подходе строится поэтапно. Сначала анализируется сама структура взаимодействия между участниками и степень нарушения связности между ними. Затем внимание переносится на эмоциональный уровень конфликта – скрытые аффективные реакции, напряжение, тревожность, раздражение. После этого становится возможной реконструкция тех установок, ожиданий и пред-пониманий, через которые стороны воспринимают ситуацию и интерпретируют действия друг друга. При этом цифровая среда постепенно меняет и сами формы межличностных конфликтов. Так, алгоритмическая персонализация контента усиливает ценностные деформации (σ_1): люди всё чаще оказываются внутри разных информационных пространств и начинают по-разному воспринимать одни и те же события. Интерфейсная асимметрия (σ_2) формирует новые формы статусного неравенства, поскольку доступ к функциям платформы, возможностям управления коммуникацией и цифровой видимости распределяется неравномерно. Аватарная полиморфность (σ_3) делает идентичность пользователя более нестабильной и многослойной. Один и тот же человек может существовать сразу в нескольких цифровых ролях и образах, из-за чего взаимодействие становится более сложным и возникает дополнительная путаница в восприятии друг друга.

Особое значение для понимания цифровой трансформации межличностных конфликтов имеет концепция надзорного капитализма Ш.

Зубофф¹²². Её подход позволяет по-новому взглянуть на то, каким образом цифровые платформы влияют на коммуникацию и формирование конфликтов между людьми.

По мнению Зубофф, современные цифровые сервисы представляют собой не просто технологические площадки для общения, а особую экономическую систему, в которой человеческий опыт превращается в источник поведенческих данных. Действия пользователей, их реакции, предпочтения и способы взаимодействия постоянно фиксируются, анализируются и используются платформами для прогнозирования и управления поведением. В результате возникает серьёзный дисбаланс в коммуникации: цифровые компании получают значительно больше информации о пользователях, чем сами пользователи понимают о механизмах работы платформ. Такая асимметрия создаёт новые формы влияния на восприятие, эмоциональные реакции и способы взаимодействия между людьми, что напрямую отражается и на динамике межличностных конфликтов в цифровой среде.

Эта неравномерность восприятия и контроля существенно изменяет роль объекта противоречия X , возвышая его до ранга активного фактора, организующего социальные связи в платформенной экосистеме.

В терминах системно-топологической модели, Ш. Зубофф детализирует генезис наблюдаемых деформаций. Персонализированные алгоритмы рекомендаций не просто сортируют контент, а систематически распределяют субъектов A и B по изолированным информационным потокам, усугубляя расхождение их мировидения и превращая информационный ландшафт в арену ценностного разрыва σ_1 . Неровный доступ к инструментам продвижения, статусным маркерам и функциям приоритетного отображения конструирует цифровую иерархию σ_2 , где платформенные привилегии

¹²² Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма : битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Ш. Зубофф ; пер. с англ. А. Ф. Васильева ; под науч. ред. Я. Охонько, А. Смирнова. – Москва : Издательство Института Гайдара, 2024. – 781 с. – ISBN 978-5-93255-668-9.

замещают традиционные социальные ранги, а артефакты интерфейса обретают значение символов власти. Полиморфизм цифровых воплощений, наконец, разрушает единство идентичности σ_3 , поскольку платформы фрагментируют личность на управляемые профили, подрывая основу взаимного узнавания и порождая множественность «теневых» самостей.

Соединение идей Ш. Зубофф с постфеноменологическим анализом Д. Ихде выявляет платформы как автономных участников конфликтных конфигураций, где артефакты коммуникации выступают одновременно источниками прибыли, посредниками восприятия и регуляторами поведения. Надзорный капитализм не только ускоряет топологические искажения социальной среды, но и институционализирует их через экономику данных, что предъявляет к социомедиатору повышенные требования к интерпретации алгоритмических механизмов и восстановлению паритета человеческих отношений в условиях системного неравенства платформенной архитектуры.

В контексте техно-интермедиарного поля цифровые модусы МЛК получают визуально-операциональное выражение через концепт топологем С. А. Азаренко¹²³,¹²⁴, моделирующих деформацию социальной ткани как пространственное смещение узлов связности А–Х–Б.

На наш взгляд, в отличие от абстрактных топологических сигнатур σ_i , топологемы конкретизируют пространственную динамику конфликта через геометрические трансформации связности.

Операционализация цифровых модусов через топологемы выглядит следующим образом:

1. Алгоритмическая фрагментация (σ_1) → Топологема: рассеивание узлов ценностей. Х = «рекомендации» распределяет А и Б по разным контекстным кластерам → разрыв связности.

¹²³ Азаренко С.А. Топологии сообщества / Институт экономики, управления и права (г. Казань). – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2014. – 228 с.

¹²⁴ Азаренко С.А. Топология души и мира. Мудрость в миниатюрах. Изд-во: Алетей, 2025. – 196 с.

2. Интерфейсная асимметрия (σ_2) \rightarrow Топологема: иерархическое расслоение. $X =$ «премиум-доступ» создает барьерный узел, блокирующий равный доступ к ресурсам.

3. Аватарная полиморфность (σ_3) \rightarrow Топологема: квантовая запутанность. $X =$ «множественные профили» порождает суперпозицию идентичностей А и В.

Алгоритмическая фрагментация ценностной сигнатуры σ_1 визуализируется как рассеивание узлов ценностей, когда рекомендательные системы персонализированного контента разводят субъектов по несоизмеримым контекстным траекториям. Интерфейсная асимметрия статусной σ_2 представлена иерархическим расслоением связности, где премиум-функции платформы создают барьерные узлы доступа к коммуникативным ресурсам. Наконец, аватарная полиморфность идентичностной σ_3 моделируется как квантовая запутанность, поскольку множественные цифровые воплощения субъектов порождают суперпозицию идентичностей, разрушающую зеркальность самости-Другой.

Топологема обеспечивают переход от абстрактной типологии к диагностической визуализации, переводя динамику цифровых МЛК в геометрически интерпретируемые трансформации социальной ткани, доступные для операционализации социомедиацией.

Таким образом, *цифровая трансформация межличностных конфликтов должна быть понята как переход от конфликтов непосредственного со-присутствия к конфликтам техно-опосредованной связности*, в которых меняются телесность, пространственность, временность, идентичность и интерпретативная структура взаимодействия. Но при всех этих изменениях сохраняется базовая инвариантность МЛК – конфликт по-прежнему остается формой деформации социальной связи, возникающей на уровне отношений между субъектами. Иначе говоря, *цифровая среда не отменяет, а обостряет топологическую природу межличностного конфликта*.

Тем самым подтверждается основной концепт диссертационной работы – *межличностный конфликт является базовой структурой социальной реальности, а цифровая эпоха лишь выявляет и усиливает его внутреннюю топологию. Цифровая трансформация не устраняет конфликтность как таковую, а переводит ее в новые формы выражения, интерпретации и воспроизводства. Поэтому анализ цифровых конфликтов должен строиться не как описание частных интернет-споров, а как исследование фундаментального изменения конфигурации социального взаимодействия в современном обществе.*

Сохранение структурной идентичности при качественно новой медиатической природе требует разработки цифровой операционализации социотопологической модели.

Выводы по параграфу 2.1

Топологическая схема «субъект–деформация–субъект» воплощается и в техно-интермедиарных конфигурациях – цифровая среда подтверждает статус МЛК как фундаментальной реляционной структуры цифровизованного общества, где конфликт выступает не патологией, а диагностическим индикатором топологических свойств социальных связей.

Цифровые площадки, в свою очередь, позволяют повысить возможности наблюдения за продолжительностью конфликта, и это упрощает исследования в этом ключе. Участники онлайн-конфликта оставляют «цифровые следы», которые позволяют фиксировать ход общения, проследить изменения эмоционального фона и т.п. При этом виртуальная среда становится тем пространством, где наиболее наглядно заметны точки напряженностей – процессы зарождения и эскалации конфликтной ситуации. А также такие значимые моменты, как механизмы продвижения записей, то есть, алгоритмическая лента, многозначность смыслов цифровых знаков, отсроченное получение сообщения – вместе и по отдельности порождают новые форматы противоречий. Эти особенности позволяют по-новому посмотреть на традиционные методы диагностики межличностных

конфликтов и попытаться привести их к соответствию специфических платформ и электронной коммуникации.

2.2. Модель системно-топологического анализа межличностных конфликтов

Межличностный конфликт – базовая структура социальных взаимодействий. Она сохраняет свои главные признаки и в традиционной среде, и в цифровой (п.1.1).

Типология МЛК, основанная на модели деформации связности А–Х–Б, была дополнена феноменологическим и герменевтическим анализом переживания, интерпретации и смыслового восприятия конфликта (п.п. 1.2–1.3). В предыдущем подразделе также было показано, что цифровая среда не отменяет существующие конфликтные сигнатуры, а трансформирует способы их проявления под влиянием технологических и медиальных факторов.

В связи с этим настоящий параграф посвящён построению операциональной модели системно-топологического анализа, которая объединяет структурный, феноменологический и герменевтический уровни исследования в единую диагностическую схему. Такая модель ориентирована не только на теоретическое описание межличностных конфликтов, но и на их практический анализ и применение в процедурах социомедиации.

Системно-топологическая модель диагностики межличностных конфликтов (см. приложение, рис. 2) основана на универсальной сигнатуре $\sigma = \{V, E, D, T, P\}$, где каждый элемент отражает отдельную сторону конфликтного взаимодействия и позволяет анализировать структуру конфликта, степень его напряжённости и особенности развития¹²⁵. Такая

¹²⁵ Множество субъектов $V = \{A, B\} \geq 2$ фиксирует наличие минимум двух агентов с фрагментированными идентичностями, объединенных общим объектом противоречия. Объект $E = \{X = 1\}$ выступает единственным топологическим узлом деформации, нарушающим первоначальную связность взаимодействия. Тип деформации $D \in \{\text{узловая, разрывная, скрученная}\}$ классифицирует качественную природу пространственной трансформации связей. Индикатор глубины T (диапазон 0–1) измеряет выраженность искажения социальных связей, вызванного

система параметров делает модель достаточно гибкой и устойчивой для применения в разных коммуникативных условиях. С одной стороны, модель сохраняет свою базовую структуру А–Х–Б независимо от того, происходит взаимодействие в офлайн-коммуникации или в цифровой среде. С другой стороны, её можно использовать для анализа различных типов межличностных конфликтов, поскольку она позволяет учитывать как общие закономерности конфликтного процесса, так и особенности конкретной ситуации.

Практическое применение модели представляет собой последовательный алгоритм, состоящий из пяти этапов. Каждый следующий этап основывается на результатах предыдущего анализа, что позволяет постепенно выстраивать целостное понимание конфликтной ситуации.

На первом этапе определяется круг конфликтующих субъектов V. На этом этапе выявляются основные признаки нарушения коммуникации между сторонами: различия в ценностях, несоответствие статусных ожиданий или противоречия, связанные с идентичностью и восприятием собственной роли в отношениях.

Второй этап связан с выявлением объекта противоречия $E = X$ – того элемента, вокруг которого формируется конфликтное напряжение. В традиционном взаимодействии таким объектом могут выступать деньги, время, распределение обязанностей или вопрос уважения. В цифровой среде аналогичную роль начинают играть дедлайны в Zoom-коммуникации, количество лайков, публичные репосты или другие элементы платформенного взаимодействия. *Третий этап.* Здесь определен тип деформации D, которая соответствует предложенной типологией.

объектом противоречия X между сторонами А и Б. Большее значение T сигнализирует о критическом нарушении взаимодействия, требующем усиленного философского вмешательства. Метрика интенсивности $T \in$ количественно оценивает степень деформации $d(A, B|X)$, а вероятность разрешения $P \in$ прогнозирует эффективность социомедиации. Индекс успешности P (диапазон 0–1) рассчитывает вероятность восстановления диалога через социомедиацию. Высокие значения P свидетельствуют о хороших перспективах конструктивного разрешения конфликта при условии профессионального социофилософского сопровождения.

На четвертом этапе представлен итоговый показатель уровня серьезности деформации (Т). Для этого анализу подвергается комбинация трех факторов: первый – насколько сильно нарушена синхронность обмена сообщениями между субъектами разногласия; второй – степень смысловой многослойности вокруг объекта спора, то есть его семантическая многозначность; и третий фактор – это особенности нарушений в самой системе субъектов противоречия (структурные аномалии).

В свою очередь, пятый этап посвящен «прогнозу урегулирования» (Р). Такой прогноз возможен только через соотнесение трех параметров: масштабов выявленных искажений, их качественных характеристик и уровня профессионализма социомедиатора.

Интерфейсная асимметрия, соответствующая сигнатуре σ_2 , проявляется через неравномерный доступ к возможностям платформы – верификации аккаунтов, премиум-функциям, алгоритмическому продвижению или инструментам управления видимостью контента. Подобные различия формируют новые формы статусного неравенства и усиливают конфликтность за счёт цифровой иерархии присутствия и доступа. Аватарная полиморфность, связанная с сигнатурой σ_3 , возникает из-за множественности цифровых образов и ролей, в которых существует пользователь. Один и тот же человек может одновременно выступать в разных цифровых идентичностях, что усложняет восприятие себя и Другого. В результате взаимодействие становится менее устойчивым, а границы между подлинной и конструируемой идентичностью начинают размываться, создавая эффект запутанности и нестабильности коммуникации.

Особую прикладную значимость концепция топологем С. А. Азаренко приобретает при переходе от общей типологии конфликтов к наглядному анализу деформаций социальной связности (Приложение, рис. 3). В данном случае топологемы выступают как модели, позволяющие визуализировать изменения структуры взаимодействия между субъектами и показать, каким образом трансформируются связи внутри конфликтного пространства.

Так, алгоритмическая фрагментация может быть представлена как рассеивание общих ценностных узлов, при котором участники постепенно утрачивают единое пространство смыслов. Интерфейсная асимметрия визуализируется через иерархическое распределение связей, отражающее неравенство цифровых возможностей и уровней видимости внутри платформенной среды. Аватарная полиморфность, в свою очередь, проявляется как наложение и пересечение множественных идентичностей, создающее эффект нестабильности и неопределённости в восприятии субъектами самих себя и друг друга. Такая визуализация переводит динамику цифровых МЛК в геометрически интерпретируемые трансформации, доступные непосредственному восприятию и стратегическому планированию.

При этом, постфеноменологическое измерение цифровых артефактов Д. Ихде позволяет рассматривать цифровые платформы не как нейтральный технический фон, а как активные медиаторы человеческого опыта. Интерфейс Zoom-таймера материализует ценностное давление σ_1 , синяя галочка верификации воплощает статусную асимметрию σ_2 , альтернативный аккаунт фрагментирует идентичность σ_3 . Артефакты перестают быть простыми носителями информации, становясь со-конституентами конфликтной ситуации, структурирующими способы ее восприятия и интерпретации. Цифровая среда радикально трансформирует темпоральную структуру переживания МЛК как интервальную целостность сознания. Асинхронность коммуникации порождает темпоральный разрыв, при котором субъект вынужден удерживать конфликтное состояние в режиме неопределенного ожидания ответа. Алгоритмическая фрагментация внимания разрушает Я-центрированность опыта, а полисемия эмодзи и мемов усложняет герменевтическую однозначность интерпретации.

Герменевтическая сложность цифрового конфликта связана с тем, что объект противоречия X в онлайн-среде перестаёт быть единичным и однозначным элементом. Он постепенно превращается в своеобразный гипертекстовый узел, включающий сразу несколько взаимосвязанных

компонентов: уведомления, таймеры, переписки, групповые чаты, архив сообщений, скриншоты и другие цифровые следы коммуникации. Каждый из этих элементов добавляет собственный уровень интерпретации, из-за чего конфликт становится значительно сложнее для анализа и требует от социомедиатора способности восстанавливать целостный смысл из фрагментированной информации. При этом системно-топологическая модель (рис. 2) обладает рядом важных прикладных преимуществ. Одним из основных преимуществ модели является возможность применять её к самым разным видам межличностных конфликтов независимо от того, происходит взаимодействие в офлайн-коммуникации или в цифровой среде. Использование количественных параметров позволяет сделать анализ конфликтной ситуации более сопоставимым и уменьшить влияние исключительно субъективной оценки.

При этом способы разрешения конфликта зависят от характера самой деформации взаимодействия. В случае ценностных конфликтов σ_1 особое значение приобретает работа с переосмыслением предмета спора и поиском общего смыслового пространства между участниками. Для статусных конфликтов σ_2 более важным становится изменение распределения ролей, полномочий и возможностей внутри коммуникации. Идентичностные конфликты σ_3 обычно требуют более продолжительной работы, поскольку затрагивают вопросы самовосприятия, социальных ролей и отношения человека к себе и к другим участникам взаимодействия.

Важно отметить, что системно-топологическая модель используется не только для диагностики конфликта, но и помогает точнее определить функции социального медиатора в процессе восстановления нарушенной коммуникации между участниками. В рамках такого подхода медиатор выполняет сразу несколько задач. Важным становится умение работать с цифровыми формами взаимодействия, правильно интерпретировать сообщения, символы и реакции пользователей, а также координировать

асинхронное общение, при котором участники взаимодействуют не одновременно, а с временными паузами между ответами.

В этом отношении разработанная модель во многом соотносится с подходом Д. И. Салимгареева¹²⁶,¹²⁷, рассматривающего медиацию как гуманистическую технологию разрешения конфликтов, ориентированную на восстановление диалога и социальных связей между людьми.

В отличие от директивных или юридических подходов, системно-топологический анализ сохраняет центральное место человеческого опыта, феноменологической субъективности и герменевтической открытости смыслов, что позволяет медиатору выступать не как арбитр, а как фасилитатор восстановления связности. Детальный анализ образа современного социального медиатора, его нормативной роли и практических рекомендаций по реализации модели в цифровой среде представлен в следующем параграфе 2.3.

Таким образом, разработанная системно-топологическая модель обеспечивает переход от качественного философского осмысления МЛК к количественно управляемому процессу социомедиации. Синтез топологических инвариантов, постфеноменологической интерпретации артефактов, феноменологии переживания и герменевтики смыслов создает универсальный диагностический инструмент, сохраняющий теоретическую глубину при высокой практической эффективности, что позволяет эффективно решать задачи разрешения межличностных конфликтов как в традиционной, так и в цифровой среде.

¹²⁶ Салимгареев Д.И. Медиативная технология как инструмент интеграции модели бережливого производства // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2020. – № 2. – С. 85-90.

¹²⁷ Салимгареев Д.И. Медиация как гуманистическая технология разрешения социальных конфликтов в современном российском обществе : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 5.7.7. / Салимгареев Денис Игоревич; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»]; Диссовет 24.2.479.16 (24.2.479.16)]. – Уфа, 2024. – 22 с.

2.3. Системные функции и практика социального медиатора как регулятора топологической динамики межличностных конфликтов

Системно-топологическая модель диагностики межличностных конфликтов (МЛК), представленная в предыдущем подразделе, достигает своей полноты реализуемости именно через образ социального медиатора как операционального субъекта восстановления связности. В рамках данной модели медиатор рассматривается не как нейтральный участник, лишь поддерживающий коммуникацию между сторонами, а как профессионально подготовленный специалист, способный анализировать структуру конфликта, выявлять характер деформаций и интерпретировать переживания участников взаимодействия. Он начинает рассматриваться как пространство пересечения различных интерпретаций, ценностей и символических представлений о мире.

Соответственно, медиатор выполняет уже не только функцию посредника или арбитра. Его задача заключается в том, чтобы выявлять скрытые смысловые основания конфликта, помогать сторонам заново выстраивать взаимопонимание и восстанавливать разрушенные коммуникативные связи.

Подобная интерпретация медиации опирается на философские идеи Ж. Делеза и Ф. Гваттари¹²⁸, которые понимали философию как производство смыслов и создание новых концептуальных пространств. Медиатор, подобно философу, работает с многоуровневыми структурами значения, выявляя скрытые связи между эмоциональным, телесным и символическим измерениями конфликта. В этом смысле медиация становится не только социально-технологическим, но и герменевтическим процессом – пространством переосмысления смыслов и опыта.

¹²⁸ Делез Дж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 254 с.

Современные теоретики Д. Блур¹²⁹, Б. Латур¹³⁰ и др. трактуют конфликт как активный фактор, формирующий социальные действия и трансформирующий отношения между акторами. Конфликт в их интерпретации является структурным элементом общественной динамики, способствующим самоорганизации социальных систем. В постмодернистском обществе он приобретает многомерный характер, отражая изменения в идентичности, дискурсивных структурах и цифровых коммуникациях. Язык и нарратив, по мысли современных философов, не только отражают конфликт, но и создают его. Риторика, метафоры, символы и цифровые формы выражения – все эти элементы задают рамки восприятия и эмоциональные координаты взаимодействия. Поэтому медиатор работает не столько с фактами, сколько с интерпретациями, помогая участникам конфликта переосмыслить собственные истории, ценности и способы коммуникации.

Философское осмысление медиации невозможно без анализа индивидуальных и коллективных нарративов, формирующих стратегию поведения участников конфликта. Личные истории, культурный опыт и социальные контексты определяют не только мотивацию сторон, но и саму структуру их восприятия. Конфликт, в этом смысле, является не просто столкновением интересов, а пересечением различных повествований, в которых участники выражают свои ценности, страхи и стремления. Нарратив личности всегда вплетён в более широкий общественный дискурс – политический, культурный, цифровой, – и именно поэтому медиатор должен уметь «читать» эти смыслы и соотносить их с социальным контекстом взаимодействия.

Современные исследования подчёркивают, что теоретического анализа недостаточно: понимание конфликта требует учёта реальных социальных, экономических и политических условий, в которых он развивается. Связь

¹²⁹ Bloor D. Anti-Latour // *Studies in History and Philosophy of Science*. 1999. Part A. V. 30 (1) / http://www.melissa.ens-cachan.fr/IMG/pdf/bloor_-_anti-latour.pdf

¹³⁰ Latour B. On the Cult of the Factish Gods // *Latour B. On the Modern Cult of the Factish Gods*. Durham, NC: Duke University Press, 2010.

между философией и практикой медиации проявляется именно в способности интерпретировать конкретные социальные ситуации, преобразуя их в пространство возможного диалога. Постепенный отказ от жёстких дисциплинарных границ и обращение к междисциплинарным подходам отражает влияние постмодернистской критики – стремление увидеть за конфликтом не только структуру, но и процесс порождения смыслов.

Характерным примером такого подхода можно считать концепцию Ф. Ондити, представленную в работе «Конфликтология: системы, институты и механизмы в Африке»¹³¹. Исследователь обращает внимание на то, что конфликт не следует воспринимать исключительно как угрозу или форму разрушения социальных отношений. Напротив, конфликт способен становиться источником изменений, переосмысления существующих связей и формирования новых моделей взаимодействия между людьми. В современном философском дискурсе анализ межличностного конфликта всё чаще требует комплексного подхода, в котором политические, культурные и этические аспекты рассматриваются не изолированно, а во взаимосвязи друг с другом. Подобное понимание соотносится с философией медиации, где конфликт интерпретируется не только как столкновение интересов, но и как пространство возможной трансформации, самопонимания и выработки новых смыслов. Подобные конфликты проявляются не только в политической сфере, но и в медиа, цифровой коммуникации и общественном дискурсе, где идеологические различия постепенно превращаются в символические столкновения и борьбу интерпретаций. Как отмечает Д. Х. Ярн, само понимание «глобальных угроз» меняется в зависимости от исторического и культурного контекста, поэтому анализ современных конфликтов требует более гибкого и контекстуального подхода¹³². В этом отношении философская медиация позволяет рассматривать конфликты не только как межличностные

¹³¹ Onditi F. Conflictology: Systems, Institutions, and Mechanisms in Africa. – London: Lexington Books, 2020.

¹³² Yarn Douglas H. Dictionary of Conflict Resolution published by Wiley, 1999. – 576 p.

противоречия, но и как более широкие процессы борьбы за интерпретацию мира, ценностей и границ коллективной идентичности.

Конфликт возникает в тот момент, когда различие между людьми начинает восприниматься не как возможность для диалога, а как причина невозможности договориться. В такой ситуации задача медиатора состоит не в том, чтобы устранить сами различия, а в том, чтобы помочь сторонам заново выстроить пространство понимания. Тогда различие перестаёт восприниматься как угроза и может стать условием для диалога и совместного поиска решений.

В современном философском осмыслении конфликт всё чаще рассматривается сразу на нескольких уровнях – личностном, культурном и социальном. Поэтому медиация понимается уже не только как способ урегулирования спора, а как особая форма смыслового посредничества. В рамках такого подхода личный опыт, эмоциональные реакции, культурные установки и социальные обстоятельства оказываются связанными между собой и влияют на то, как люди воспринимают друг друга и сам конфликт.

Такое понимание открывает возможность для формирования новых моделей взаимодействия, основанных не столько на устранении противоречий, сколько на способности людей сосуществовать в пространстве различий и искать формы взаимопонимания. В этом контексте особое значение приобретает идея диалога, разработанная М. М. Бахтиным. По его мысли, человек изначально существует в отношении к другому, а любое действие связано с ответственностью перед собеседником и самим пространством коммуникации. Бахтин рассматривал диалог гораздо шире обычного речевого обмена. Для него это был один из фундаментальных принципов человеческого существования и культуры.

Именно поэтому диалогические отношения, по Бахтину, становятся основой формирования смыслов, ценностей и идентичности. Разные голоса и точки зрения не обязаны сливаться в единую позицию – напротив, они сохраняют собственную самостоятельность, но при этом продолжают

взаимодействовать друг с другом. Из такого взаимодействия и рождаются новые смыслы.

Практика медиации показывает свою эффективность в самых разных социальных и культурных условиях именно потому, что позволяет работать не только с внешними проявлениями конфликта, но и с его глубинными основаниями. Посредничество помогает выявить скрытые причины противоречий, снизить эмоциональное напряжение и постепенно восстановить пространство доверия между участниками взаимодействия. При этом значение медиации не сводится исключительно к достижению формального соглашения. Она выполняет и более широкую ценностную функцию, способствуя развитию сотрудничества, эмпатии и взаимопонимания между людьми.

Как отмечает В. А. Соснин, «разные типы конфликтных ситуаций решаются и регулируются различными модификациями метода посредничества, как одного из наиболее эффективных в разрешении противоречий в ходе переговоров»¹³³. Аналогичную позицию занимают Р. Фишер и У. Юри, трактующие переговоры как общий метод, а посредничество – как одну из его конкретных форм реализации, направленную на достижение конструктивного диалога¹³⁴.

Медиация как социальный институт сформировалась в результате длительного развития общественных практик регулирования конфликтов и отражает потребность общества в более цивилизованных способах разрешения противоречий. Её значение не ограничивается только урегулированием споров. Медиация также способствует развитию культуры диалога, формированию коммуникативных навыков, способности к рефлексии и эмпатии.

¹³³ Соснин В.А. Урегулирование и разрешение конфликтов: проблема посредничества в прикладной практике Запада // Психол. журнал. – 1994. – Т.15, № 5. – С. 130-141.

¹³⁴ Фишер Р., Юри У. Путь к согласию Или переговоры без поражения / Пер. с англ. – М., 1990. – 158 с.

В этом смысле философия медиации связана с идеей постепенной трансформации отношений между людьми – перехода от конфронтации к сотрудничеству, от взаимного отрицания к пониманию и поиску совместных решений. Переговоры, в свою очередь, представляют собой форму осознанного взаимодействия между участниками конфликта, направленную на достижение взаимоприемлемого соглашения. Их результативность во многом определяется готовностью сторон к открытому обсуждению проблемы, уважению позиции другого человека и признанию значимости интересов всех участников коммуникации.

Именно поэтому переговоры можно рассматривать не только как практический механизм урегулирования споров, но и как особую форму культурной и философской коммуникации, основанную на признании Другого и стремлении к поиску общего смыслового пространства.

Д. Нелиссен подчёркивает взаимосвязь переговоров и посредничества, рассматривая их как соотношение техники и метода: «Посредничество, – отмечает он, – может быть интересно в качестве одного из методов разрешения конфликтов, и... лучшим способом урегулирования разногласий являются переговоры»¹³⁵. Таким образом, посредничество можно рассматривать как особое продолжение переговорного процесса, в котором коммуникация приобретает более глубокое философское и смысловое измерение.

В процессе коммуникации значение имеют не только слова. Большую роль играют интонация, выражение лица, жесты, поза, особенности дыхания и другие невербальные проявления. Нередко именно они позволяют понять эмоциональное состояние собеседника, его отношение к ситуации и скрытые переживания. Поэтому в конфликтном взаимодействии телесные сигналы могут сообщать не меньше информации, чем рациональные аргументы и словесные объяснения.

Во многих случаях за внешне логичными высказываниями скрываются тревога, неуверенность, обида или внутреннее напряжение, которые

¹³⁵ Нелиссен Д. Посредничество // Социальный конфликт. – 1996. – №2. – С. 14-24.

проявляются именно на невербальном уровне. По этой причине телесность становится важной частью коммуникативного процесса и оказывает заметное влияние на формирование доверия, взаимопонимания и качество взаимодействия между участниками конфликта.

Понимание телесной стороны общения имеет особое значение в практике медиации. Внимание уделяется не только тому, что именно говорят участники конфликта, но и тому, как это происходит. Во время разговора важными оказываются паузы, интонация, изменения голоса, направление взгляда, жесты и другие невербальные проявления. Нередко именно они помогают увидеть эмоциональное состояние человека и понять то, что остаётся за пределами его слов.

По этой причине медиатор работает не только с содержанием диалога. Ему важно замечать признаки напряжения, тревоги или внутреннего сопротивления, которые могут проявляться в поведении участников конфликта.

Такой взгляд позволяет обратить внимание на то, что на развитие конфликта влияют не только личные качества участников или конкретная ситуация. Большую роль играют и социальные ожидания, сложившиеся нормы поведения, а также представления о том, что считается допустимым или недопустимым в общении. Именно через них во многом задаются границы самовыражения и формы взаимодействия между людьми.

Поэтому медиатору нередко приходится работать не только с самим конфликтом, но и с теми установками, которые стоят за ним. В ряде случаев важно помочь участникам увидеть привычные модели поведения со стороны, переосмыслить их и выйти за рамки схем, которые лишь усиливают противостояние.

Дальнейшее развитие этих идей можно увидеть в работах А. Мол, Б. Латура и других представителей постфеноменологии и акторно-сетевой теории. Они предлагают рассматривать конфликт как процесс, в котором участвуют самые разные элементы. Речь идёт не только о людях и их

отношениях. На ход конфликта могут влиять вещи, технологии, пространство коммуникации, символы, социальные правила и многие другие факторы. Поэтому конфликт оказывается гораздо более сложным явлением, чем простое столкновение двух противоположных позиций.

В этом смысле медиация перестаёт быть лишь механизмом урегулирования спора: она становится процессом реконфигурации отношений, где меняются границы субъектности, правила взаимодействия и распределение власти.

Медиатор в этой парадигме выступает не как пассивный посредник, а как архитектор новой социальной конфигурации, способный переопределять структуру взаимодействий. Он формирует условия, при которых конфликт перестаёт быть разрушительным актом противостояния и превращается в пространство совместного конструирования смысла. Это совпадает с логикой акторно-сетевой теории, в которой конфликт возникает и развивается как результат взаимодействия множества акторов – людей, тел, институтов, дискурсов и технологических платформ. Работа медиатора в таком пространстве напоминает акт сборки сетей: он перераспределяет связи, создаёт новые каналы коммуникации, ослабляет деструктивные зависимости. Например, в семейных конфликтах медиатор может изменять физическую организацию пространства – распределение зон личного и общего пользования; в цифровых конфликтах он работает с потоками информации, фильтрует агрессивные сигналы, создаёт безопасные каналы общения и выстраивает новые алгоритмы взаимодействия.

Конфликт, таким образом, становится способом осознания границ собственного «я» и возможностей встречи с Другим. В топологической модели медиатора и конфликта узел постфеноменологии позиционирует медиатора как «техно-медиатора», превращая тело в гибридный артефакт, где телесно-

сексуальные практики срастаются с цифровыми протезами (VR, алгоритмы)¹³⁶,

137.

Постгуманистическая топология показывает, как медиатор организует коэволюцию человека-техники, делая тело подвижным узлом «слабой онтологии», где сексуальность эволюционирует как сетевое явление. Преобразование конфликта выглядит следующим образом: узел реализует топологическую пластичность, соединяя феноменологическое «бытие-присутствие» с алгоритмическим прогнозированием для гармонизации отношений¹³⁸; узел превращает медиацию в постфеноменологическую технику, балансирующую телесно-сексуальные разломы в фиджитал-хронотопе^{139, 140}. Тело не просто биологическая данность, но как медиатор опыта, носитель смысла и важнейший элемент формирования идентичности. В этом контексте телесность предстает как пространство, в котором разворачивается взаимодействие между людьми: она участвует в построении эмоциональных связей, в конституировании доверия и переживании уязвимости. Тело становится основой коммуникации, через которую осуществляется не только физическое, но и смысловое взаимодействие. Этическая сторона телесности связана прежде всего с уважением к другому человеку, его личным границам и праву самостоятельно распоряжаться собственным телом. Не менее важным является и согласие, без которого невозможно полноценное и безопасное взаимодействие. Поэтому тело в социальных отношениях выступает не только как биологическая данность.

¹³⁶ Москвитин В.А. Постфеноменология техники: от медиации к конституированию опыта // *Философия науки и техники*. – 2025. Т. 18 Вып. 4. DOI: <https://doi.org/10.30853/mns20250206>

¹³⁷ Азаренко С.А. Топология души и детства: феноменологическая и социально-топологическая методология исследования // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. – 2025. – №5. – С.76-86.

¹³⁸ Елхова О.И. Индекс виртуальности: философское обоснование. Вестник Северного (Арктического) федерального университета Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2021. Т. 21(3). – С. 99–107. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V106>.

¹³⁹ Азаренко С.А. Топология души и детства: феноменологическая и социально-топологическая методология исследования // *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. – 2025. – №5. – С.76–86.

¹⁴⁰ Москвитин В.А. Постфеноменология техники: от медиации к конституированию опыта // *Философия науки и техники*. – 2025. Т. 18 Вып. 4. DOI: <https://doi.org/10.30853/mns20250206>.

Через отношение к телесности проявляются представления о достоинстве человека, свободе, уважении и ответственности перед другим.

С этой точки зрения медиация оказывается не просто способом урегулировать спор. В её процессе меняются сами отношения между участниками: пересматриваются привычные роли, уточняются границы взаимодействия, по-новому осмысливаются значения и ожидания, которые стороны связывают друг с другом. Иными словами, речь идёт не только о разрешении конкретного противоречия, но и о постепенном переустройстве того пространства отношений, в котором этот конфликт возник.

Однако сегодня посреднические функции всё чаще выполняют не только люди. На коммуникацию заметно влияют цифровые платформы, алгоритмы рекомендаций и системы искусственного интеллекта. Они определяют, какую информацию увидит пользователь, какие сообщения окажутся в центре внимания, а какие останутся незамеченными. В результате технологии начинают участвовать в процессе взаимодействия не как нейтральный инструмент, а как один из факторов, влияющих на развитие конфликта.

В связи с этим всё больше внимания привлекает цифровая герменевтика – направление, исследующее особенности интерпретации смыслов в цифровой среде. Если в классической герменевтической традиции понимание строилось через диалог, личный опыт и способность человека поставить себя на место другого, то в цифровом пространстве значительная часть интерпретации оказывается связана с работой алгоритмов, фильтров и автоматизированных систем обработки информации.

Из-за этого меняется и роль медиатора. Ему приходится учитывать не только позиции участников конфликта, но и влияние цифровой среды, внутри которой разворачивается коммуникация. Иногда именно алгоритмы платформ, особенности интерфейса или механизмы распространения контента оказываются факторами, усиливающими непонимание между людьми.

Подобные изменения ставят и новые этические вопросы. Традиционно медиация опиралась на доверие, эмпатию и понимание конкретной жизненной

ситуации участников конфликта. В цифровой среде всё большую роль начинают играть алгоритмические оценки и статистические модели. В этой роли медиатор выступает как связующее звено между несколькими плоскостями конфликта – индивидуально-психологической, общественной, виртуальной, смысловой. Задачи, которые выполняет медиатор, не ограничиваются просто организацией диалога участников конфликта. Особенно важным в его профессиональной деятельности является восстановление разорванных связей. Данный подход находит свое воплощение в системно-топологической модели, приведенной в приложении (рис. 2).

Профессиональная деятельность медиатора в рамках данной модели строится на ключевом тезисе исследования: структура А–Х–Б выступает базовой формой межличностного конфликта и сохраняется независимо от того, происходит взаимодействие в живом общении, письменной коммуникации или цифровой среде. Меняются способы передачи информации, формы контакта и сами условия коммуникации, однако логика конфликтного напряжения между субъектами остаётся во многом устойчивой.

Такое понимание важно не только в прикладном, но и в социально-философском смысле. Объект противоречия Х практически всегда влияет на отношения между субъектами А и Б, нарушая привычную связность между ними. Но именно в этой нестабильности и проявляется сама природа социального взаимодействия: конфликт здесь оказывается не случайным сбоем, а одной из форм совместного существования людей.

Представление о медиаторе-философе и его роли в современном обществе складывалось не только в рамках теоретического анализа, но и опиралось на результаты проведённого исследования. В период с 2024 по 2026 год нами были рассмотрены 150 случаев межличностных конфликтов в российских семьях. Анализ показал, что в большинстве ситуаций (87%, n=131) сохраняется общая структура конфликтного взаимодействия, при которой отношения между участниками нарушаются вокруг определённого предмета

противоречия. При более детальном рассмотрении были выявлены несколько наиболее устойчивых вариантов таких деформаций.

Выявленные типы конфликтов соотносятся с соответствующими топологическими сигнатурами σ_i . Это позволяет использовать единую схему анализа для разных конфликтных ситуаций и применять её как на уровне теоретического описания, так и при разработке практических процедур диагностики и медиации.

Разработанный пятиэтапный алгоритм был использован при анализе семейных конфликтов и позволил проверить возможности предложенной типологии на практическом материале. Работа строилась последовательно: сначала определялись участники конфликта, затем выявлялся объект противоречия X , после чего устанавливался тип деформации, оценивалась степень напряжённости ситуации и рассматривались возможные варианты её дальнейшего развития. Исследование показало, что чаще всего конфликт возникал между родителями и детьми – такие случаи составили 68% выборки. В качестве предмета противоречия наиболее часто выступали гаджеты (52%) и использование социальных сетей (38%). Наблюдения также показали, что примерно в двух третях случаев (67%) конфликт заметно обострялся в течение первых двух суток после возникновения, что позволяет рассматривать интенсивность развития конфликта как один из значимых диагностических показателей. Предложенный алгоритм оказался применимым в большинстве исследованных ситуаций – в 94% случаев ($n=141$). Полученные результаты свидетельствуют о том, что данная схема может использоваться при анализе различных форм семейных конфликтов и дополнять существующие методы диагностики.

Понимание структуры А–Х–Б помогает медиатору не теряться в потоке цифровой коммуникации и видеть за сообщениями, аккаунтами и онлайн-ролями конкретного человека. Это важно ещё и потому, что цифровые платформы всё заметнее влияют на повседневное общение. Они задают правила видимости информации, распределяют внимание пользователей,

формируют рекомендации и во многом определяют, какие темы получают развитие, а какие остаются на периферии обсуждения. По этой причине конфликт нередко развивается уже не только между людьми, но и в пространстве, организованном технологическими механизмами. На этом фоне роль медиатора становится особенно значимой. Автоматические системы способны выявлять отдельные нарушения или фиксировать конфликтную лексику, однако они не работают с человеческим опытом во всей его сложности. Медиатор, напротив, имеет возможность увидеть за спором не только внешние проявления конфликта, но и накопившиеся переживания, взаимные ожидания, обиды или чувство непонимания, которые далеко не всегда выражаются напрямую.

Поэтому в цифровой среде от медиатора требуется нечто большее, чем владение переговорными техниками. Ему важно уметь различать структуру конфликта за внешне хаотичным общением, учитывать эмоциональное состояние участников и понимать, что одна и та же ситуация может восприниматься ими совершенно по-разному. Не менее важно сохранять внимание к человеческой стороне взаимодействия, даже когда значительная часть коммуникации проходит через алгоритмы, платформы и цифровые интерфейсы.

Практическая миссия состоит в том, что философ-медиатор призван стать нормативным идеалом профессиональной подготовки в самых разных сферах: в образовании – учителем, который превращает конфликт в классный час философского самопознания; в корпорациях – HR-специалистом, видящим в срыве дедлайна возможность командного роста; в психотерапии – целителем цифровых ран идентичности, восстанавливающим внутреннюю целостность; в журналистике – этиком публичного слова, превращающим скандал в урок социальной ответственности; в политике – фасилитатором национального диалога, сохраняющим страну от поляризации алгоритмических «пузырей»¹⁴¹.

¹⁴¹ Абдрахманова Ф.Р. Конфликт моральных ценностей в эпоху Big data... // Философская мысль. – 2024. – № 10. – С. 51-63; Абдрахманова Ф.Р. Межличностный профессиональный конфликт:

Функциональный образ философа-медиатора предстает как человеческий ответ на вызовы цифровой фрагментации. Когда мир распадается на персонализированные контексты, статусные барьеры и множественные цифровые воплощения, именно философ-медиатор становится тем живым звеном, которое способно восстановить утраченную целостность. Каждый разрешенный конфликт, каждая восстановленная связь, каждый акт взаимопонимания становится вкладом в исцеление социальной ткани мира.

Выводы для практического применения результатов исследования:

1. Во-первых, в образовательной практике. Предложенная социотопологическая модель может быть использована при разборе спорных ситуаций на занятиях со студентами – например, работа с «коллективными топологемами». Именно такой метод позволяет обучающимся не просто фиксировать, но и «проживать» структуру конфликта.

2. Во-вторых, область применения данной модели достаточно широка и выходит за рамки педагогики. Остановимся на профессиональных конфликтах, в контексте организационных. Очень часто в организациях возникают разногласия из-за жестких дедлайнов, размытого распределения функций и т.п. Задача медиатора заключается в том, чтобы показать участникам конфликта увидеть общую картину того, что происходит.

3. В-третьих, модель также может быть востребована в психологическом консультировании. Особенно в тех ситуациях, где переживания субъекта тесно связаны с цифровой действительностью. Для многих клиентов оказывается важным понимание того, что причины их переживаний связаны не только с индивидуальными особенностями, но и со спецификой цифрового общения. Само по себе такое понимание не решает проблему, однако позволяет по-новому взглянуть на её причины и постепенно выработать более устойчивое отношение к собственной ценности, менее зависимое от внешних цифровых оценок.

Методика «Цифровая конфликтная матрица» может использоваться в формате групповой работы. Участники совместно разбирают собственные межличностные конфликты, выстраивают их топологические схемы и обсуждают повторяющиеся формы противоречий, которые проявляются в разных жизненных ситуациях. Такой формат помогает увидеть конфликт не только как индивидуальную проблему, но и как часть более общих коммуникативных процессов.

4. В-четвертых, для работы с кэнселингом и резонансными конфликтами в социальных сетях предложен протокол «Топологема публичного скандала». В его основе лежит анализ отношений между публичной фигурой и аудиторией, возникающих вокруг вирусного контента или общественно значимого события. Использование топологической схемы позволяет наглядно представить структуру конфликта и организовать обсуждение, направленное на снижение напряжения и восстановление коммуникации.

5. В-пятых, для журналистской практики предлагается методика «Социотопологический разбор новостей» – то есть предварительный анализ конфликтной ситуации.

Выводы по параграфу 2.3

Представленный в данном параграфе образ социального медиатора четко демонстрирует, как системно-топологический метод может быть использован в практической деятельности, применительно к разным типам конфликтов. Разработанные рекомендации могут найти свое применение в различных областях: в образовании, в профессиональной медиации, в обыденной рабочей коммуникации, при разборе споров, возникающих в цифровой среде. В результате проведенного исследования следует, что фигура медиатора далеко не второстепенна. Напротив, она занимает центральное место там, где появляется необходимость восстановления нарушенного взаимодействия между людьми.

Таким образом, ключевые моменты, рассмотренные в предыдущих параграфах, получают здесь ключевое прикладное развитие.

Выводы по второй главе:

1. Базовые структурные особенности МЛК сохраняются и при переходе коммуникации в цифровую среду. При сохранении общей конфигурации конфликтного взаимодействия меняются способы его переживания, интерпретации и развития. Существенное влияние на эти процессы оказывают цифровые платформы, алгоритмы и особенности онлайн-коммуникации.

2. Диагностика МЛК требует операционального перехода от философского анализа к пятиэтапному алгоритму, включающему идентификацию субъектов, локализацию объекта противоречия, классификацию типа деформации, измерение ее интенсивности и прогнозирование эффективности разрешения.

3. Цифровая трансформация конфликтов подтверждает инвариантность базовой структуры А–Х–Б при качественной мутации феноменологических и герменевтических измерений, что обосновывает применимость мета-методологии к техно-интермедиарным формам взаимодействия.

4. Визуализация деформаций социальной ткани через топологемы обеспечивает переход от абстрактной типологии к диагностической наглядности и стратегическому планированию восстановления связности.

5. Социомедиация как философский метод представляет собой систематическую практику восстановления целостности социальной ткани через синтез топологической диагностики, феноменологического сопереживания и герменевтического посредничества, адаптированную к цифровым модусам конфликтов.

6. Социальный медиатор-философ выступает синтезом топологической прозорливости, феноменологической чуткости и герменевтической открытости, функционально реализуя социомедиацию как философский метод регуляции конфликтов в различных профессиональных контекстах современного общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило показать, что межличностный конфликт в условиях цифровизации следует рассматривать не как частный эпизод коммуникационного сбоя, а как базовую форму социальной конфликтности, в которой наиболее отчетливо проявляются устойчивые закономерности деформации связей между субъектами, их ценностями, статусами и идентичностями. В этом смысле, межличностный конфликт выступает не только исходным уровнем анализа, но и методологически значимой моделью, через которую становятся видимыми более широкие процессы трансформации социальной ткани современного общества. Именно на уровне межличностного взаимодействия обнаруживаются те структурные нарушения, которые затем воспроизводятся, масштабируются и усложняются в групповых, институциональных и макросоциальных конфигурациях. Тем самым, подтверждается исходная установка исследования о том, что микроуровень конфликта не противопоставлен макроуровню, а связан с ним через единую логику реляционных разрывов, смещений и восстановлений.

1. Обоснован системно-топологический метод анализа

Обоснование системно-топологического метода анализа межличностных конфликтов в современном обществе показало, что данный метод является продуктивным инструментом не только для описания конфликтных ситуаций, но и для выявления их глубинной пространственно-связевой организации. Топологический подход позволяет фиксировать не столько внешнюю событийную сторону конфликта, сколько саму конфигурацию отношений между субъектами, объектом спора и коммуникативной средой, в которой конфликт разворачивается. Благодаря этому, межличностный конфликт становится доступным для анализа как особая форма деформации социальной связности, где важны не только содержание противоречия, но и способ его структурного размещения в пространстве взаимодействия.

Системный аспект данного подхода позволяет рассматривать конфликт как динамическое образование, в котором изменения одного элемента неизбежно влияют на всю конфигурацию целиком. При обращении к топологическому аспекту, сделан вывод, что он дает возможность зафиксировать устойчивые стабильные образования, исчезающие при изменении социального окружения. Особенно наглядно это проявляется в цифровой среде, что подтвердилось эмпирически.

Конфликтная динамика способна достаточно быстро видоизменять свои внешние формы, перемещаясь между различными платформенными пространствами. Подобная трансформация конфликта характеризует отношения между сторонами.

На основе изложенных в работе результатов, появляется основание рассматривать системно-топологический подход как один из фундаментальных аналитических инструментов в области изучения межличностных конфликтов.

2. Межличностный конфликт рассмотрен как базовая структура

Проведенное исследование позволяет рассмотреть межличностный конфликт как одну из разновидностей социальных конфликтов. Где бы конфликт не возникал, в семье, в учебном коллективе, в организации, или в цифровой среде, в основе его всегда наблюдается одна и та же структура: наличие субъектов и объекта противоречий. Данная конфигурация является устойчивой и воспроизводится в самых разных социальных контекстах.

Межличностный конфликт понимался прежде всего как сбой, как разрушение связей, которые сложились между участниками взаимодействия. Эти сбои, или нарушения, могут принимать несколько форм. Первая форма связана с ценностями, вторая – с неравенством статусов и распределением ролей, третья – с фрагментарностью идентичности. В результате МЛК выступает как фундаментальная основа социального разъединения.

3. Цифровая динамика конфликта

Цифровая среда не просто ускоряет развитие конфликтных процессов. Она меняет их природу, структуру. Конфликт в таких условиях становится более открытым для наблюдения. Он приобретает множественные смысловые слои. В подобных условиях ценностные разногласия начинают усиливаться за счёт информационной замкнутости: люди всё чаще оказываются внутри разных цифровых пространств и постепенно утрачивают общее поле понимания. Статусные различия закрепляются через неравный доступ к возможностям платформ, видимости и цифровым ресурсам, а множественность онлайн-ролей и образов делает фрагментацию идентичности частью повседневного опыта. Поэтому цифровую динамику межличностного конфликта нельзя рассматривать просто как внешнее изменение уже существующих форм противостояния. Речь идёт не столько о появлении принципиально нового типа конфликта, сколько об изменении условий, в которых он развивается. Цифровая среда делает более заметными многие противоречия, связанные с общением людей, вопросами признания, идентичности и распределением внимания.

Поэтому современные цифровые платформы представляют интерес не только как средство коммуникации, но и как пространство, где можно наблюдать возникновение, развитие и разрешение межличностных конфликтов. Здесь хорошо видны как причины роста напряжения, так и возможности для восстановления взаимодействия между людьми.

4. Модель системно-топологического анализа

Разработка модели системно-топологического анализа цифровых форм межличностных конфликтов позволила рассмотреть возможности её практического применения. Предлагаемая модель строится на поэтапном рассмотрении конфликтной ситуации. Первым этапом фиксируются все, кто задействован в конфликте. Далее уточняется предмет спора – то есть, объект противоречия. Затем производится оценка уровня напряженности, и в последнюю очередь рассматриваются варианты разрешения конфликта. Такая

логика анализа помогает рассмотреть конфликт не только на теоретическом уровне, но в практической деятельности.

5. Социомедиация как философский метод

Проведённый анализ показывает, что в современных условиях, особенно в цифровой среде, работа с конфликтом не сводится только к поиску компромисса или согласованию позиций участников. Во многих случаях оказывается важным обращение к причинам возникновения самого конфликта, особенностям его восприятия сторонами, а также к тем социальным и коммуникативным условиям, в которых он развивается. По этой причине социомедиация включает не только организацию диалога, но и работу с более широким контекстом конфликтного взаимодействия.

Социомедиация в этом контексте определяется как метод восстановления социальной ткани, сочетающий аналитическое выявление деформаций с интерпретативным и диалогическим сопровождением процесса их преодоления. В отличие от узко процедурной медиации, социомедиация работает не только с видимыми проявлениями конфликта, но и с его смысловыми, ценностными и идентичностными основаниями. Она соединяет структурную диагностику, феноменологическое сопереживание и герменевтическое понимание в единую регулятивную практику. Это позволяет рассматривать социомедиацию как философски обоснованную технологию, способную отвечать на вызовы современного общества, где конфликты разворачиваются в условиях высокой скорости коммуникаций, множественности интерпретаций и технологической опосредованности отношений. Тем самым, социомедиация выступает не просто как новый термин, а как концептуально и практически значимый способ мыслить и организовывать социальное согласование.

6. Функции медиатора-философа

Раскрытие основных функций медиатора-философа и его роли в регулировании межличностного конфликта в техно-интермедийных коммуникациях показало, что реализация социомедиации требует нового

профессионального профиля, способного соединять философскую рефлексию с медиативной практикой. Социальный медиатор-философ в данном исследовании представлен как специалист, который обладает не только коммуникативными и посредническими навыками, но и способностью к топологической диагностике, феноменологическому сопереживанию и герменевтической реконструкции конфликтной ситуации.

Основные функции такого медиатора включают выявление конфигурации конфликта, определение его деформационных узлов, поддержание диалога между сторонами, перевод их разрозненных нарративов в совместно обсуждаемое смысловое поле, а также прогнозирование возможных сценариев урегулирования. Кроме того, медиатор-философ выполняет функцию стабилизации социальной коммуникации в тех средах, где алгоритмические механизмы усиливают фрагментацию и поляризацию. Его задача заключается не только в снижении уровня конфликтного напряжения, но и в восстановлении самой возможности устойчивого и осмысленного общения между людьми. Речь идёт о создании условий, при которых взаимодействие снова становится основанным на взаимном признании и понимании. Именно поэтому подобный профессиональный профиль может быть востребован в самых разных сферах – от образовательной среды и корпоративных команд до психологических служб, публичных коммуникаций и цифровых платформ.

Теоретическая значимость исследования связана с тем, что в нём предложена целостная междисциплинарная модель анализа межличностных конфликтов, объединяющая социальную философию, конфликтологию, медиацию, феноменологию и герменевтику. Системно-топологический подход расширяет понятийный аппарат социальной философии, вводя такие категории, как деформация связности, топологическая инвариантность, сигнатуры конфликта и социомедиативная регуляция. Благодаря этому конфликт рассматривается не только как социальное явление, но и как

динамическая структура, способная изменяться вместе с трансформацией коммуникационных и технологических условий.

Кроме того, исследование затрагивает более широкий философский вопрос о положении человека в цифровую эпоху. Показано, что цифровизация не устраняет гуманистическую проблематику, а, напротив, делает её ещё более заметной. Трансформируются сами каналы общения. Меняется восприятие людей друг друга. Механизмы, через которые выстраивается социальное взаимодействие, также становятся иными. Все это порождает необходимость в новых подходах. В этих условиях межличностный конфликт воспринимается иначе. Конфликт приобретает статус важной философской категории, которая отражает особенности современного общества.

Практическая значимость исследования определяется тем, что результаты работы могут быть использованы при подготовке специалистов, работающих с конфликтами в цифровой среде.

Сама модель применима в широком спектре ситуаций, где возникают межличностные разногласия.

Практический интерес представляет и возможность использования отдельных положений исследования при разработке медиативных процедур для цифровой среды. Это касается как работы с уже возникшими конфликтами, так и поиска способов их раннего выявления и предупреждения.

Актуальность подобных подходов связана с тем, что значительная часть повседневного общения сегодня происходит в цифровом пространстве. По мере расширения онлайн-коммуникации возрастает и потребность в инструментах, которые помогают не только анализировать конфликтные процессы, но и поддерживать более устойчивое и конструктивное взаимодействие между людьми.

Перспективы дальнейшего исследования. Проведённое исследование не исчерпывает всех вопросов, связанных с изучением межличностных конфликтов в цифровой среде. Дальнейшая работа может быть связана с более детальным анализом новых форм конфликтного взаимодействия,

возникающих в социальных сетях, цифровых сообществах и других онлайн-пространствах. Представляет интерес и сопоставление подобных процессов в разных культурных контекстах, поскольку способы восприятия, переживания и разрешения конфликтов во многом зависят от особенностей социальной среды. Отдельного изучения требуют возможности применения предложенного подхода в различных институциональных условиях. Практика показывает, что характер конфликта и способы работы с ним могут существенно различаться в образовательной сфере, профессиональной среде, семейных отношениях или цифровых сообществах. По этой причине дальнейшее уточнение механизмов социомедиации остаётся актуальной исследовательской задачей. Перспективным направлением выглядит и использование отдельных элементов модели в цифровых сервисах и платформах. Речь идёт не о замене человека технологиями, а о поиске инструментов, которые могли бы помогать в выявлении признаков конфликтного напряжения и поддержке коммуникации в онлайн-среде. Насколько подобные решения окажутся эффективными и где проходят границы их применения – вопрос, требующий дополнительного изучения.

Сохраняет значение и дальнейшее осмысление роли медиатора в условиях цифрового общества. Требуют уточнения вопросы профессиональной подготовки, набора компетенций, этических принципов и практических сфер деятельности специалистов, работающих с конфликтной коммуникацией. В более широком плане остаётся открытым вопрос о том, как меняются человеческие отношения в условиях растущего влияния цифровых технологий. По мере того, как всё больше коммуникации переносится в онлайн-пространство, возрастает необходимость сохранять внимание к человеческому опыту и не сводить конфликт исключительно к технической или управленческой проблеме. Именно в этом направлении, на наш взгляд, могут развиваться дальнейшие исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абгаджав Д.А. Конфликтологическая экспликация справедливости // Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления национальной безопасности: материалы Четвертого Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов. Санкт-Петербург, 22 ноября 2024 г. – СПб.: СПб.: Институт мира и исследования конфликтов, 2024. – 266 с. DOI 10.31312/ 978-5-6053157-0-4. Санкт-Петербург: Институт Мира и исследования конфликтов. – 2024. – С. 7-11.
2. Абдрахманова Ф.Р. Конфликт моральных ценностей в эпоху Big data // Философская мысль. – 2024. – № 10. – С. 51-63.
3. Абдрахманова Ф.Р. Межличностный профессиональный конфликт: философский анализ // Общество: философия, история, культура. – 2024. – №8. – С. 74-80. DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2024.8.10>.
4. Абдрахманова Ф.Р. Социальный образ медиатора: концептуализация в парадигме топологической антропологии / Ф.Р. Абдрахманова, И.И. Еникеева // Общество: философия, история, культура. – 2026. № 4. – С. 14-20. <https://doi.org/10.24158/fik.2026.4.1>.
5. Абдуллин А.Р. Философская герменевтика: исходные принципы и онтологические основания: препр. / А.Р. Абдуллин; Башкирский университет. – Уфа, 2000. – 60 с.
6. Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 448 с.
7. Августин А. Исповедь. Москва : Издательство АРС, 2024. – 384 с.
8. Авдеев М.А. Семейная комедиация: от учебных кейсов и соцсетей к социальной практике // Вестник Федерального института медиации. – 2017. – №3 – С. 62-78.
9. Азаренко С.А. Социально-топологическая методология и топологемы культурного бытия // Музыка в системе культуры: Научный вестник Уральской консерватории. – 2019. – №16. – С. 27-41. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-topologicheskoy-metodologiya-i-topologemy-kulturnogo-bytiya>

10. Азаренко С.А. Топологическое философствование и социальная коммуникация // Изв. Саратовского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2016. – №4. С. 412-417. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/topologicheskoe-filosofstvovanie-i-sotsialnaya-kommunikatsiya>

11. Азаренко С.А. Топология души и детства: феноменологическая и социально-топологическая методология исследования // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2025. – №5. – С.76–86.

12. Азаренко С.А. Топология души и мира. Мудрость в миниатюрах. Изд-во: Алетейя, 2025. – 196 с.

13. Азаренко С.А. Топологии сообщества / Институт экономики, управления и права (г. Казань). – Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2014. – 228 с.

14. Аллаhverдова О.В. Медиация как метод разрешения конфликтов в России // Социальный конфликт. – 1999. – № 2. – С. 78-83.

15. Алейников А.В. Конфликтный потенциал риск-рефлексий: концептуальные построения и исследовательские проблемы современной аналитики / А.В. Алейников, А.И. Стребков, В.П. Милецкий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2023. № 39(3). – С. 514-530. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.309>

16. Андрюхина Л.М. Постфеноменология виртуальности // Дискурс-Пи. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН, 2010, Вып. 9-10, с. 17-20.

17. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология. 7-е изд. – СПб.: Питер, 2020. – 560 с. – ISBN 978-5-4461-1423-8. – URL: <https://ibooks.ru/bookshelf/365225/reading> (дата обращения: 23.03.2026). – Текст: электронный.

18. Аристотель. Политика. – Москва : Издательство АСТ, 2025. – 384 с.

19. Аристотель. Сочинения в 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – 830 с.
20. Байбородов А.Ю. «Бытие-к-смерти» как возможность и условие коэкзистенциального общения // Вестник Бурятского государственного университета. – 2016. – Вып. 6. – С. 60-67.
21. Батлер Дж. Гендерное беспокойство: Феминизм и подрыв идентичности (пер. с англ. К. Саркисова) – М.: V-A-C Press, 2022 – 272 с.
22. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. М.Л. Коробочкина. – М.: Весь Мир, 2004. – 185 с.
23. Бауман З. Текущая модерность: взгляд из 2011 года. URL: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/>
24. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. Работы разных лет. – СПб.: Азбука, 2024. – 672 с. (Non-Fiction. Большие книги).
25. Бахтин М.М. Ответ на вопрос редакции «Нового мира» / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – С. 328-335.
26. Бахтин М.М. Философия поступка. – М.: Лабиринт – МП, 1996. – 183 с.
27. Башляр Г. Поэтика пространства. Ад Маргинем Пресс, 2024. – 2-е изд. – 320 с.
28. Башляр Г. Психоанализ огня. – М.: Прогресс, 1993. – 248 с.
29. Бергер П.Л., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. с англ. – Москва : Московский философский фонд, 1995. – 322 с.
30. Бердяев Н.А. Духовное состояние современного мира // Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. – М.: Искусство, Лига, 1994. – Т. 1. – С. 464-499.
31. Бердяев Н.А. Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники) // Вопросы философии. 1989. – № 2. – С. 147-162.
32. Бёртон Дж. Эгоизм, альтруизм и моральные основания личности // J. Of humanistic psychology. – L., 2013. – Vol. 53, n 4. – P. 438-460.

33. Болдонова И.С. Герменевтика электронной текстовой коммуникации // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – №6. – С. 119-123.
34. Бородкин Ф., Коряк Н. Внимание: конфликт! – Новосибирск, 1983. – 141 с.
35. Боулдинг К. Основные течения современной экономической мысли. – М.: Прогресс, 2018. – 287 с.
36. Бубер М. Я и Ты. – М.: АСТ, 2024. – 192 с.
37. Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Начала. – М., 1994. – С. 181-207.
38. Васюков В.Л., Шульга Е.Н. 2024. Цифровая онтология и цифровая герменевтика. Вопросы философии. – 2024. – №4. – С. 116–125. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2024-4-116-125>.
39. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии. – М.: Наука, 1990. – С. 495-546.
40. Вебер М. Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке. М. Вебер. Избранные произведения. – М.: Наука, 1990. – С. 547-601.
41. Вердербер Р. Психология общения. – М.: РИПОЛ Классик, 2018. – 1216 с.
42. Власова В.Б. Образование как фундаментальная составляющая развития современной культуры // Logos et Praxis. – 2011. – №2 (14). – С. 143-148.
43. Вохменцева Н.В. Переговорное посредничество в межличностном конфликте: Социально-философский анализ: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Сиб. юрид. ин-т МВД России. – Красноярск, 2000. – 28 с.
44. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций [Текст] : Из неопублик. трудов / Акад. пед. наук РСФСР. Ин-т психологии. – Москва : Изд-во Акад. пед. наук, 1960. – 500 с.
45. Выготский Л.С. Мышление и речь. – СПб.: Питер, 2024. – 432 с.

46. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. – М.: Владос, 1991. – 368 с.
47. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. – RUGRAM, 2012. – 704 с.
48. Гафнер К.Е. Проблема медиации в контексте социологии конфликта // Конфликтология. – 2020. – Т. 3. – С. 277-288.
49. Гваттари Ф. Три экологии / Ф. Гваттари ; пер. с фр. О. Петронич. – Пермь : Гиле Пресс, 2022. – 120 с. – ISBN 978-5-6048448-6-1.
50. Гвоздарева М.В. Роль посредничества в конструктивном разрешении конфликта // Вестник РУДН. Серия Социология. – 2001. – № 2. – С. 144-151.
51. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. Санкт-Петербург, «Наука», 1993. – 400 с.
52. Герберт С. Воспитание умственное, нравственное и физическое. – М.: Академия, 2019. – 232 с.
53. Гоббс Т. Левиафан. – Москва : Издательство АСТ. – 2025. – 800 с.
54. Гоббс Т. Сочинения: В 2-х т. М.: Мысль, 1989. –Т. 1. – 622 с.
55. Голод С.И. Моногамная семья: кризис или эволюция? – Самара: Бахра-М., 2002. – 258 с.
56. Горшкова В. В., Мельникова А. А., Тонконогая Е. П. Социальная топология и бизнес: конфликтологическое осмысление точек пересечения // Конфликтология. – 2017. – Т. 12. – №4.
57. Гришина Н.В. Давайте договоримся! – СПб.: Реноме, 2022. – 88 с.
58. Гумпилович Л. Социология и политика / Людвиг Гумпилович; Пер. с нем. С.Н. Прокоповича. – М.: Д.А. Бонч-Бруевич, 2015. – 124
59. Гусева Е.А. Опыт философского осмысления феномена межличностного конфликта : Дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11: М., 2005. – 142 с.
60. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. – М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. – С. 199.
61. Гуссерль Э. Картезианские медитации. – М.: Академический проект, 2026. – 229 с.

62. Давыдов А. П. Междисциплинарный подход к изучению медиационных процессов / А. П. Давыдов // Философские науки. – 2024. – Т. 67, № 4. – С. 7–10. – DOI 10.30727/0235-1188-2024-67-4-7-10.

63. Данакин Н. С., Амин М. З. Современные тенденции в интерпретации социальных конфликтов и условий их регулирования // Диагностика и прогнозирование социальных процессов: материалы международной научно-практической конференции / ответственные редакторы Н. С. Данакин, В. Ш. Гузаиров, И. В. Шавырин. – Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, 2017. – С. 24-28.

64. Данте Алигьери. Монархия / Пер. с итал. В.П. Зубова; Комментарии И.Н. Голенищева-Кутузова. Монархия М.: «КАНОН пресс-Ц». «Кучково поле». – 2019. – 138 с.

65. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт: Очерки политики свободы. – М.: РОССПЭН, 2002. – 257 с.

66. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. – 1994. – № 5.

67. Даровских Ю.В. Медиация в механизме управления социальными процессами // Академический вестник. – 2014. – № 4 (30). – С. 170-177.

68. Делез Дж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 254 с.

69. Денисенко С.В. Медиация как социальное явление и правовой институт (теоретико-правовой аспект) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2013. – № 12 (43). – С. 112-117.

70. Деррида Ж. О грамматологии. – М.: Ad Marginem, 2000. – С. 111-540.

71. Дмитриев А.В. О социальной дезинтеграции в конфликте // Социс. – 1992. – №10. – С. 3-9.

72. Достоевский Ф.М. Письма. В 4 т. - М., Гослитиздат, Т.1, 1959. – 669 с.

73. Дэна Д. Преодоление разногласий: Как улучшить взаимоотношения на работе и дома / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 1994. – 138 с.
74. Дюркгейм Э. Представления индивидуальные и представления коллективные // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр. А. Б. Гофмана. – М.: Канон, 1995. – С. 208-243.
75. Дюркгейм Э. Социология и социальные науки // Э. Дюркгейм // Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М.: Канон, 1995. – С. 265-285.
76. Дюзиков С. А. Медиация как инструмент государственного управления в системе конфликто разрешения в России / С. А. Дюзиков, В. М. Золотарев // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14, № 2. – С. 46-54. – DOI 10.18522/2227-8656.2025.2.3.
77. Елхова О.И. Индекс виртуальности: философское обоснование. Вестник Северного (Арктического) федерального университета Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2021. Т. 21(3). – С. 99–107. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V106>.
78. Елхова О. И. Метрики феноменологического виртуального опыта Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2024. – Т. 28. – № 4. – С. 997–1013.
79. Елхова, О.И. Онтологическое содержание виртуальной реальности : автореферат дис. ... доктора философских наук : 09.00.01 / Елхова Оксана Игоревна; [Место защиты: Башкир. гос. ун-т]. – Уфа, 2011. – 38 с.
80. Елхова О.И. Феноменология восприятия виртуальной реальности // Вестник Северного (Арктического) федерального университета (серия «Гуманитарные и социальные науки»). – 2024. – Т. 24. – №5. – С. 97–106.
81. Жилина В. А. Мифы статуса конфликта в социальном развитии / В. А. Жилина, А. Ю. Жилин // Социум и власть. – 2015. – № 2. – С. 19-21.
82. Заставенко В.А. Коммуникативное пространство конфликта: теоретический анализ // Конфликтология / nota bene. – 2021. – №4. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnoe-prostranstvo-konflikta-teoreticheskiy-analiz> (дата обращения: 24.11.2024).

83. Здравомыслов А.Г. Фундаментальные проблемы социологии конфликта // Социс. – 2021. – №8. – С. 12-21.

84. Зиммель Г. Конфликт современной культуры. – СПб.: Питер, 2019. – 193 с.

85. Зиммель Г. Социальная дифференциация: Пер. с нем. – Киев: Южно-Русское Книгоиздательство Ф.А. Иогансона, – 1898.

86. Золотухина-Аболина Е. В. Переживание : философский анализ / Е. В. Золотухина-Аболина, В. Б. Мелас. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2022. – 350 с. – (Слово о сущем ; т. 138). – ISBN 978-5-93615-321-1.

87. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма : битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / Ш. Зубофф ; пер. с англ. А. Ф. Васильева ; под науч. ред. Я. Охонько, А. Смирнова. – Москва : Издательство Института Гайдара, 2024. – 781 с. – ISBN 978-5-93255-668-9.

88. Иванова Е.Н., Петрова Н.В. Теоретические основы медитативно-переговорных технологий урегулирования конфликта // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. – 2022. – №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-meditativno-peregovornyh-tehnologiy-uregulirovaniya-konflikta>.

89. Ивин А.А. Аргументация в процессах коммуникации : монография / А. А. Ивин. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2015. – 555, [2] с.– ISBN 978-5-4475-6003-4.

90. Ионова С.В., Петрова М.Ю. Сетевые формы конфликтной коммуникации: кибербуллинг и эмоциональное самовыражение // Культура и текст. – 2021 4 (47). С. 267–280. DOI: 10.37386/2305-4077-2021-4-267-280.

91. Ильясов А.А. Сравнительный анализ взглядов Г. Зиммеля и З. Фрейда на причины возникновения конфликтов // Вестник Череповецкого государственного университета – 2009. – №1. – С. 38-41.

92. Кампанелла Томмазо. Город солнца. – Амрита-Русь, – 2021. – 128 с.

93. Камю А. Бунтующий человек. Миф о Сизифе : [сборник] – Москва : Издательство АСТ. – 2026. – 512 с.
94. Кант И. Критика чистого разума – Москва : Издательство АСТ. – 2025. – 224 с.
95. Кант И. Собрание сочинений: в 8 т. – М.: Чоро, 1994. Т. 7. К вечному миру.
96. Казарова Д.С., Калинина Е.В., Свечникова В.В. Медиативные технологии как способ урегулирования конфликтов среди несовершеннолетних. Социально-философские, психолого-педагогические и правовые аспекты: монография. 3-е изд. – 2025. – 147 с.
97. Кац Д. Деловые переговоры – важный элемент бизнеса // Социально-политический журнал. – 2019. – № 7-8. – С. 93-102.
98. Кобышева Е.И., Головченко И.Ф. Интеграция ONLINE медиации в правовом пространстве России // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 2. – С. 367-372.
99. Козер Л. Враждебность и напряженность в конфликтных отношениях // Социология власти. – 2006. – №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vrazhdebnost-i-napryazhennost-v-konfliktnyh-otnosheniyah>
100. Козер Л. Функции социального конфликта / Льюис Козер; Пер. с англ. яз. О. Назаровой; Под. общ. ред. Л. Г. Ионина. – М.: Идея-пресс : Дом интеллектуал. кн., 2000. – 205 с.
101. Козырев Г.И. Конфликтология. Межличностные конфликты // Социально-гуманитарные знания. – 1999. – № 3. – С. 82-92.
102. Козюк М.Н. Медиация между архаикой и модерном // Философия права. – 2017. – №3 (82). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatsiya-mezhdu-arhaikoю-i-modernom>
103. Королева Т.В., Торпакова Е.А. Межличностный конфликт как нарушение принципа диалогичности: гуманистический подход // Вестник науки и образования Северо-Запада России. – 2016. – №3. – С. 1-6. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/mezhlichnostnyy-konflikt-kak-narushenie-printsipa-dialogichnosti-gumanisticheskij-podhod>

104. Короткова Д.Д. От эскалации к трансформации социальных конфликтов: философский, конфликтологический и психологический анализ // Конфликтология. – Т 20. №2. – 2025. – С. 208-222.

105. Кузнецов В.Г. Классическая и неклассическая герменевтика: преемственность и трансформации // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. – 2010. – № 3. – С. 51-64.

106. Кутырев В. А. Человечество и Технос: философия коэволюции : монография / В. А. Кутырев, В. В. Слюсарев, Т. М. Хусяинов. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2020. – 260 с. – (Тела мысли). – ISBN 978-5-00165-139-0.

107. Кучура П.И. Анализ института медиации как альтернативного способа разрешения споров // Апробация. – 2014. – № 5. – С. 149-150.

108. Левин К. Разрешение социальных конфликтов / К. Левин ; пер. с англ. И. Ю. Авидон. – Санкт-Петербург : Речь, 2000. – 407 с. – (Классики современной психологии). – ISBN 5-9268-0008-0.

109. Левинас Э. Время и другой = Le temps et l'autre; Гуманизм другого человека = Humanisme de l'autre homme / Эммануэль Левинас; пер. с фр. А. В. Парибка. – СПб. : Высшая религиозно-философская школа, 1998. – 264, с.

110. Левинас Э. Этика бесконечного (интервью с Р. Керни) // Керни Р. Диалоги о Европе. – М.: Весь мир, 2002. – С. 197.

111. Лекторский В. А. Культура, общество, медиация. Теория А.С. Ахиезера / В. А. Лекторский // Философские науки. – 2019. – Т. 62, № 8. – С. 9–15. – DOI 10.30727/0235-1188-2019-62-8-9-15

112. Леонова Е.В. Родители и дети в период изоляции: внешние и внутренние факторы взаимопонимания // Национальный психологический журнал. – 2020. – № 3(39). – С. 48-56.

113. Лещев С.В. Интерсубъективность и коммуникативное действие (Неокантианство и постмодернизм прагматики Ю. Хабермаса) // Вопросы философии. – 2013. – № 3. – С. 165-176.
114. Локк Дж. Опыт о веротерпимости. – М.: Академия, 1990. – 210 с.
115. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 1988. – 558 с.
116. Макарова И.В. Конфликт и неформальная коммуникация//Теория и практика общественного развития. – 2012. – №12. – С. 87-89– URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18287697>
117. Макиавелли Н. Государь. – М.: Издат. дом «Художественная литература», 2022. – 257 с.
118. Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения. Пятое издание (1817 г.) / Антология экономической классики. – М.: Эконов; Ключ, – 1993.
119. Маркс К., Энгельс Ф. К критике политической экономии // Собр. соч., изд. 2, т. 13. – М.: Политиздат, 1959. – 771 с.
120. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Т.8. Издательство «Государственное издательство политической литературы», Репринт. – 2024. – 736 с.
121. Мацумото Д. Психология и культура: Соврем. исслед. – 3 междунар. изд. – СПб: Прайм-Еврознак, 2022. – 414 с.
122. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. – СПб.: Ювента; Наука, 1999. – 606 с.
123. Миллс Ч.Р. Социологическое воображение. – М.: Издательский Дом NOTA BENE, 2001. – № 1. – С. 107-114.
124. Милль Дж.С. О свободе: Пер.с англ. / Соч. Джона Стюарта Милля. – Лейпциг: В. Гергард, 1861. – 254 с.
125. Митяева А.М., Валуйкова В.Е. Психологические детерминанты возникновения конфликтов в межличностном общении // Baikal Research Journal. – 2023, № 14 (1). – С. 158–164.
126. Мор Т. Утопия. – 24 Наш Книжный Дом, 2025. – 253 с.

127. Морено Дж. Театр спонтанности / Дж. Морено. – Красноярск: Фонд ментального здоровья, 1993. – 127 с.

128. Морозов А.В. Формирование компетенции «Управление конфликтом» (confl ICT management) // Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика. – 2012. – №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-kompetentsii-upravlenie-konfliktom-confl-ict-management>

129. Москвитин В.А. Постфеноменология техники: от медиации к конституированию опыта // Философия науки и техники. – 2025. Т. 18 Вып. 4. DOI: <https://doi.org/10.30853/mns20250206>.

130. Назарчук А.В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. – М.: Весь мир, – 2012. – 242 с.

131. Нелиссен Д. Посредничество // Социальный конфликт. – 1996. – №2. – С. 14-24.

132. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров, или Как философствовать молотом. О философах. Об истине и лжи во вненравственном смысле. – Минск: Харвест, – 2013. – 384 с.

133. Новосельцев В.И. Формирование ответственности школьников: [монография] / В. И. Новосельцев; М-во образования Рос. Федерации, Моск. пед. гос. ун-т, Белгор. гос. ун-т. - Белгород: Белгор. гос. ун-т, 2004. – 295 с.

134. Ньюком Т. Исследование согласия // Социология сегодня: Проблемы и перспективы американской буржуазной социологии XX века. – М., 1965. – С. 302-323.

135. Павлова Е.В. Конфликтное измерение цифровой трансформации ценностей // Конфликтология. – Т 20. №2. 2025. – С. 131-146.

136. Парсонс Т. О построении теории социальных систем: интеллектуальная автобиография // Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева; Науч. ред. пер. М.С. Ковалева. – М.: Аспект Пресс, 1998. – С. 207-268.

137. Парсонс Т. Структура социального действия / Гл. 1,2, 17, 18, 19 // Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000 (1937). – С. 43-328.

138. Паткуль А.Б. Бытие в философии Гегеля и Шеллинга // Verbum. – 2018. – №20. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bytie-v-filosofii-gegelya-i-shellinga>

139. Первышева Е.В. Межличностный конфликт как фактор социализации старших подростков: диссертация ... кандидата психологических наук: 19.00.05 / МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 1989. – 157 с.

140. Петушкова О.Г., Гурьянова И.В. Восстановительная медиация как технология социальной работы // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. – 2017. – Т. 2. – С. 252-254.

141. Платон. Сочинения. – Альфа-книга : 2013. – 1131 с.

142. Пинкевич А. Г., Артемов Г. П. Factors of negative attitude towards immigrants in Russia // Конфликтология. – 2024. – №19(4). – С. 34-51. <https://doi.org/10.31312/2310-6085-2024-19-4-34-51>

143. Похмелкина Г.Ф. Медиация как социальная технология: что и как делает медиатор, чтобы помочь конфликтующим сторонам прийти к согласию // Российское право: образование, практика, наука. – 2009. – № 1 (54). – С. 31-35.

144. Рапопорт А. Истоки насилия: подходы к изучению конфликта // Социальный конфликт: Современные исследования: реферативный сборник лякова. – М., 1991. – С. 39.

145. Рахим А., Кауфман С, Магнер Н.Р. Структурные сравнительные модели стилей поведения в конфликте с супругом (супругой), супружеская неудовлетворенность и нестабильность брака // Социальный конфликт. – 1999. – № 2. – С. 53-71.

146. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. – М.: Изд-во «МЕДИУМ», 1995. – С. 9.

147. Розин В.М. Методология: историческое понимание и новый старт / В. М. Розин // Вопросы философии. – 2023. – № 12. – С. 103-113. – DOI 10.21146/0042-8744-2023-12-103-113.

148. Ромазанов А.А. Введение в философию медиации// Образование и право. – 2018. – № 2. – С. 35-39.

149. Рюмшин С.А., Юдин В.И. Медиация – социальное взаимодействие в преодолении противоречий и конфликтов через компромисс // Этносоциум и межнациональная культура. – 2015. – № 10 (88). – С. 45-51.

150. Савин А.Б. Типология социальных конфликтов: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук. – Нижний Новгород, 1999. – 158 с.

151. Салимгареев Д.И. Медиативная технология как инструмент интеграции модели бережливого производства // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2020. – № 2. – С. 85-90.

152. Салимгареев Д.И. Медиация как гуманистическая технология разрешения социальных конфликтов в современном российском обществе : автореферат дис. ... кандидата философских наук : 5.7.7. / Салимгареев Денис Игоревич; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий» ; Диссовет 24.2.479.16 (24.2.479.16)]. – Уфа, 2024. – 22 с.

153. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2022. – 640 с.

154. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм. – Издательство АСТ. – 2025. – 160 с.

155. Симонов П.М., Прудский М.В. Статистический анализ временных характеристик локальных конфликтов и военных расходов (на примере России и США) // Вестник ПГУ. Серия: Экономика. – 2017. – №1. – С. 78-88. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/statisticheskiy-analiz-vremennyh-harakteristik-lokalnyh-konfliktov-i-voennyh-rashodov-na-primere-rossii-i-ssha>.

156. Соколов А.В., Абрамовский И.С. Городские конфликты: стратегии борьбы акторов конфликта // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. – 2022. – №1 (23). – С. 20-28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gorodskie-konflikty-strategii-borby-aktorov-konflikta>
157. Сорокин П.А. Система социологии. – Том 1. – Репринт оригинального издания (издательство «Петроград: Колос», 1920 год). – 2025. – 205 с.
158. Соснин В.А. Урегулирование и разрешение конфликтов: проблема посредничества в прикладной практике Запада // Психол. журнал. – 1994. – Т.15, № 5. – С. 130-141.
159. Спенсер Г. Воспитание умственное, нравственное и физическое. – М.: Академия, 2019. – 232 с.
160. Сперанский В.И. Конфликтная ситуация и инцидент // Социальный конфликт. – 1995. – № 5. – С. 129-144.
161. Спиноза Б. Этика / Б. Спиноза ; переводчик Н. А. Иванцов. – Москва : Издательство Юрайт, 2025. – 240 с.
162. Стребков А.И., Стребкова О.А. Медиативные перспективы корпоративной социальной ответственности в современной России // Конфликтология. – 2013. – Т. 3. – С. 190-207.
163. Сулимова Т.С. Общественные конфликты и социальное партнерство // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. – 1994. – Вып. 6. – С. 62-75.
164. Сулимова Т.С. Регулирование и разрешение конфликтов // Социальные конфликты в меняющемся российском обществе. – М., 1994. – С. 88-95.
165. Сунами А.Н. Конфликтные аспекты развития технологий искусственного интеллекта // Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления национальной безопасности: материалы Четвертого Санкт-Петербургского международного конгресса конфликтологов, Санкт-

Петербург, 22 ноября 2024 года. СПб: Институт Мира и исследования конфликтов. 2024. – С. 149-151.

166. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 15. – М.: ГИХЛ, 1955. – 336 с.

167. Тюгашев Е.А. Социокультурная медиация и философия // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 12 (91). – С. 376-380.

168. Файзуллин Ф.С. Справедливость как принцип гармонизации социальных отношений / Ф.С. Файзуллин С.Д. Исанбаева; Академия наук Республики Башкортостан, Отделение социально-гуманитарных наук и технологий. – Уфа: Гилем, 2017. – 179 с.

169. Фишер Р., Юри У. Путь к согласию Или переговоры без поражения / Пер. с англ. – М., 1990. – 158 с.

170. Фрейд З. «Я» и «Оно». 24 Наш Книжный Дом, – 2023. – 288 с.

171. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М. : Издательство АСТ. – 2024. – 736 с.

172. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц.- М.: Касталь, 1996. – 448 с.

173. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. – 416 с.

174. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году / пер. С фр. А. В. Дьякова. – СПб.: Наука, 2010. – 448 с.

175. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. – М.: АО «Ками» Издательский центр Academia, 1995. – 258 с.

176. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. Д.В. Складнева. – СПб: Наука, 2006.

177. Хайдеггер М. Бытие и время. С. : Апсны., 2023. – 488 с.

178. Хасан Б.И. Отдельные вопросы правового регулирования онлайн медиации // Современное право. – 2016. – № 2. – С. 89-94.

179. Хахалова А.А. Влияние intersubъективного взаимодействия на становление самости // Ученые записки КНАГТУ. – 2012. – № 2. – С. 69-74

180. Чубукова Е.И. Коммуникативно-прагматическая концепция истины в философии языка Ю. Хабермаса // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. – СПб., 2001. – Вып.12. – С. 255-258.

181. Чумиков А.Н. Управление конфликтом и конфликтное управление как новые парадигмы мышления и действия // Социс. – 1995. – № 3. – С. 52-57.

182. Шаленко В.М. Модели конфликтных процессов и современные подходы к их разрешению // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. – М., 1994. – Вып.7. – С. 177-188.

183. Шатунова Т.М. Герменевтика в языках культуры. – Казань: Издательство Казанского университета, 2021. – 141 с.

184. Шибанова Н.А. Антропология Канта и современная конфликтология: точки соприкосновения / XI Садыковские чтения. Иммануил Кант и современность: материалы Международной междисциплинарной научно-образовательной конференции (Казань, 15–16 ноября 2024 г.) / под ред. Г.К. Гизатовой, О.Г. Ивановой, Г.В. Мелихова, Ф.Ф. Серебрякова, Н.А. Терещенко, Т.М. Шатуновой. – Казань: Издательство Казанского университета, 2024. – С. 489-497.

185. Шибанова Н.А. Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества: методология и практики реализации / под ред. Н.А. Шибановой. Казань, издательство Казанского университета, 2021. Глава XLII. Методика составления программ профилактики экстремизма и терроризма среди молодежи в цифровом обществе. – 632 с.

186. Шульга Е.Н. Когнитивная герменевтика. – М.: Институт философии РАН, 2002. – 235 с.

187. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Л.Г. Моргана. – М.: Политиздат, 1973. – 240 с.

188. Юнгус Г.А. Медиабельность конфликтов: социально-философский анализ // Дискурс-Пи. – 2018. – №2 (31). – С. 177-184. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediabelnost-konfliktov-sotsialno-filosofskiy-analiz>

189. Apel K.-O. Kann es in der Gegenwart ein postmetaphysisches Paradigma der Ersten Philosophie geben? // Philosophie der Gegenwart – Gegenwart der Philosophie / Hrsg. H. Schnädelbach, G. Keil. – Hamburg : Junius, 1993. – S. 58.

190. Bacon F, The works of Francis Bacon, Coll. and ed. by James. Spedding «t al. 14 vol-s, – London, 1857-1874 (Reprint, New York, 1968).

191. Bert J. Pre-training of deep bidirectional transformers for language understanding. In Proceedings of the 2019 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human Language Technologies, Volume 1 (Long and Short Papers), Minneapolis, Minnesota. Ion Stagkos Efstathiadis, Guilherme Paulino-Passos, and Francesca Toni. – 2021.

192. Bertalanffy Ludwig von. The History and Status of General Systems Theory // The Academy of Management Journal. 1972. Vol. 15, No. 4. P. 407-426.

193. Bloor D. Anti-Latour // Studies in History and Philosophy of Science. – 1999. Part A. – V. 30 (1) / http://www.melissa.ens-cachan.fr/IMG/pdf/bloor_-_anti-latour.pdf

194. Castells M. (1998) La société en réseaux. Paris : Fayard. T. 1: L'ère de l'information. – 609 p.

195. Deutsch. The resolution of conflict: Constructive and destructive processes. – New Heaven and London: Vale Univ. Press, 1973.

196. Durkheim and Representations / W. S. F. Pickering, ed. Routledge, 2000. – P. 11-23.

197. Frabetti F. Have the humanities always been digital? / In *Understanding Digital Humanities*, ed. D. Berry. – London: Palgrave Macmillan, 2012. – P. 161-71.
198. Ihde D. *A Phenomenology of Technics // Philosophy of technology: the technological condition: an anthology*. Ed. by Robert C. Scharff, Val Dusek. Wiley-Blackwell, 2003. – P. 507-529.
199. Ihde D. *Technology and the Lifeworld: From Garden to Earth* – 2-е изд. – Indiana University Press, 1990. – 225 с.
200. Latour B. On actor-network-theory: A Few Clarifications plus more than a few Complications // *Soziale Welt*. – 1999. – № 47. – P. 372.
201. Lauer C. Space, Time, and the Openness of Hegel's Absolute Knowing // *Continental Philosophy History of Philosophy*. – 2006. – №36 (3) – Pp.169-181.
202. Lyotard J-F. *The PostModern Condition. A Report on Knowledge* / tr. by Geoff Bennington and Brian Massumi. – Manchester: Manchester Univ. Press. 1984.
203. Malthus. T. *The False Prophet: The Abiding Fallacy of Malthusian Limits* // *The Economist*. 2008. – May 17.
204. Maslow A.H. *Motivation and Personality*. N.Y.: Harper and Row, 1970. – 258 p.
205. Mol A. *The Body Multiple: ontology in medical practice*. – Durham, NC: Duke University Press, 2002. – 216 p.
206. Onditi F. *Conflictology: Systems, Institutions, and Mechanisms in Africa*. – London: Lexington Books, 2020.
207. Schelling F.W.J. *Philosophie der Mythologie*. 2 bd. Bd. 2 Darmstadt., Wiss. Buchges, 1957. – 685 с.
208. Simmel G. *Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung*. – Leipzig: Verlag von Duncker & Humblot, 1908.
209. Yarn Douglas H. *Dictionary of Conflict Resolution* published by Wiley, 1999. – 576 p.
210. Zahavi D. *Husserl's Phenomenology*. – Stanford University Press, 2003. – 192 p.

211. Zahavi D. Naturalized Phenomenology: A Desideratum or a Category Mistake? // Phenomenology and Naturalism: Examining the Relationship between Human Experience and Nature / Ed. by H. Carel, D. Meacham. Cambridge University Press, 2013. – P. 23-42.

ПРИЛОЖЕНИЕ

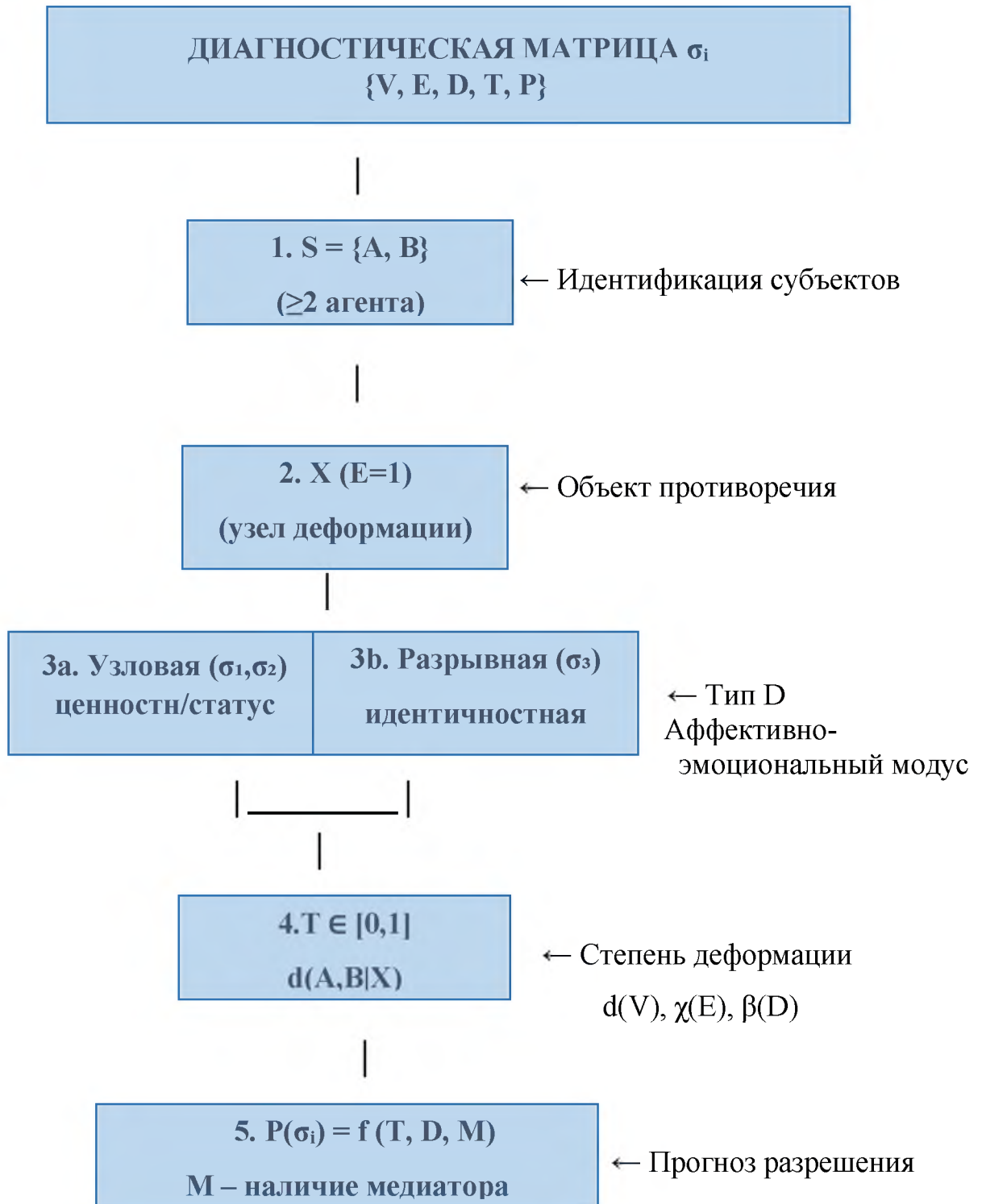
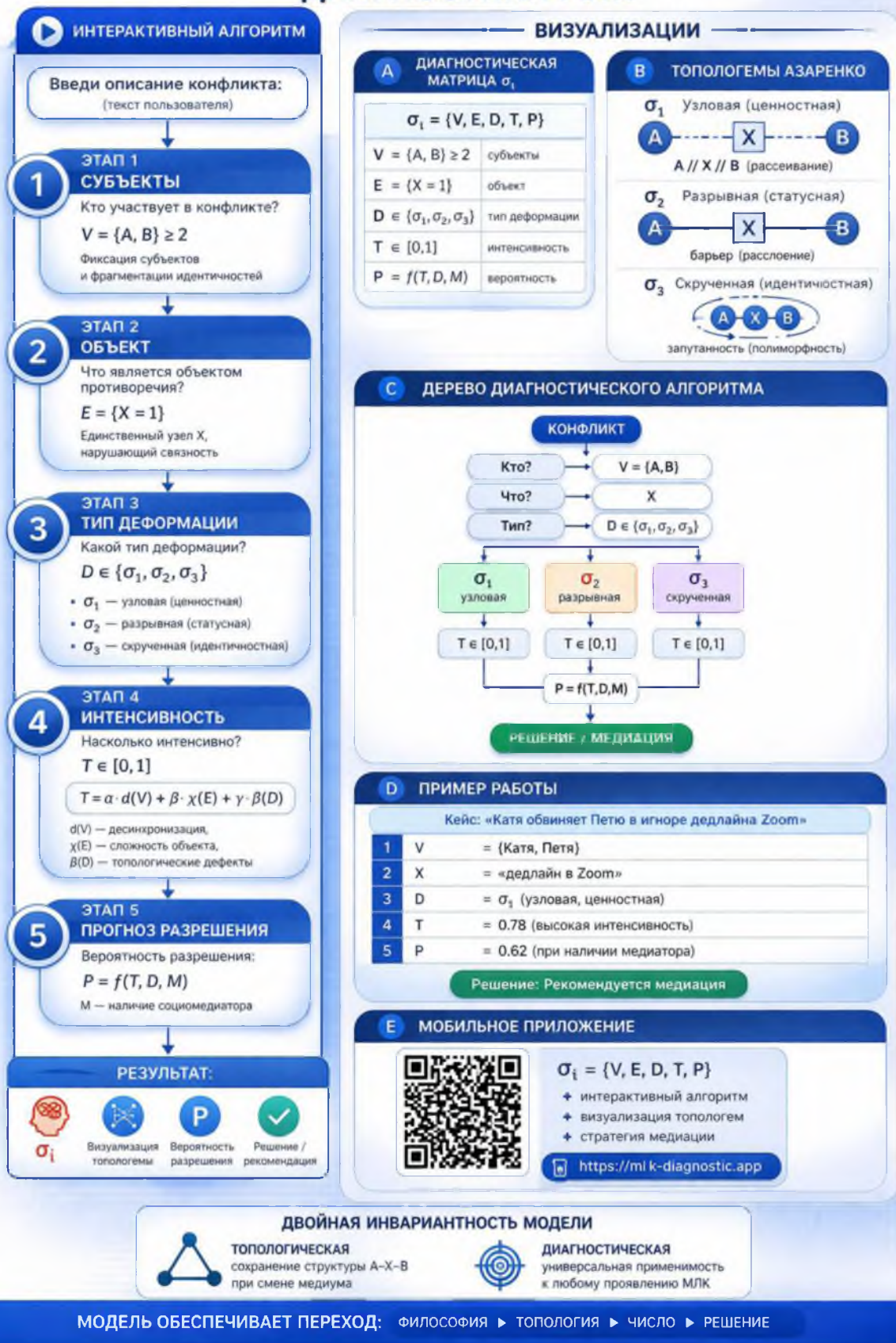

Рис. 1. Модель системно-топологической типологии межличностных конфликтов

СИСТЕМНО-ТОПОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ДИАГНОСТИКИ МЛК

|| ТОПОЛОГЕМА ДЕФОРМАЦИИ σ_i ||
 || А-Х-Б \rightarrow цифровая мутация ||

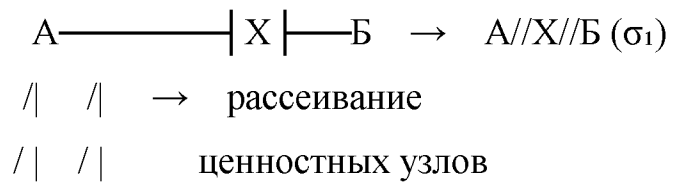

Рис. 3. Структура топологемы деформации по С.А. Азаренко